

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№ 4/2013

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор
Михаил Кондратьев

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Галина Андреева

Заместитель председателя
Михаил Кондратьев

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

А.И. Донцов, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко,
Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской психолого-педагогический университет

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Экономическая социализация в транзитивном обществе. Введение в проблему
Е.М. Дубовская, Р.А. Кораблинов 5
- О предмете и основных задачах организационной психологии на современном этапе ее становления и развития
В.А. Ильин 22
- Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований
С.А. Кузнецова 34
- Воздействие и влияние как социально-психологические координаты межличностного взаимодействия: понятийно-терминологический аспект
М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин 46

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Исследование взаимосвязи предпочитаемых стратегий совладания и этнонациональных установок
А.Е. Фомичева, О.Е. Хухлаев 58
- О психологической готовности к материнству девушек-сирот
М.А. Егорова, С.И. Миронова 69
- Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа
Т.А. Шкурко 81
- Аксиологическая направленность и субъективное благополучие личности в специфике этнопсихологической обусловленности
Е.Е. Боcharова 95
- Особенности мотивации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта
С.А. Кузнецов 106

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Исследование социально-психологических детерминант участия женщин в общественной деятельности
Н.А. Молдован 114
- Методика исследования социокультурного пространства организации «Краб» Ю.Д. Красовского: психометрические характеристики полной версии и разработанного экспресс-варианта
В.Г. Грязева-Добшинская, П.С. Глухов 123
- К вопросу о модификации «внутригруппового» социально-психологического инструментария для исследования межгрупповых отношений и взаимовосприятия
М.Ю. Кондратьев, В.А. Лисицын 133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Международный форум специалистов по социально-психологическим проблемам образовательного пространства
О.Б. Крушельницкая 150

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2013 ГОДУ

160

Наши авторы

163

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

Economic Socialization in Transitive Society: An Introduction <i>E.M. Dubovskaya, R.A. Korablinov</i>	5
On the Subject and Main Tasks of Organizational Psychology in Its Current Developmental Stage <i>V.A. Ilyin</i>	22
Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research <i>S.A. Kuznetsova</i>	34
Impact and Influence as Social Psychological Coordinates of Interpersonal Interactions: A Conceptual Aspect <i>M.Yu. Kondratyev, V.A. Ilyin</i>	46

EXPERIMENTAL RESEARCH

Research on the Relationship between Preferred Coping Strategies and Ethno-National Attitudes <i>A.Ye. Fomicheva, O.Ye. Khukhlaev</i>	58
Psychological Readiness for Motherhood in Young Female Orphans <i>M.A. Egorova, S.I. Mironova</i>	69
Attitudes to 'Us/Them' and 'Close Person/Stranger' in Residents of Cities of Different Types <i>T.A. Shkurko</i>	81
Axiological Orientation and Subjective Well-Being in the Context of Ethnopsychological Specifics <i>E.E. Bocharova</i>	95
Features of Motivation in Sportspersons in Team and Individual Sports <i>S.A. Kuznecov</i>	106

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Research on Social Psychological Determinants of Women's Participation in Public Activities <i>N.A. Moldovan</i>	114
'Krab' Technique for Investigating Sociocultural Environment in Organizations: Psychometric Features of Full and Express Versions <i>V.G. Gryazeva-Dobshinskaya, P.S. Glukhov</i>	123
On the Question of Modifying 'Intragroup' Social Psychological Tools for Investigating Intergroup Relationships and Mutual Perception <i>M.Yu. Kondratyev, V.A. Lisitsyn</i>	133

SCIENTIFIC LIFE

International Forum of Experts in Social Psychological Issues in Education <i>O.B. Krushelnitskaya</i>	150
---	-----

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2013	160
--	-----

Our authors	165
--------------------	-----

Экономическая социализация в транзитивном обществе. Введение в проблему

Е.М. ДУБОВСКАЯ

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Р.А. КОРАБЛИНОВ

соискатель кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье выделены формирующиеся подходы в изучении феноменов экономической социализации, представлена проблема транзитивного общества. Транзитивное общество определено как макрофактор экономической социализации, а транзитивность как стабильное свойство социально-экономической системы. Предложены вопросы для дальнейших исследований экономической социализации.

Ключевые слова: *экономическая социализация, динамика социально-экономических условий, транзитивное общество, транзитивность, трансформационное общество.*

Согласно принятой в отечественной социальной психологии позиции, социализация определяется как двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение человеком социального опыта благодаря постепенному вхождению в систему социальных связей, а с другой — воспроизводство им системы социальных связей за счет активной деятельности, активного включения в социальную среду [3; 4 и др.]. Данное определение социализации, несмотря на сложность операционализации, оказывается вполне конструктивным, так как «при таком понимании фиксируется не только процесс социальной ориентировки и усвоения социальных нормативов (т. е. то, что обычно в большинстве случаев понимается под процессом социального развития), но и подчеркивается мо-

мент активного преобразования человеком и применения им в новых ситуациях усвоенных ранее социальных ролей, норм, ценностей, способов социального самоопределения. Именно этот акцент расширяет и конкретизирует имплицитно заложенную в понятии социального развития идею активности личности» [6, с. 28]. При этом характер взаимодействия человека и общества включает в себя определение в качестве субъекта изменений не только самого человека, но и общества, а также показывает существующую преемственность протекающих изменений. Г.М. Андреева справедливо пишет, что изменения определяются не только как фундаментальная характеристика социального окружения, но и как всеобщий онтогенетический феномен: любое изменение индивида влечет за со-

бой трансформации социального окружения, и, наоборот, изменяя социальную среду, человек изменяется сам [4].

Исходя из вышесказанного, экономическую социализацию можно определить как специфическую часть общего двустороннего социализационного процесса, включающую в себя, с одной стороны, усвоение человеком социально-экономического опыта благодаря вхождению в систему экономических связей и отношений, а с другой — воспроизводство им системы этих связей и отношений за счет активной деятельности (экономической активности, профессионально-трудовой деятельности). При этом важное значение для результатов социализации имеет соответствующий учет динамики социально-экономических условий в определенном обществе. Так, например, в традиционном обществе, в отличие от транзитивного, как правило, преобладают отношения перераспределения, а не рыночного обмена, при которых повышается социальная мобильность и изменяется социально-экономическая структура общества, система перераспределения благ может регулироваться традицией, а рыночные отношения — нет. По нашему мнению, транзитивное общество в качестве фактора макросреды социализации человека, в частности, экономической, обуславливает появление новых закономерностей в процессе социального развития и активной экономической деятельности.

Если говорить о степени изученности проблемы экономической социализации, то ее исследование началось не так давно, во второй половине прошлого столетия, и практически одновременно интерес к этой проблеме начали проявлять как западные, так и российские уче-

ные. Среди зарубежных исследователей можно выделить Н. Dittmar (1997), А. Furnham (1986, 1996, 2001), Р. Lunt (1996, 1997), Р. Webley, С. Burgoyne, S. Lea и В. Young (2001).

Западные психологические исследования экономической социализации в 70–80-х годах преимущественно базировались на стадильной теории Ж. Пиаже и были нацелены на анализ становления экономических понятий у детей и подростков [12]. В середине 80-х этот подход подвергся критике, поскольку не учитывал важной роли социальных факторов. В дальнейшем значение практического опыта повседневной жизни как средства социализации (например, опыт покупок в магазине) анализируется в исследовании В. Лейзера и К. Ролана-Леви, а в работе П. Уибли подчеркивается значение неформальной игровой деятельности в развитии экономических представлений ребенка. В исследовании Н. Эмлера и Дж. Дикинсона убедительно было доказано значение для экономической социализации экономических знаний, доступных детям различных социальных классов, что, с точки зрения указанных авторов, воспроизводит социальное неравенство [24]. Обобщая ряд исследований, зарубежный ученый Б. Стаси выделяет четыре аспекта экономической социализации: деньги, собственность, социальная дифференциация, социоэкономическое поведение [49]. Что касается этапов социализации, то факт непрерывного характера экономической социализации, продолжения этого процесса и во взрослом возрасте подтверждается в исследованиях зарубежных психологов, при этом подчеркивается невежество взрослых в понимании экономики.

В контексте проблем экономической социализации также широко исследовались такие социально-психологические явления, как безработица (Furnham, 1982, 1983; Lewis, Furnham, 1986; Lunt, 1989) и нищета (Furnham, 1982; Lunt, Livingstone, 1981).

Таким образом, экономическая социализация зарубежными психологами понимается как процесс, где люди учатся «действовать в экономике»: как они будут планировать бюджет, занимать деньги, экономить, покупать, воспринимать рекламу, а также понимать и более широкое назначение экономики [38; 44].

В отечественной психологической науке теоретические и практические аспекты экономической социализации изучаются такими учеными, как М.А. Винокуров и А.Д. Карнышев (2000, 2001), А.П. Вяткин (2000), О.С. Дейнека (1999), Т.В. Дробышева (2000, 2002), Н.А. Журавлева (2001), Н.Н. Помуран (2004), А.Б. Фенько (2000) и др. Приоритетными направлениями в изучении феноменов экономической социализации признавались: изучение роли обучения и воспитания, анализ семейной экономики — первичной среды социализации индивида, анализ влияния «рыночной» социализации на личность, изучение отношения к деньгам, толерантность в бизнесе. Т.В. Бабицкая, например, анализируя семью как фактор экономической социализации ребенка, представляет семейную экономику в виде первичной среды, влияющей на экономическое поведение индивида [18]. Однако роль института семьи в экономической социализации изучена в самых общих чертах.

В исследовании К. Муздыбаева, посвященном анализу бедности в современной России как социально-психоло-

гического феномена, было продемонстрировано, что большая часть «обеспеченных» из числа испытуемых, принимающих участие в исследовании, выросла в состоятельных семьях (80 %), при этом «обеспеченные» убеждены, что их дети также будут жить в достатке (70 %). В сравнении с «обеспеченными» у «бедных» существенно ниже образовательный уровень, и родители малоимущих также имели более низкий уровень образования, нежели родители обеспеченных респондентов. Кроме того, «бедные» пессимистически оценивают экономическое будущее своих детей. К. Муздыбаев предполагает, что бедность, как и обеспеченность, в некоторой степени воспроизводится [27]. В работах О.С. Дейнеки проводится анализ психологических последствий в результате изменений социально-экономических условий в российском обществе [11 и др.]. Она подчеркивает, что в условиях резких социально-экономических перемен экономическая социализация детей «обгоняет» экономическую социализацию взрослых.

Итак, можно сказать, что разными авторами, как зарубежными, так и отечественными, выделяются и исследуются различные аспекты экономической социализации (психологические, социальные, культурные и др.), выявляются взаимосвязи между социально-экономической средой и социализацией человека. Несмотря на выраженную исследовательскую ориентацию в поиске собственной модели экономической социализации, в отечественных исследованиях можно условно выделить некоторые формирующиеся подходы или направления в изучении феноменов социального развития человека в сфере экономических отношений.

**Экономико-психологический
(субъектно-ролевой или личностный)
подход**

Российский ученый А.П. Вяткин в рамках своего авторского подхода (концепция экономической социализации личности) определяет экономический критерий социализации как некоторый «угол зрения», экономическим содержанием которого является максимум полезности. Экономическая социализация им рассматривается как «процесс становления и развития «экономического сознания» личности. С позиции данного подхода экономическая социализация является системным (циклическим) процессом, в котором психолого-экономический результат предыдущего цикла определяет средства и результат последующего. Психологическим фактором, задающим направление экономической социализации, является цель. Личностным эквивалентом экономической цели является экономическая направленность личности. Эмпирически выявленные проявления психологических факторов и механизмов экономической социализации — экономическая направленность, экономическая «Я-концепция», субъективная экономическая рациональность, личностно-экономическое конструирование, достоверно различаются у представителей различных социальных групп, по сути, у носителей различных социальных ролей: предпринимателей, работающих специалистов, госслужащих, студентов, безработных. Показателен факт, что в русле рассматриваемого личностного подхода было установлено, что изменения социально-экономических условий, определяемые разными периодами социально-экономического развития общества, сопро-

вождаются изменениями показателей психологических факторов экономической социализации у однотипных субъектов, что отражает влияние социальных и экономических условий на процесс социализации. Также были выявлены достоверные связи психологических факторов и механизмов экономической социализации с социально-экономическим статусом личности, что отражает закономерности экономической социализации на трех уровнях — экономическое сознание, субъект деятельности, личность [10].

Отметим, что в свое время Б.Г. Ананьев в работе «Человек как предмет познания» (1968) выделял в структуре личности социально-экономический статус, считая его одним из основополагающих структурных элементов, позволяющих человеку адаптироваться в окружающем его мире [2]. Выбор в качестве экономического критерия социализации в данном подходе некоторого «угла зрения», экономическим содержанием которого является максимум полезности, по нашему мнению, согласуется с моделью экономического человека, разработанной в трудах известных экономистов Д. Кейнса, А. Маршалла, А. Смита (теория рационального «экономического человека») [32], деятельность которого всегда направлена на получение выгоды. Однако в качестве замечания к подходу следует сказать, что известный психолог и лауреат Нобелевской премии в области экономики (2002) Д. Канеман указывает на тот факт, что экономические науки уже вступают в эпоху пересмотра сложившихся методов и доктрин, начиная с основы основ — модели *homo economicus*, рационального экономического человека [8; 44]. Российский ученый С.В. Малахов также в своем обзоре, посвященном анализу развития экономической психологии, пишет, что укреплению эконо-

мической психологии служили открытия и в области социобиологического знания, позволившие психологам более активно включиться в изучение не только рационального, или «полезного» экономического (эгоистического поведения «экономического человека» А. Смита) поведения, но и альтруистического («нерационального») поведения [25].

По мнению Дж. Сороса, с одной стороны, следование направлению, заданному экономистами (например, исследования рационального или нерационального выбора в экономической деятельности), приводит к тому, что большинство психологических исследований сосредоточено на проблеме экономических знаний и «экономического» мышления, что обедняет развитие экономической психологии как прикладной отрасли социальной психологии. С другой стороны, подчеркивание высокой значимости выгоды и экономического выигрыша как в реальной жизни, так и в исследовательской практике, искажает ценности общества [33; 34].

Таким образом, «максимум полезности», выбранный в субъектно-ролевом подходе как критерий социализированности, подтверждает необходимость выхода за рамки формально-аксиоматических моделей, слабо связанных с реальным поведением, которое эти модели призваны описывать.

**Этнопсихологический
(экономическая этнопсихология),
или социокультурный подход**

Среди основных представителей этнопсихологического направления исследований экономической социализации мож-

но выделить М.А. Винокурова, А.Д. Карнышева, Н.Н. Помуран, Е.Л. Трофимову и др. Экономическая социализация рассматривается ими через усвоение знаний, умений, навыков, обеспечивающих участие человека в различных экономических деятельности, где он выступает в качестве носителя определенных социальных ролей — предпринимателя, продавца, покупателя и т. д. Экономическая социализация в данном случае выступает частью этнической, но нередко выходит за ее пределы. Последнее происходит тогда, когда индивиду необходимо освоить экономические нормы не только своего этноса, но и других, взаимодействующих с ним этносов, чтобы эффективно осуществлять с ними сотрудничество, партнерство, участвовать в совместных предприятиях и мероприятиях [13; 14]. В рамках рассматриваемого подхода было также выявлено, что особенности этнического воспитания, осуществляемого различными агентами и институтами, влияют на формирование экономического сознания, самосознания и поведения формирующейся личности. Тем не менее, отметим, что, во-первых, в рамках данного направления исследований экономической социализации рассматривается только одна сторона социализации — усвоение социально-экономического опыта и, во-вторых, ситуация взаимодействующих этносов, как правило, в реальной жизни носит постоянный характер.

Понимание экономической социализации как части этнической представляется возможным, но достаточно специфичным, особенно в случае «размывания» этнических границ в обществе. С нашей точки зрения, этническая социализация и экономическая социализация, а также, например, политическая,

являются взаимосвязанными составными частями общего процесса социально-го развития человека.

Социально-психологический, или ценностный подход

В русле социально-психологических исследований можно выделить работы Т.В. Дробышевой, Н.А. Журавлевой, В.А. Сумароковой. В качестве психологического критерия экономической социализации в данном подходе рассматриваются динамика и структура ценностных ориентаций человека. Динамика ценностных ориентаций определяется и как условие, и как механизм экономического поведения, а активность индивида, направленная на преобразование социального опыта в сфере экономических отношений в собственные установки и ценностные ориентации, определяет развитие человека в процессе экономической социализации [13; 14; 18].

В исследованиях А.Л. Журавлева, Н.А. Журавлевой и В.А. Сумароковой было показано, что у студентов, обучающихся экономическим специальностям, снижаются оценка уровня своего материального благосостояния и степень удовлетворения потребительских интересов, в то же время усиливается психологическая готовность искать высокооплачиваемую работу, изменяются представления о богатстве (наличие прибыльного дела и возможность путешествовать), о доходных видах деятельности (торговля), о наиболее предпочитаемых направлениях вложения денежных средств (приобретение дорогой одежды, машины, дорогой квартиры, загородного дома с земельным участком и т. п.)

[16; 17]. Учеными сделаны выводы, что экономическое образование (как фактор экономической социализации) принципиально не изменяет направление активности личности (например, стремление к «статусным» атрибутам), обуславливая не столько содержание, сколько формы (сложность, структурированность) развивающегося «экономического» сознания у студентов-экономистов. Элементы «престижного», «показного» поведения и потребления указанные авторы интерпретируют в терминах Т. Веблена и подчеркивают, что общество Западной Европы уже прошло пик приемлемости такого рода экономического поведения. Отметим, что подобные изменения происходили под влиянием развития экономики на Западе и такие трансформации «формировали» личность, как бы изменяли фокус концентрации ее внимания, перемещая с внешнего, формального, ролевого на внутреннее (проблемы, связанные с саморазвитием и индивидуальными ценностями).

Изучение природы и факторов экономической социализации через выявление взаимосвязи динамики ценностных ориентаций и социально-экономических условий в большей степени характерно для изучения экономической социализации в детском, подростковом или студенческом возрастах (т. е. на до-трудовом этапе социализации), поскольку для радикальных изменений в структуре ценностных ориентаций взрослых требуется больше времени и силы влияния факторов, прежде всего, макросреды (а не только микросреды), что и было показано в работе Н.А. Журавлевой [17].

Также следует сказать, что разные социальные роли как разнообразные модели поведения, в том числе в сфере эконо-

мики, в реальной жизни реализуются людьми с индивидуальной системой ценностных ориентаций, стереотипов и социальных установок, экономическая социализация которых в значительной степени носит спонтанный и вероятностный характер на пути их социального развития. Е.П. Белинская справедливо говорит, что весь процесс присвоения и воспроизводства социального опыта и, тем самым, становление человека как социального субъекта начинает рассматриваться как принципиально незавершенный, как проявление открытости и «потенциальности» каждого [7].

Итак, социально-психологический подход представляется нам наиболее соответствующим принятому в отечественной психологии определению социализации, так как здесь исследователи обращают свое внимание не только на усвоение знаний и ценностей общества, но и на вторую, безусловно, важную сторону социализации, т. е. на активность человека в этом процессе, направленную на воспроизводство и преобразование опыта в социально-экономической сфере в собственные установки и ценностные ориентации, а также на роль факторов макросреды.

В результате сравнения отмеченных подходов становится очевидно, что в изучении феноменов экономической социализации учеными выбираются определенные базисы: личность («Я-концепция», самосознание), конечно же, как одно из основных понятий в социальной психологии, этнос (культура) — как фактор макроуровня социализации, хотя в этом случае исследователи экономическую социализацию практически сводят к этнической, а также динамика и поляризация ценностей, рассматриваемая во

взаимосвязи с изменениями социально-экономических условий. Несмотря на столь различные основания в подходах, подтверждающих их специфичность, прослеживается и некоторая общая тенденция, выражающаяся в ориентации большинства исследователей на ролевые теории социальной психологии. Обратим также внимание, что сама по себе «экономическая социализация» как общий предмет в научно-исследовательских подходах может выступать в качестве системообразующего фактора, что тоже немаловажно.

На основании вышеизложенного следует сказать, что при рассмотрении проблемы экономической социализации в транзитивном обществе необходимо учитывать общие особенности, характеризующие степень ее разработанности:

наличие частных эмпирических исследований, редко связанных друг с другом;

ориентация исследователей на поиск собственной модели экономической социализации, отражающей структурные, содержательные, процессуальные аспекты изучаемого феномена;

недостаточная сформированность категориального аппарата;

отсутствие специальных экспериментальных методов исследования;

сложность измерения результатов экономической социализации;

значительная часть исследований экономической социализации была проведена на несамостоятельных экономических субъектах (дети, подростки, школьники, студенты) [13].

Таким образом, изучение соответствующего содержания и выявление новых факторов экономической социализации, а также поиск адекватных критериев социализированности становятся

принципиально важными в связи с множеством трансформаций во всех сферах общественной жизни.

Транзитивное общество, следовательно, можно выбрать в качестве макросредового фактора экономической социализации на основе классификации факторов социализации, предложенной А. Мудриком, в которой выделяются четыре основных группы факторов, влияющих на социализацию человека: *мегафакторы* — космос, планета, мир, которые в той или иной мере через другие группы факторов влияют на социализацию всех жителей Земли; *макрофакторы* — страна, этнос, общество, государство, которые влияют на социализацию всех живущих в определенных странах; *мезофакторы* — условия социализации больших групп людей, выделяемых по местности и типу поселения, в которых они живут (регион, село, город, поселок); по принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации (радио, телевидения и др.); по принадлежности к тем или иным субкультурам; *микрофакторы* — непосредственно влияющие на конкретных людей, которые с ними взаимодействуют, — семья и домашний очаг, соседство, группы сверстников, воспитательные организации, различные общественные, государственные, религиозные, частные и контрсоциальные организации, микросоциум [26].

Далее попытаемся раскрыть суть понятия «транзитивное общество» с учетом того, что в современной науке термин «транзитивный» по отношению к обществу стал применяться для обозначения процессов трансформаций. «Транзитивность» (от лат. *transitivus* — переходный) в категориальном значении

впервые употребил голландский этнограф А. ван Геннеп в своей книге «Обряды перехода» (1909) при описании ритуалов перехода. Исследование А. ван Геннепа призвано обосновать идею автора, согласно которой суть жизни (начиная от жизни индивида и кончая космическими явлениями) состоит в последовательной смене этапов — переходов из одного состояния в другое; окончание одного этапа и начало другого образуют системы одного порядка. В своих работах американский социолог-теоретик Т. Парсонс также рассматривал транзитивность как особое состояние общества, в котором старые ценности уже не работают или по инерции продолжают существовать с новыми, находящимися в становлении [28; 45].

В настоящее время выделяется несколько направлений, или категориальных полей, в которых транзитивность представляется как переходное состояние: через гендерное измерение (А.А. Булыгина, Е.А. Тюгашев, М.В. Удальцова) через потенциал идеи евразийской культуры (В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, Л.П. Карсавин, В.С. Соловьев, Н.С. Трубецкой, В.Н. Флоровский); через отношение к открытому и закрытому обществу (А. Бергсон, И.И. Кальной, В.А. Лекторский, К. Поппер, Дж. Сорос).

Выделяя наиболее существенное в каждом из перечисленных направлений, отметим, что гендерная концепция транзитивности отличается своей специфичностью и недостаточно учитывает качественные изменения социального организма как целостного явления. Гендерная идентичность российского общества определяется не только в половом, но и возрастном измерении как цивилизация подростков. В данном контексте иссле-

дователями делается вывод, что современное общество характеризуется нравственной незрелостью массового сознания [35; 36]. В данном контексте, по мнению М.В. Удальцовой, позитивное разрешение кризиса юности усматривается в завершении процесса субъективации — становлении инициативной и самостоятельной личности, осознающей себя творцом собственной жизни [37].

Другое направление в изучении транзитивности можно обозначить как этносоциокультурный подход (через потенциал идеи евразийской культуры).

Он берет свое начало в религиозно-философских трудах эпохи Средневековья (Бонаventura) и этнографии (А. ван Геннеп). Эта эпоха характеризуется интересом к внутренним переходам, трансформациям душевной организации, внутреннего мира человека под воздействием традиций духовной практики, культуры. Поиск движущей силы трансформаций, переживаемых сегодня обществом, нередко базируется на идеях евразийской культуры. Этносоциокультурный подход в изучении транзитивности усматривает взаимосвязь между трансформацией жизненного мира индивида и трансформацией социальной жизни. Любая эпоха в евразийском регионе есть состояние перехода, и проблема заключается в ее понимании и объяснении.

Представления о транзитивности общества сторонников третьего направления, к которым относятся А.С. Ахиезер, В.А. Лекторский, В.С. Нерсисянц, К. Поппер, Дж. Сорос, выражаются в том, что они рассматривают транзитивное общество как переходный период из одного качественного состояния в другое, например, от тоталитарного (за-

крытого) к обществу демократического (открытого) типа. Впервые в научный оборот понятия закрытого и открытого общества ввел французский философ А. Бергсон [9]. Затем свою трактовку концепции открытого общества дает К.Р. Поппер. Открытое общество у К.Р. Поппера — это «общество, отвергающее абсолютный авторитет традиционного и одновременно пытающееся установить и поддержать традиции — старые или новые, которые соответствовали бы стандартам свободы, гуманности и рационального критицизма» [29, с. 65]. Дальнейшая теоретическая разработка этой проблемы связана с работами Дж. Сороса, где открытое общество трактуется не только как противоположность закрытому, но и переходному обществу [33; 34]. Закрытое общество характеризуется тоталитарностью, догматизмом идей, приоритетом общества над индивидом, а в условиях открытого общества наглядно проявляет себя рационально-критическое мышление, целесообразное управление социальным развитием. Указанные здесь идеи к пониманию транзитивного общества берут свое начало с 1970-х годов в западной политологии, когда начинается разработка политической транзитологии. Транзит понимается в данной исследовательской парадигме как демократический переход. Систематизируя опыт трансформации тоталитарных систем в демократические в Южной и Восточной Европе, Латинской Америке, Китае, авторы рассматриваемого направления применяют понятие «процедурного подхода», считая, что вне зависимости от особенностей развития стран целый ряд процедур при осуществлении транзитов оказывается сход-

ным, однако здесь следует отметить особенность этой концепции, заключающуюся в том, что исследователи акцентируют свое внимание в основном на политической сфере развития общества.

Несмотря на имеющуюся историю проблемы транзитивности как переходного состояния общества (от А. ван Геннепа до Дж. Сороса), сегодня парадигма транзита переживает свой кризис в связи с постулированием предопределенности направления развития общества (например, от «закрытого» к «открытому», или от общества «юности» к обществу «зрелости»), а конечный пункт назначения транзита (перехода) не представляется настолько очевидным. Это связано с тем, что не существует «эталонного» общества, к которому осуществляется переход. Поэтому несмотря на столь широкое употребление в научном дискурсе концепта «транзитивное общество» и производных от него — «транзитивная экономика», «парадигма транзита», однозначного представления о содержании понятия «транзитивное общество» не сложилось.

Тем не менее, в постановке проблемы экономической социализации человека в транзитивном обществе можно выделить его атрибутивные признаки:

неравномерность протекающих социально-экономических процессов; эти процессы усиливают неустойчивость прежней системы общества, способствуя развитию новых как прогрессивных, так и регрессивных элементов отношений и связей;

прогрессивные тенденции и необратимость происходящих изменений; возврат и точное повторение прежнего состояния общественной системы не представляется возможным;

множественность ценностей и плюрализм взглядов, когда человек находится в постоянном выборе между различными и часто несовместимыми ценностями, что ведет к формированию так называемого «разбегающегося человека» [20];

противоречивость разума, деятельности и поступков человека в профессионально-трудовой деятельности;

формирование нового типа ориентации человека, характеризуемого Э. Фроммом как тип «рыночной ориентации» [36]; экономическая сфера требует «рынка личностей», основным положением которого является оценка личности с точки зрения спроса на нее на рынке труда;

кризис идентичности, проявляющийся в появлении особой ситуации сознания, когда социальные категории и нормы, в соответствии с которыми человек ранее определял свое место в обществе, утрачивают свое значение.

Так как предопределенность направления развития общества уже не столь очевидна, это дает основание предполагать, что транзитивность в смысле проявления общего свойства изменчивости социальных систем становится постоянным стабильным свойством или качественным признаком существующей социально-экономической системы (при этом направление перехода постепенно теряет свое значение), а скорость трансформаций основных общественных сфер (политической, социальной, экономической, культурной) существенно возрастает и, безусловно, отличает транзитивное общество от традиционного, в котором сохранение традиций является более высокой ценностью. Поэтому можно утверждать, что дальнейшие социально-

психологические исследования природы, факторов и критериев экономической социализации представляются достаточно перспективными. Во-первых, как отмечает В.Г. Федотова, «сегодня множественность модернизмов становится нормой, а образец, к которому можно стремиться, исчезает» [39, с. 27]. Во-вторых, западные демократические общества, на которые ссылаются идеологи модернизации, сами переживают процесс трансформации, связанный с ростом объемов информации и глобализационными процессами.

Следует также подчеркнуть, что на современном этапе развития общества происходят многочисленные процессы преобразований и реформ во всех сферах жизни. Эти процессы носят сложный противоречивый характер и свидетельствуют о трансформации самой сути социально-экономических отношений, что может быть связано не только с новым содержанием экономической социализации, но и изменяет сами способы усвоения и преобразования социального опыта. Для реального человека важным становится выработка умений своевременно обновлять видение мира, чтобы адекватно оценивать результаты происходящих социально-экономических процессов, умений менять устоявшиеся взгляды и убеждения, формировать соответствующие представления о действительности в течение коротких интервалов времени, а также умений оперативной и ситуационной регуляции поведения. При этом трансформируются пути передачи информации, старшее поколение не только передает и воспроизводит усвоенный ранее опыт, но и продолжает усваивать новые знания от более молодого поколения. Оп-

ределяя феномен экономической социализации, К. Ролан-Леви [46] справедливо отмечает, что открытым остается важнейший вопрос, что же является результатом экономической социализации — знания, установки или модели поведения?

Таким образом, актуальное значение приобретает дальнейший научный поиск, расширяющий представления об экономической социализации, содержание которой может существенно варьироваться от одного общества к другому и определяться их социально-экономической структурой. Проблема транзитивности соответственно проявляется на материале экономической социализации, так как в данном случае, очевидно, меняются как представления, так и реальное поведение людей.

Перспективными направлениями в исследованиях экономической социализации может стать изучение социально-психологических факторов социализации и критериев социализированности, в первую очередь, взрослых людей на трудовом и послетрудовом этапе, изучение роли профессионально-трудовой активности, а также социальной дифференциации в социализационном процессе. Основная проблема экономической социализации в транзитивном обществе заключается в том, что скорость социально-экономических трансформаций влияет на общепринятые модели и нормы поведения, которые не успевают сформироваться, как появляются другие, альтернативные, поэтому важным становится решение вопроса, как в условиях неопределенности, множественности норм и ценностей будет развиваться и эффективно функционировать современный человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агранович В.Б.* «Инновации в образовании в транзитивный период развития общества» // Известия ТПУ. 2005. № 6.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2001.
3. *Андреева Г.М.* Трудности социального познания: «Образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.
4. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1997.
5. *Ахиезер А.С.* Как «открыть» закрытое общество: проблемы формирования открытого общества в России. М., 1997.
6. *Белинская Е.П.* Социальная психология личности / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М., 2009.
7. *Белинская Е.П.* Социально-экономическая трансформация в России / Под ред. Т.Г. Стефаненко. М., 2001. Вып. 130.
8. *Белянин А.В.* Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения // Вопросы экономики. 2003. № 1.
9. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994.
10. *Вяткин А.П.* Психология экономической социализации личности: субъектно-ролевой подход. Иркутск, 2010.
11. *Дейнека О.С.* Экономическая психология. СПб., 2002.
12. *Диттмар Х.* Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9.
13. *Дробышева Т.В.* Современное состояние и проблемы исследования экономической социализации в отечественной науке // Психология в экономике и в управлении. 2011. № 1.
14. *Дробышева Т.В.* Экономическое образование как фактор экономической социализации в раннем юношеском возрасте: ценностный аспект // Материалы IV национальной научно-практической конференции «Психология образования: подготовка кадров и психологическое просвещение». М., 2007.
15. *Дробышева Т.В.* Структурные и содержательные характеристики экономической социализации формирующейся личности // Психологические инновации в экономике и финансах: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2009.
16. *Журавлев А.Л.* Социальная психология. М., 2002.
17. *Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006.
18. *Задорожнюк И.Е.* Экономические психологи о проблемах социализации // Вопросы психологии. 2003. № 1.
19. *Здравомыслова О.М.* «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4.
20. *Ивонина О.И.* Транзитивность как предмет исторического дискурса // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск, 2000.

21. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическое развитие и модернизация: современные исследования. М., 2003.
22. Куракина Е.В. Личность в социокультурном пространстве переходного периода: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2003.
23. Лаврик Э.Г., Задорожнюк Е.И. Социальные причины и психологические корни терроризма // Вопросы психологии. 2002. № 6.
24. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1997. № 9.
25. Малахов С.В. «Экономический человек» и рациональность экономической деятельности (обзор зарубежных исследований) // Психологический журнал. 1990. № 6.
26. Мудрик А.В. Социализация человека. М., 2004.
27. Муздыбаев К. Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб., 1997.
28. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1994.
29. Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. М., 1992.
30. Радина Н.К., Рахубина Е.С. «Социальное значение денег», или новые социально-психологические стратегии изучения «монетарной компетентности» // Материалы 2-й Всероссийской конференции «Психология индивидуальности». М., 2008.
31. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2006.
32. Смит А. Психология потребителя. СПб., 2004.
33. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
34. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
35. Тюгашев Е.А. Философия и право в транзитивном обществе: гендерная перспектива. Социальное взаимодействие в транзитивном обществе. Новосибирск, 2001.
36. Удальцова М.В. Глобализация и транзитивность российского общества: парадоксы существования // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск, 2010.
37. Удальцова М.В. Транзитивное общество и его проблемы // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе. Новосибирск, 1999.
38. Уэбли П. Понимание детьми экономических явлений // Проблемы экономической психологии. М., 2005. Т. 2.
39. Федотова В.Г. Модернизация «Другой» Европы. М., 1997.
40. Фром Э. Иметь или быть? М., 1990.
41. Fehr E., Gächter S. Fairness and retaliation: The economics of reciprocity // Journal of Economic Perspectives. 2000. № 3.
42. Fudenberg D., Levine D. The theory of learning in games. Cambridge, 1998.
43. Heilbroner R.L. The Socialization of the Individual in Adam Smith // History of Political Economy. 1982. № 14 (3).
44. Kahneman D.J., Frederick S. Representativeness revisited: Attribution substitution in intuitive judgment // In T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, Heuristics of intuitive judgment: Extensions and applications. N. Y., 2002.

45. *Parsons T., Bales R.F.* Family, Socialization, and Interaction Process. Glencoe (III), 1955.
46. *Roland-Levy C.* Economic socialization: basis for international comparisons // *Journal of Economic Psychology*. 1990. № 4.
47. *Shafir E., Diamond P., Tversky A.* Money illusion // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. 112 (2).
48. *Shefrin H.M., Thaler R.H.* Mental accounting, saving, and self-control // In G. Loewenstein and J. Elster (eds.), *Choice over time*. N. Y., 1992.
49. *Stacey B.G.* Economic socialization in the pre-adult years // *British Journal of Social Psychology*. 1982. 21 (2).
50. *Warneryd K-E.* Social influence on economic behavior // *Handbook of economic psychology* / Ed. by W.Fred van Raaij, Gery M. Van Veldhoven, Karl-Erik Warneryd. Dordrecht, 1988.
51. *Weisbuch G., Kirman A., Herreiner D.* Market organisation and trading relationships // *The Economic Journal*. 2000. № 110.

Economic Socialization in Transitive Society: An Introduction

E.M. DUBOVSKAYA

*PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology,
Lomonosov Moscow State University*

R.A. KORABLINOV

*degree seeking applicant at the Department of Social Psychology,
Lomonosov Moscow State University*

The paper focuses on currently developing approaches to the study of the phenomenon of economic socialization and discusses the problem of transitive society. Transitive society is defined as a macro factor of economic socialization, while transitivity is regarded as a stable feature of a socioeconomic system. The paper also suggests some issues for further investigation of economic socialization.

Keywords: *economic socialization, dynamics of socioeconomic conditions, transitive society, transitivity, transformational society.*

REFERENCES

1. *Agranovich V.B. "Innovacii v obrazovanii v tranzitivnyi period razvitiya obshestva" // Izvestiya TPU. 2005. № 6.*
2. *Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. SPb., 2001.*
3. *Andreeva G.M. Trudnosti social'nogo poznaniya: "Obraz mira" ili real'nyi mir? // Social'naya psihologiya v sovremennom mire / Pod red. G.M. Andreevoi, A.I. Doncova. M., 2002.*
4. *Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. M., 1997.*
5. *Ahiezer A.S. Kak "otkryt" zakrytoe obshestvo: problemy formirovaniya otkrytogo obshestva v Rossii. M., 1997.*
6. *Belinskaya E.P. Social'naya psihologiya lichnosti / E.P. Belinskaya, O.A. Tihomandrickaya. M., 2009.*
7. *Belinskaya E.P. Social'no-ekonomicheskaya transformaciya v Rossii / Pod red. T.G. Stefanenko. M., 2001. Vyp. 130.*
8. *Belyanin A.V. Deniel Kaneman i Vernon Smit: ekonomicheskii analiz chelovecheskogo povedeniya // Voprosy ekonomiki. 2003. № 1.*
9. *Bergson A. Dva istochnika morali i religii. M., 1994.*
10. *Vyatkin A.P. Psihologiya ekonomicheskoi socializacii lichnosti: sub'ektno-rolevoi podhod. Irkutsk, 2010.*
11. *Deineka O.S. Ekonomicheskaya psihologiya. SPb., 2002.*
12. *Dittmar H. Ekonomicheskie predstavleniya podrostkov // Inostrannaya psihologiya. 1997. № 9.*
13. *Drobysheva T.V. Sovremennoe sostoyanie i problemy issledovaniya ekonomicheskoi socializacii v otechestvennoi nauke // Psihologiya v ekonomike i v upravlenii. 2011. № 1.*

14. *Drobysheva T.V.* Ekonomicheskoe obrazovanie kak faktor ekonomicheskoi socializacii v rannem yunosheskom vozraste: cennostnyi aspekt // Materialy IV nacional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii "Psihologiya obrazovaniya: podgotovka kadrov i psihologicheskoe prosveshenie". M., 2007.
15. *Drobysheva T.V.* Strukturnye i sodержatel'nye harakteristiki ekonomicheskoi socializacii formiruyusheysya lichnosti // Psihologicheskie innovacii v ekonomike i finansah: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii. M., 2009.
16. *Zhuravlev A.L.* Social'naya psihologiya. M., 2002.
17. *Zhuravleva N.A.* Dinamika cennostnyh orientacii lichnosti v rossiiskom obshestve. M., 2006.
18. *Zadorozhnyuk I.E.* Ekonomicheskie psihologi o problemah socializacii // Voprosy psihologii. 2003. № 1.
19. *Zdravomyslova O.M.* "Russkaya ideya": antinomiya zhenstvennosti i muzhestvennosti v nacional'nom obraze Rossii // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 4.
20. *Ivonina O.I.* Tranzitivnost' kak predmet istoricheskogo diskursa // Social'nye vzaimodeistviya v tranzitivnom obshestve. Novosibirsk, 2000.
21. *Karozers T.* Konec paradigmy tranzita // Politicheskoe razvitie i modernizaciya: sovremennye issledovaniya. M., 2003.
22. *Kurakina E.V.* Lichnost' v sociokul'turnom prostranstve perehodnogo perioda: Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 2003.
23. *Lavrik E.G., Zadorozhnyuk E.I.* Social'nye prichiny i psihologicheskie korni terrorizma // Voprosy psihologii. 2002. № 6.
24. *Lunt P.* Psihologicheskie podhody k potrebleniyu: vchera, segodnya, zavtra // Inostrannaya psihologiya. 1997. № 9.
25. *Malahov S.V.* "Ekonomicheskii chelovek" i racional'nost' ekonomicheskoi deyatel'nosti (obzor zarubezhnyh issledovaniy) // Psihologicheskii zhurnal. 1990. № 6.
26. *Mudrik A.V.* Socializaciya cheloveka. M., 2004.
27. *Muzdybaev K.* Ekonomicheskaya deprivaciya, strategiya ee preodoleniya i poisk social'noi podderzhki. SPb., 1997.
28. *Parsons T.* Sistema koordinat deistviya i obshaya teoriya sistem deistviya: kul'tura, lichnost' i mesto social'nyh sistem. Funkcional'naya teoriya izmeneniya // Amerikan-skaya sociologicheskaya mysl'. M., 1994.
29. *Popper K.R.* Otkrytoe obshestvo i ego vragi. M., 1992.
30. *Radina N.K., Rahubina E.S.* "Social'noe znachenie deneg", ili novye social'no-psihologicheskie strategii izucheniya "monetarnoi kompetentnosti" // Materialy 2-i Vserossiiskoi konferencii "Psihologiya individual'nosti". M., 2008.
31. *Rozum S.I.* Psihologiya socializacii i social'noi adaptacii cheloveka. SPb., 2006.
32. *Smit A.* Psihologiya potrebitelya. SPb., 2004.
33. *Soros Dzh.* Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshestvo v opasnosti. M., 1999.
34. *Soros Dzh.* Otkrytoe obshestvo. Reformiruya global'nyi kapitalizm. M., 2001.
35. *Tyugashev E.A.* Filosofiya i pravo v tranzitivnom obshestve: gendernaya perspektiva. Social'noe vzaimodeistvie v tranzitivnom obshestve. Novosibirsk, 2001.
36. *Udal'cova M.V.* Globalizaciya i tranzitivnost' rossiiskogo obshestva: paradoksy sushestvovaniya // Social'nye vzaimodeistviya v tranzitivnom obshestve. Novosibirsk, 2010.

37. *Udal'cova M.V.* Tranzitivnoe obshestvo i ego problemy // Problemy social'nyh vzaimodeistvii v tranzitivnom obshestve. Novosibirsk, 1999.
38. *Uebli P.* Ponimanie det'mi ekonomicheskikh yavlenii // Problemy ekonomicheskoi psikhologii M., 2005. T. 2.
39. *Fedotova V.G.* Modernizaciya "Drugoi" Evropy. M., 1997.
40. *From E.* Imet' ili byt' M., 1990.
41. *Fehr E., Gächter S.* Fairness and retaliation: The economics of reciprocity // Journal of Economic Perspectives. 2000. № 3.
42. *Fudenberg D., Levine D.* The theory of learning in games. Cambridge, 1998.
43. *Heilbroner R.L.* The Socialization of the Individual in Adam Smith // History of Political Economy. 1982. № 14 (3).
44. *Kahneman D.J., Frederick S.* Representativeness revisited: Attribution substitution in intuitive judgment // In T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, Heuristics of intuitive judgment: Extensions and applications. N. Y., 2002.
45. *Parsons T., Bales R.F.* Family, Socialization, and Interaction Process. Glencoe (Ill), 1955.
46. *Roland-Levy C.* Economic socialization: basis for international comparisons // Journal of Economic Psychology. 1990. № 4.
47. *Shafir E., Diamond P., Tversky A.* Money illusion // Quarterly Journal of Economics. 1997. 112 (2).
48. *Shefrin H.M., Thaler R.H.* Mental accounting, saving, and self-control // In G. Loewenstein and J. Elster (eds.), Choice over time. N. Y., 1992.
49. *Stacey B.G.* Economic socialization in the pre-adult years // British Journal of Social Psychology. 1982. 21 (2).
50. *Warneryd K-E.* Social influence on economic behavior // Handbook of economic psychology / Ed. by W.Fred van Raaij, Gery M. Van Veldhoven, Karl-Erik Warneryd. Dordrecht, 1988.
51. *Weisbuch G., Kirman A., Herreiner D.* Market organisation and trading relationships // The Economic Journal. 2000. № 110.

О предмете и основных задачах организационной психологии на современном этапе ее становления и развития

В.А. ИЛЬИН

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии управления Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлена общая картина становления и развития организационной психологии как практикоориентированной отрасли психологической науки, изложен авторский взгляд на основные методологические проблемы, связанные с определением предметно-проблемного поля и основных исследовательских задач организационной психологии в условиях инновационной экономики, предложен вариант их решения. Показано, что в процессе своего развития организационная психология эволюционирует от использования психологического знания в целях повышения эффективности текущего функционирования организации в условиях поточного производства к решению широкого спектра задач, связанных с социально-психологическим и психолого-акмеологическим обеспечением инновационного развития.

Ключевые слова: организационная психология, организационное развитие, экономика знаний, человеческий капитал.

При определении предметно-проблемного поля организационной психологии на современном этапе ее развития, прежде всего, необходимо хотя бы кратко остановиться на ключевой в данном отношении методологической проблеме. На первый взгляд, организационная психология в ее нынешнем состоянии представляется вполне сложившейся практикоориентированной ветвью социальной психологии, обладающей собственной теоретико-методологической базой, понятийным аппаратом и методическим обеспечением. В настоящее время имеется множество учебных программ, учебных пособий и учебников по данной дисциплине, объем научных и научно-популярных работ по конкретным аспектам организационной психологии более чем внушительен.

Однако при детальном рассмотрении ситуации легко убедиться, что она дале-

ко не столь однозначна. Достаточно взять практически любой учебник по организационной психологии, чтобы ознакомиться, во-первых, с определением границ и специфики рассматриваемого предметно-проблемного поля и, во-вторых, с содержанием (хотя бы на уровне рубрикации) данного учебника.

Как правило, предлагаемые определения предмета и задач организационной психологии носят чрезмерно широкий, а зачастую и формально-декларативный характер. Например, «поведение людей в организациях», «применение психологических теорий и методов к решению проблем организации, управления и бизнеса» (Л. Джуэл, К. Дэвис, Дж. Ньюстром и др.). Более того, в научном лексиконе наряду с понятием «организационная психология» широко используется понятие «психология управ-

ления (менеджмента)», которые во многих, в том числе и учебно-методических изданиях, рассматриваются как не просто содержательно близкие, а практически синонимичные.

Совершенно закономерным на таком фоне выглядит тот факт, что и понятийный аппарат организационной психологии остается в значительной степени не оформленным. Трактовка ряда ключевых понятий варьируется от логики обыденного здравого смысла до максимально абстрактных теоретических обобщений. При этом собственно предметное содержание, непосредственно связанное с практикой организационного функционирования и развития, зачастую либо вовсе остается «за скобками» содержательного рассмотрения, либо сводится к узкому предметно-деятельностному рассмотрению вне собственно психологического контекста. Как ни парадоксально, но едва ли не большинство исследований, позиционируемых в предметно-проблемном поле одного из наиболее практикоориентированных направлений психологической науки, не являются в сущности практикоориентированными, а носят либо фундаментальный, точнее сказать, абстрактно-теоретический (если не по результатам, то по форме), либо сугубо прикладной характер. В первом случае речь идет, как правило, о механистическом «переносе» социально-психологических и психолого-акмеологических универсалий в абстрактный организационный контекст, а во втором, напротив, об узко специфических, по сути дела, ситуативных «кейсах», в которых внимание акцентированно направлено на решение конкретной проблемы в столь же конкретной организации.

В этой связи можно констатировать, что одной из актуальных проблем развития организационной психологии и психологии управления является дефицит концепций «среднего уровня», релевантно отражающих социально-психологическую и психолого-акмеологическую специфику организационного развития в современных условиях. Неслучайно один из ведущих американских специалистов в области управления человеческими ресурсами организации А. Коэн отмечает, что «даже лучшие программы MBA не всегда сочетают концептуальные положения с опытом реальной жизни, анализ с развитием практических навыков. Не дают они и сбалансированного опыта, который может помочь практике, быть одновременно и руководством к действию в нестандартных ситуациях, и основой обучения» [2, с. 20–21].

Такое положение вещей во многом обусловлено самим процессом становления и развития организационной психологии. Не ставя перед собой задачу сколь-нибудь подробного изложения истории организационной психологии, мы, тем не менее, обозначим здесь в самой лапидарной форме основные в рассматриваемом контексте ее этапы.

Зарождение организационной психологии как самостоятельной практикоориентированной научной дисциплины чаще всего связывают с выходом в свет еще в 1913 г. в США учебника Г. Мюнстерберга «Психология и эффективность производства». Заметим, что год выхода данного учебника традиционно отмечается как этапный с точки зрения становления индустриального общества в экономически развитых странах, резкого роста производства и потребления, обострения конкуренции как на внут-

ренных, так и на мировых рынках. Совершенно закономерным в данной связи выглядит как сам факт появления работы Г. Мюнстерберга, так и то, что содержание она была ориентирована на повышение эффективности промышленного производства. На решении этой же задачи сосредоточились и последователи Г. Мюнстерберга — У. Скотт, Ф. Тейлор, Ф. Гилберт и др. В качестве средств рассматривались схемы совершенствования отбора работников, организации производственного процесса, структурирования рабочего времени, а также методы (главным образом, организационно-управленческие) разрешения проблем, возникающих на рабочем месте (Л. Джуэлл). Таким образом, первоначально организационная психология зародилась в качестве сугубо прикладной дисциплины, причем во многом напрямую связанной с повседневной текущей деятельностью инженеров и менеджеров среднего и низшего звеньев в условиях поточного производства. По этой достаточно очевидной причине организационная психология на начальном этапе своего становления обозначалась как индустриальная психология.

Следующий этап развития организационной психологии приходится на межвоенный период, причем именно на данном этапе она приобретает отчетливо выраженную социально-психологическую направленность. Так, в частности, изначально построенные в предшествующей логике эксперименты на предприятиях Форда, направленные на совершенствование методов подбора управленческих кадров, легли в основу «теории черт» (Е. Богардус и др.) — первой (хотя, как показали дальнейшие исследования, и неудачной) попыт-

ки углубленного поиска универсального объяснения природы лидерства. В конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века в США начался настоящий «бум» социально-психологических исследований, связанных с группами и групповым поведением. Во многом он был обусловлен промышленным спадом, связанным с Великой депрессией, когда остро встал вопрос о повышении мотивации сотрудников и оптимизации производственных процессов за счет использования социально-психологических методов. К этому периоду относятся классические полевые эксперименты по изучению групповой структуры и индивидуального поведения в группе, имевшие далеко идущие научные и практические последствия. Так, на основании результатов, полученных в ходе работы по улучшению социально-психологического климата в воспитательной колонии для девочек города Хадсон, Дж. Морено окончательно разработал социометрический метод, который стал одним из наиболее широко известных и доступных средств не только изучения аттракционных отношений в группе, но и преобразования интрагрупповой структуры. Аналогичные по значимости эксперименты с группами подростков К. Левина и Р. Липшета позволили выявить влияние на группу различных стилей руководства и послужили отправной точкой к созданию теории групповой динамики — пожалуй, наиболее признанной и популярной в мире концепции, объясняющей закономерности развития и функционирования малой группы. Легко заметить, что речь в данном случае идет уже о фундаментальных социально-психологических разработках, актуальных в организационном контексте. Параллельно продолжались

сугубо прикладные исследования, направленные на изучение организационного поведения, трудовой мотивации, возможностей повышения производительности труда и т. п. (Ф. Ретлизбергер, Э. Мэйо, У. Диксон и др.). Однако в рассматриваемый период фундаментальные и прикладные разработки, содержательно связанные с организационной психологией, развивались именно параллельно и, по большому счету, изолированно друг от друга.

Радикальный шаг, направленный на интеграцию фундаментальной психологической науки и, прежде всего, именно ее социально-психологической составляющей в организационный контекст, был реализован в США и обусловлен их вступлением во Вторую мировую войну. В этой связи следует отметить роль адмирала Ч. Нимица, назначенного командующим Тихоокеанским флотом США после налета на Перл-Харбор и занимавшего этот пост до конца войны. Ч. Нимиц был, пожалуй, единственным крупным военачальником Второй мировой, в полной мере оценившим значимость социально-психологических факторов для достижения успеха в боевых действиях, и выступал не только инициатором, но и непосредственным заказчиком целого ряда прикладных исследований, направленных на повышение групповой сплоченности, создание команд, повышение эффективности управления, поддержание психологической устойчивости, высокой функциональности не только непосредственных участников боевых действий, но и обеспечивающего персонала и т. п. Чрезвычайно высокая боевая эффективность, продемонстрированная ВМФ и Корпусом морской пехоты США в крайне сложных условиях Тихоокеан-

ского театра военных действий, во многом была обусловлена целенаправленной работой социальных психологов [1].

Данное обстоятельство совершенно закономерно не осталось вне поля зрения не только специалистов и представителей государственных структур, но и бизнес-сообщества, прежде всего в США. Как следствие, в послевоенный период наблюдается резкий рост развернутых исследований, направленных на решение широкого спектра задач, связанных с организационным функционированием и развитием с использованием социально-психологических ресурсов, с одной стороны, и одновременно на разработку инновационных социально-психологических подходов к решению организационных проблем, возникающих, прежде всего, в связи с переходом к постиндустриальному обществу. Именно с этого момента можно говорить о позиционировании организационной психологии как достаточно самостоятельного и самоценного практикоориентированного направления социальной психологии. На протяжении 60-х—70-х гг. в ее рамках определились устойчивые, ставшие, по сути дела, «классикой жанра» векторы исследовательской активности, многие из которых сохраняют свою актуальность и в современных условиях. При этом в истории развития организационной психологии во второй половине XX — начале XXI вв. можно совершенно отчетливо выделить два этапа, точнее сказать, два основных подхода.

В рамках первого из них, хронологически более раннего, совершенно отчетливо прослеживаются попытки механистического перенесения психологических концепций и практических наработок в организационный контекст. Это касает-

ся, прежде всего, традиционных концепций лидерства, а также теорий мотивации, коммуникации, исследований в области межличностного взаимодействия, воздействия и влияния, групп и группового развития, статусно-ролевых отношений, конфликтов. Заметим, что сам по себе факт признания целесообразности и, более того, необходимости широкого использования психологических знаний в управленческой науке и практике является несомненным достижением, с точки зрения развития и повышения эффективности менеджмента. Представителями данного направления внесены реальный вклад в разработку таких значимых в прикладном аспекте социально-психологических и психолого-акмеологических составляющих управленческой деятельности, как тайм-менеджмент, формирование и развитие корпоративной культуры, профилактика профессионального «выгорания» сотрудников.

Вместе с тем, механистичность, присущая данному подходу, породила ряд серьезных проблем. Отметим в этой связи, что в его рамках понятия «руководитель» и «лидер» использовались практически как синонимичные (следует отметить, что проблема соотношения руководства и лидерства в функционально-деятельностном, структурно-организационном и личностном аспектах является одной из наиболее принципиальных методологических проблем организационной психологии [1]). Это приводило к неизбежной методологической путанице, которая на практике проявилась в многочисленных попытках предельно алгоритмизировать управленческую деятельность, разработать стандартные механизмы принятия решений в различных ситуациях. Между тем, как показа-

но в ряде работ по теории и практике менеджмента (Т. Амбайл, С. Каплан, Р. Фостер и др.), даже оперативное управление бизнесом и производственными процессами в современных условиях нередко требует творческого, креативного подхода. Лидерство же изначально предполагает выход за рамки традиционных представлений, стереотипов и алгоритмов деятельности.

Использование психологических концепций в рамках рассматриваемого подхода отличалось крайней консервативностью. Иными словами, продолжали (и продолжают) применяться и культивироваться теории, недостаточная эвристичность которых была продемонстрирована в более поздних относительно их появления психологических исследованиях. Классическим примером может служить «пирамида» А. Маслоу, которая рассматривается в качестве базовой концепции мотивации современными представителями данного направления, в частности, Дж. Адаиром. Недостаточно эвристичные, а зачастую даже архаичные в современных условиях концепции менеджмента, например, теория Д. МакГрегора, теория «черт лидерства», поведенческие и ситуационные подходы продолжают широко тиражироваться не только в академических учебниках, но и в практических руководствах (Дж. Адаир, Л. Стаут и др.).

Однако в настоящее время происходит очередная предметно-проблемная трансформация организационной психологии, обусловленная, в первую очередь, качественным изменением условий не только собственно экономического, но и социального в широком смысле развития современного общества, связанного с процессами глобализации и перехо-

дом к «экономике знаний». Для понимания причин этой трансформации необходимо хотя бы кратко остановиться на ключевых в рассматриваемом контексте аспектах данного процесса.

Как показано в целом ряде исследований американских и западноевропейских специалистов в области менеджмента, в частности, Р. Дафта, Р. Канна, Д. Катца, Р. Фостера и др., переход к так называемой новой, или информационной экономике (экономике знаний), по сути дела, дискредитировал господствовавшие в условиях индустриального и частично постиндустриального общества философию бизнеса, восходящую еще к трудам А. Смита, и основанные на ее базе организационно-управленческие концепции. На рубеже 80–90-х гг. прошлого века в наиболее развитых экономически странах резко обострилось противоречие между доминирующими формами организации общественного труда (корпорации) и результатами трансформации под воздействием научно-технических революций и других объективных факторов рынков, прежде всего, рынков капиталов. Суть этого противоречия заключалась в том, что, как считают ведущие специалисты крупнейшего международного консалтингового агентства McKinsey & Co Р. Фостер и С. Каплан, «...корпорации исходят из предположения о непрерывности развития; их деятельность сосредоточена на текущих операциях. А для рынков капитала характерна *дискретность развития*; они сконцентрированы на созидании и разрушении. Рынок поощряет процессы быстрого и интенсивного созидания, а следовательно, и ускоренного накопления богатства. Рынок менее терпимо, чем корпорации, относится к низкой эффек-

тивности» [3, с. 22]. Надо сказать, что еще на рубеже 30-х–40-х гг. XX в. на это противоречие как потенциально заложенное в современной ему системе организации общественного производства обратил внимание американский философ, экономист и социолог Й. Шумпетер. По его мнению, «обычно в условиях капитализма внимание обращают на механизм управления существующими структурами, тогда как проблема кроется в механизме их созидания и разрушения» [5, с. 27].

Как показывают исследования зарубежных специалистов и практика наиболее успешных в современных условиях компаний, разрешение указанного противоречия лежит в сфере диверсификации производства и, прежде всего, систем управления. В первую очередь, это означает переход от вертикально интегрированных к горизонтально интегрированным схемам управления и принятия решений, делегирование полномочий (как заметил один из экспертов McKinsey & Co, «для того, чтобы сохранить хоть какой-то шанс удержать контроль над событиями в наше бурное время, необходимо отказаться от большей части средств и методов контроля» [3, с. 254], смещение фокуса управленческой деятельности от обеспечения эффективности текущего функционирования к обеспечению перспективного развития, осознание и принятие того факта, что любая инновация, в полном соответствии с законами диалектики, означает *разрушение* в той или иной степени сложившейся системы (причем значимость внедряемой инновации прямо пропорциональна степени такого разрушения).

Однако ключевым, системным ответом на вызовы рынка в условиях новой

экономики является полномасштабное осознание, что именно человек как личность и полноценный самостоятельный субъект является главным, а во многих случаях и единственным источником богатства в современных условиях.

Собственно говоря, то, что прибавочная ценность (как показано В.С. Автономовым, укоренившееся в советской экономической науке с подачи одного из первых переводчиков «Капитала» на русский язык словосочетание «прибавочная стоимость» является не вполне адекватным первоисточнику и, более того, искажающим суть дела [цит. по 5, с. 9]) создается именно человеком в процессе труда, было отчетливо показано еще К. Марксом. Однако сосредоточившись на выявлении экономических детерминант общественного развития, К. Маркс рассматривал человека как некую абстракцию, уделяя главное внимание средствам производства и связанным с ними отношениям собственности. На протяжении длительного времени многие мыслители и практики, в том числе и оппозиционные марксизму, именно в развитии средств производства видели главный источник повышения благосостояния и конкурентоспособности. Еще раз отметим, что такое видение было вполне адекватным в условиях индустриального общества. В условиях же информационной экономики средства производства составляют лишь незначительную часть рыночной стоимости наиболее успешных и динамично развивающихся компаний. Так, например, «реальные активы компании Microsoft составляют примерно 1 % ее рыночной стоимости» [3, с. 26]. Более того, как отмечают Р. Фостер и С. Каплан, «если уж говорить об активах, то производитель ком-

пьютеров фирма Dell фактически не имеет никаких активов. Многие компании, возникшие в Интернете, начинали практически без стартового капитала. Рентабельность капитала у этих фирм по сравнению со всеми известными стандартами невообразимо велика. Эффективность производства бьет все рекорды. Поток проектов в сфере новых технологий неиссякаем» [там же]. Добавим, что все сказанное в полной мере справедливо в отношении таких высокотехнологичных и сверхуспешных компаний, как Apple и Google. Вряд ли требует специального доказательства, что именно нематериальные интеллектуальные продукты являются главным источником их доходности и капитализации. Весьма показателен в рассматриваемом аспекте и тот факт, что перечисленные компании практически без потерь прошли активный этап мирового экономического кризиса. И напротив, крупнейшие международные корпорации, ориентированные на производство традиционных промышленных продуктов, на протяжении последних десятилетий показывают несравнимо более низкую эффективность, многие из них фактически ведут борьбу за выживание. Так, например, в середине 2011 г. капитализация Google составила \$ 148 млрд., в то время как аналогичный показатель компании Toyota, сохраняющей позиции одного из мировых лидеров среди автопроизводителей и обладающей огромными основными фондами по всему миру, — \$ 76 млрд. Заметим в этой связи, что именно интеллектуальные продукты являются наиболее отчетливым показателем роли человека как основного источника прибавочной ценности в современных условиях, поскольку для их создания (и, в первую очередь,

для генерирования лежащих в их основе идей) зачастую вообще не требуется «средств производства». Не случайно основатели Apple, Dell, Google начинали свою деятельность, не располагая сколько-нибудь значительным капиталом в классическом понимании. В то же время динамика развития не только мировой экономики, но и общества в целом в современных условиях такова, что систематическое, поставленное «на поток» создание интеллектуальных продуктов физически не под силу самому уникальному гению и требует кооперации и координации усилий в рамках совместной деятельности множества индивидов.

На этом фоне совершенно закономерным выглядит тот факт, что, как отмечает Ф. Фукуяма, «экономисты уже давно приняли на вооружение понятие «человеческого капитала» — понятие, базирующееся на предпосылке, что сегодня капитал все в меньшей степени воплощен в земле, предприятиях и оборудовании и все в большей — в человеческих знаниях и навыках» [4, с. 26]. При этом вполне очевидно, как уже отмечалось выше, что создание сложных интеллектуальных и высокотехнологичных продуктов, как правило, требует эффективного межличностного, а в целом ряде случаев и межгруппового взаимодействия. В этой связи совершенно обоснованным выглядит постулат Ф. Фукуямы, согласно которому «помимо навыков и знаний, человеческий капитал состоит и в способности людей составлять друг с другом некую общность, причем эта часть человеческого капитала имеет принципиальное значение не только для хозяйственной жизни, но и буквально для каждого аспекта социальной жизни в целом. В свою очередь, такая способность к ассоциации за-

висит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Результатом общих норм и ценностей становится взаимное доверие, у которого... есть своя немалая и вполне конкретная экономическая величина» [там же]. Легко заметить, что речь идет, по сути дела, о социально-психологических детерминантах экономической эффективности в современных условиях. При этом необходимо сразу же оговорить, что полноценное и эффективное сотрудничество возможно только в том случае, когда готовность подчинить свои интересы интересам группы является совершенно осознанным, принятым на основе личностного самоопределения решением полнезависимого индивида.

В данной логике сформировался и активно развивается принципиально новый подход к проблемам организационного функционирования и развития, характеризующийся, прежде всего, тем, что в его рамках лидерство и руководство рассматриваются как взаимодополняющие, но при этом принципиально разные, с точки зрения организационного функционирования и развития, функции. Представители данного подхода исходят из того, что задачей руководства является управление существующими организационными структурами и технологическими процессами, в то время как задача лидерства — разработка и внедрение инноваций, создание новых структур и обеспечение их адекватными человеческими ресурсами. С известной степенью условности можно сказать, что с точки зрения рассматриваемого подхода, целевой задачей руководителя является рост капитала в традиционном по-

нимании, в то время как активность лидера направлена на развитие капитала интеллектуального и человеческого.

Благодаря такому принципиальному разведению руководства и лидерства представители данного направления в менеджменте (Д. Брэдфорд, П. Вейл, Д. Гринберг, Э. Донелон, А. Коэн, Ч. Фомбран и др.) сумели внести реальный вклад именно в развитие организационной психологии. Ими были радикально пересмотрены традиционные представления о влиянии и власти в организации, методах мотивации персонала, доказательно обоснована необходимость широкого делегирования полномочий и создание реально функционирующих команд в современных условиях ведения бизнеса, разработаны методы проектирования организаций, основанных на человеческом капитале.

В данном контексте совершенно закономерным представляется имеющее место в последние годы резкое расширение предметно-проблемного поля, а следовательно, теоретико-методологической базы и методического инструментария организационной психологии. Так, в частности, современные исследования данной направленности носят, как правило, полидисциплинарный характер и напрямую связаны наряду с социальной психологией с такими отраслевыми направлениями психологической науки, как психология развития, психология личности, возрастная и педагогическая психология. Более того, в исследованиях такого рода нередко (и совершенно обоснованно) используются данные и методический аппарат смежных наук гуманитарного спектра: философии, социологии, культурологии, а также экономических наук. По сути дела, речь идет о про-

цессе формирования новой полидисциплинарной практикоориентированной отрасли научного знания, направленной на разработку и реализацию принципиально новых форм структурирования межличностного и межгруппового взаимодействия как в сфере общественного производства, так и в самом широком социальном контексте. Однако в настоящее время этот процесс носит именно спонтанный, зачастую даже стихийный характер, что существенно затрудняет его системное осмысление, прогнозирование, а следовательно, и порождает сложности в определении предметно-проблемного поля и понятийного аппарата организационной психологии на современном этапе ее развития, о которых говорилось выше. Вполне понятно, что даже гипотетическое решение этих проблем никоим образом не укладывается в жанровую схему отдельно взятой статьи. В этой связи далее мы представим совершенно сознательно редуцированное определение предмета, задач и связанных с ними целевых исследовательских векторов организационной психологии, вместе с тем, с максимально возможным учетом обозначенных выше актуальных тенденций ее развития в современных условиях.

Итак, предметом организационной психологии в свете сказанного является социально-психологическое и психолого-акмеологическое обеспечение формирования, предметно-деятельностной реализации и развития «человеческого капитала» на всех уровнях функционирования современного общества и, прежде всего, в сфере общественного производства. Исходя из этого, «дорожная карта» основных предметно-содержательных задач и связанных с ними целевых прак-

тикоориентированных векторов исследований представляется в следующем виде.

1. Формирование и развитие кадрового потенциала организации. Решение данной задачи связано с целым рядом, по сути дела, развернутых самоценных направлений деятельности, каждое из которых должно осуществляться с обязательным учетом предметно-деятельностной, структурной, управленческой специфики конкретной организации, а также перспектив ее развития. К ним относятся: разработка и реализация методического обеспечения целенаправленной системы рекрутмента; социально-психологическое и психолого-акмеологическое обеспечение разработки и реализации системы мониторинга и оптимизации мотивации профессиональной деятельности как на индивидуально-личностном, так и на групповом, а также межгрупповом уровнях; социально-психологическое обеспечение разработки и реализации различного уровня программ аттестации персонала; социально-психологическое и психолого-акмеологическое обеспечение разработки и реализации программ внутрикорпоративного обучения и подготовки кадрового резерва.

2. Обеспечение эффективности руководства и лидерства в современной организации. Решение данной задачи связано, прежде всего, с углубленным анализом функциональных, а также социально-психологических различий между организационным руководством и лидерством в условиях информационной экономики. При этом совершенно очевидно, что наряду с данным фундаментальным основанием имеет место ряд практикоориентированных и прикладных аспектов. К ним относятся: диагностика, социально-психологическое и пси-

холого-акмеологическое обеспечение развития лидерского потенциала руководителей, в частности, разработка и реализация обучающих и личностно-развивающих программ, направленных на повышение человековедческой компетентности, развитие стратегического мышления, креативности, социального интеллекта; индивидуальное консультирование руководителей (коучинг).

3. Повышение эффективности функционирования организационной структуры. Решение данной задачи включает следующие основные направления целенаправленной деятельности: социально-психологическое обеспечение разработки и реализации стратегий организационного развития (данное направление связано, прежде всего, с созданием управленческих команд); выявление структуры отношений межличностной значимости в организационных подразделениях, разработка и реализация мероприятий по ее оптимизации (развитию до уровня коллектива); диагностика организационной культуры, анализ ее продуктивности с точки зрения обеспечения как актуальной эффективности, так и перспектив развития, разработка и реализация (в случае необходимости) программы ее трансформации.

4. Обеспечение здоровья и охраны труда сотрудников организации. Решение данной задачи связано, главным образом, с социально-психологическими, психолого-акмеологическими, а также психофизиологическими аспектами проблемы эмоционального «выгорания» в контексте профессиональной деятельности. Оно требует разработки, опять же с учетом предметно-деятельностной, структурной, управленческой специфики конкретной организации, в сочетании

с индивидуально-психологическими особенностями сотрудников, комплексного методического обеспечения диагностики, профилактики, а при необходимости и купирования синдрома эмоционального «выгорания».

5. Социально-психологическое обеспечение взаимодействия организации с внешней средой. Предметные направления деятельности, непосредственно связанные с решением данной задачи, по своему содержанию оказываются, как правило, вне формально-системных границ большинства конкретных организаций, а также отчасти психологической науки. Однако именно в современных условиях они представляются не только важными, но и попросту необходимыми, прежде всего, с точки зрения перспектив организационного развития. К ним относятся: системный анализ специфики внешней среды организационной деятельности; разработка и осуществление маркетинговых исследований; социально-психологическое обеспечение разра-

ботки и продвижения рекламных продуктов; социально-психологическое обеспечение всего комплекса организационных PR-мероприятий, включая целенаправленную работу по оптимизации публичного имиджа конкретных лиц, представляющих организацию.

В заключение еще раз подчеркнем, что представленную предметно-тематическую схему ни в коей мере не следует расценивать как окончательный вариант решения изложенных теоретико-методологических проблем организационной психологии. Она в большей степени является ориентиром для использования в исследовательских, образовательных и профессионально-практических целях огромного массива материалов различного уровня по данной проблематике, доступного сегодня российскому читателю, а также приглашением к дискуссии всех заинтересованных представителей науки и специалистов-практиков как в сфере собственно организационной психологии, так и в смежных областях науки и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
2. *Коэн А.* Критическая важность лидерства, влияние командной работы и управления изменениями / Курс МВА по менеджменту. М., 2004.
3. *Фостер Р., Каплан С.* Созидательное разрушение. М., 2005.
4. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
5. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.

On the Subject and Main Tasks of Organizational Psychology in Its Current Developmental Stage

V.A. ILYIN

*Doctor in Psychology, professor, professor at the Chair of Management Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education*

The paper gives an overview of the development of organizational psychology as a practice-oriented branch of psychological science, outlines the author's views on the main methodological issues related to the subject and main research tasks of work psychology in the context of innovative economics, and suggests a way in which these issues can be addressed. As it is shown, in the course of its development organizational psychology has been evolving from the use of psychological knowledge for the purposes of increasing organizational efficiency within flow production to the solution of a wide range of problems referring both to social psychological and acmeological support of innovative development.

Keywords: *organizational psychology, organizational development, knowledge economy, human capital.*

REFERENCES

1. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
2. Koen A. Kriticheskaya vazhnost' liderstva, vliyanie komandnoi raboty i upravleniya izmeneniyami / Kurs MVA po menedzhmentu. M., 2004.
3. Foster R., Kaplan S. Sozidatel'noe razrushenie. M., 2005.
4. Fukuyama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu. M., 2004.
5. Shumpeter I. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. M., 2007.

Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований

С.А. КУЗНЕЦОВА

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Северо-Восточного государственного университета*

В статье обосновывается актуальность исследований миграционных процессов в рамках различных общественных наук. Приводятся классификации миграционных процессов и их стадии, излагаются выводы социологических исследований миграционной мобильности о наличии социально-психологических факторов миграционных намерений (установок), раскрывается актуальность исследований миграционной мобильности с позиции социальной психологии, указываются специфические характеристики миграционных установок, которые требуют построения концептуальной модели, а также разработки соответствующих методов изучения.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная мобильность, миграционные установки (намерения).

Актуальность исследования миграционной мобильности в социологии и социальной психологии

Социальные изменения XX – начала XXI века вызвали интенсификацию процессов миграции во всем мире и в нашей стране, в частности. С одной стороны, миграционные процессы неизбежны, необходимы и желательны для решения экономических, демографических и других проблем территорий и самих субъектов переселения. С другой стороны, миграционные процессы несут проблемы и противоречия (культурные, социальные, психологические, юридические и т. д.), вызывающие острые дискуссии в обществе и требующие их решения. Возникают задачи прогноза развития и управления миграционными процессами. По этим причинам изучение миграционных процессов актуально для различных наук.

Миграционные процессы могут быть классифицированы по разным основаниям. Во-первых, по сроку проживания мигрантов на новом месте выделяются бесповоротная, временная, сезонная и маятниковая миграция. Во-вторых, на основании переездов внутри страны или вне страны различают внутреннюю и внешнюю миграции. Следующим основанием является добровольность или вынужденность принятия решения о миграции [10]. Возможны и другие основания, например, потребности, которые реализует личность (или семья) при помощи переезда.

Известный исследователь миграции Л.Л. Рыбаковский определяет миграцию как территориальное перемещение между населенными пунктами независимо от продолжительности, регулярности и цели, а в узком смысле, как собственно переселение, то есть смену места жительства [11]. Однако это перемещение

представляет собой процесс, в большинстве случаев занимающий продолжительное время. Л.Л. Рыбаковский в своей трехстадийной концепции миграционного процесса выделяет подготовительную стадию, на которой происходит формирование территориальной подвижности населения; основную, то есть собственно переселение, и заключительную, на которой происходит адаптация мигрантов на новом месте [11].

Общественные науки в разной степени уделяют внимание стадиям миграционного процесса. Основная стадия миграционного процесса изучается в экономике, демографии, политологии, истории. Объектом их изучения является характер и направление миграционных потоков через объективные количественные показатели. Подготовительная и завершающая стадии активно изучаются социологией (Ж.А. Зайончковская, Т.И. Заславская, Е.М. Кокорев, В.И. Переведенцев, Л.Л. Рыбаковский и др.). Объектами изучения служат субъективные стороны миграции — миграционные намерения, а также приживаемость на месте вселения. Социология миграции также рассматривает эти явления как массовые процессы; в качестве субъекта миграции рассматриваются «население», «миграционные потоки».

Свой вклад в изучение миграционных процессов вносят социальная психология и этнопсихология. Наиболее часто изучаются проблемы мигрантов на заключительной стадии миграционного процесса после состоявшегося переселения. Большое внимание уделяется последствиям межкультурной миграции (эмиграции или иммиграции), проблемам вынужденных переселенцев (Л.В. Ключникова, Н.М. Лебедева, Н.В. Павленко, Г.У. Сол-

датова, Т.Г. Стефаненко, Н.В. Усова и др.) Основным предметом этого направления, которое разрабатывается в рамках этнопсихологии начиная с 50-х гг. XX в., является межкультурная адаптация. Она определяется как «сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними» [15, с. 326]. Критерием внутренней стороны адаптации Т.Г. Стефаненко называет чувство удовлетворенности и полноты жизни, а внешней стороны — включенность индивида в социальную и культурную жизнь новой группы [15]. Среди проблем, изучаемых в рамках этого направления, выделяют стрессовые явления, связанные с переездом, нарушения адаптации, этапы процесса адаптации, индивидуальные и групповые факторы, определяющие успешность адаптации, последствия межкультурных контактов для групп и индивидов [там же; и др.]. Важной прикладной задачей является разработка методов подготовки к межкультурному взаимодействию.

В связи с острой актуальностью проблем межкультурных, в том числе вынужденных миграций они потеснили изучение проблем социально-психологической адаптации переселенцев, не связанных с межкультурными проблемами, хотя в нашей стране они были весьма актуальны в 70–80 гг. XX в. в контексте освоения ресурсов северных и дальневосточных территорий. Примером работ этого направления может быть цикл исследований адаптации человека на Севере [16; и др.].

Исследования первой стадии миграционного процесса (формирование миг-

рационной мобильности населения) представлено большей частью работами социологов. Так, по мнению Л.Л. Рыбаковского и Т.И. Заславской, мобильность (подвижность) — способность или психологическая готовность к миграции, то есть потенциальная миграционная активность [11]. Ее изучение позволяет дать прогноз объема миграционных потоков.

В социологических исследованиях оценка миграционной мобильности населения производится путем изучения миграционных намерений (установок), то есть желаний или готовности к переезду. При этом изучаются цели и причины переезда, а также факторы, сдерживающие миграцию у молодежи (Л.И. Леденева, Е. Некипелова и др.), у жителей различных регионов России (З.А. Данилова, Ж.А. Зайончковская, Е.А. Кокорев, Н.А. Ноздрина, Е.О. Скрипник и др.).

В исследованиях на примере жителей Дальнего Востока выявлено, что на формирование миграционных намерений оказывают влияние как экономические, так и неэкономические факторы [13]. Как указывает Е.О. Скрипник, к экономическим факторам относятся высокая стоимость жизни, неудовлетворенность работой и заработной платой, завышенные транспортные тарифы, к неэкономическим — социальные связи и социально-психологические установки. Роль социальных связей заключается в проживании родственников и друзей в потенциальном месте «входа» или в уже состоявшейся миграции близкого окружения. Е.О. Скрипник объясняет это эффектом подражания или сложившимся шаблоном поведения, который поддерживает миграционные намерения населения определенной территории [13]. По результатам социологических иссле-

дований (на территории Хабаровского края, байкальского региона) обнаруживается эффект «воспитания» миграционных намерений: чем более мотивированы на выезд сами респонденты, тем больше в этой группе желающих, чтобы их дети проживали в другом месте [5; 13]. Самые значимые факторы, сдерживающие миграцию, имеют неэкономический характер (социальные связи в пределах мест проживания, привязанность к месту жительства, страх потерять с переездом больше, чем приобрести, и так называемые социальные установки). Под «социальными установками» в данном исследовании [13] автором-социологом понимались такие ответы, как «страх перед неизвестностью», «обжитость», возраст, «привязанность и теплые чувства к месту проживания».

Ж.А. Зайончковская и Н.Н. Ноздрина отмечают в качестве важного фактора миграционного поведения наличие миграционного опыта: людям, имеющим хотя бы небольшой миграционный опыт, легче решиться на переезд и использовать его в качестве средства для решения своих жизненных проблем. Поэтому, по мнению авторов, чем больше в составе населения мигрантов, тем оно мобильнее [8]. З.А. Данилова добавляет к этому знакомство с условиями жизни в другой среде [5]. Аналогичные выводы содержатся в работе Л.Л. Рыбаковского [11]. По мнению многих авторов, на миграционные установки населения влияют удовлетворенность или неудовлетворенность условиями проживания [7; 8; 11 и др.].

В качестве важного фактора миграционных намерений (установок) в социологических работах З.А. Данилова отмечает личностную предрасположенность к миграции, фактор риска и любо-

пытства, потребность испытать себя в новых условиях [5].

Краткий обзор социологических работ, посвященных миграционным намерениям, позволяет сделать следующие выводы. Среди факторов, оказывающих влияние на формирование миграционных намерений (установок) жителей Дальнего Востока и Сибири, важными являются неэкономические факторы (такие как социальные связи и социальные установки). Миграционные намерения (установки) во многом определяются распространенностью миграционного опыта среди населения территории, личным миграционным опытом, удовлетворенностью условиями по данному месту жительства, наличием друзей и родственников в месте переселения, примером переехавших людей из ближайшего окружения, установками родителей на миграционные установки детей. Играют роль в формировании миграционных намерений и такие особенности личности, как любопытство, желание испытать себя в новых условиях и т. п. Среди сдерживающих миграцию причин важнейшей является значимость социальных связей и такие «установки» как страх неизвестности, боязнь с переездом потерять больше, чем приобрести.

Итак, с одной стороны, обнаруживается недостаточная изученность первой стадии миграционного процесса с социально-психологической точки зрения, а с другой стороны, в социологических работах содержатся выводы о социально-психологических факторах миграционных намерений (установок), однако их подробное изучение не входит в задачи исследователей-социологов.

На наш взгляд, это делает актуальным изучение таких явлений с социально-психологической точки зрения.

Специфика социально-психологического подхода к изучению миграционных намерений (установок) по сравнению с социологическим, на наш взгляд, заключается в следующем. В социологических работах миграционные намерения рассматриваются как массовые явления, соотносимые с процессами, происходящими в обществе, среди населения; результаты их изучения позволяют прогнозировать масштаб миграции. Социально-психологическое изучение в большей степени нацелено на изучение личности и механизмов регуляции ее социального поведения, в частности, миграционного. Необходимо отметить, что непреодолимого барьера в социологическом и социально-психологическом подходах не существует. Причинами является и история формирования социальной психологии, и современные тенденции ее развития (примером является такой раздел социальной психологии, как макрорпсихология). Мы считаем важным найти способ теоретического социально-психологического описания миграционных установок (намерений), который бы позволил сохранить возможность учета результатов в смежных науках.

Место исследований миграционных установок в социальной психологии

Следующими задачами являются определение места исследований миграционной мобильности в общей проблематике социальной психологии и места понятия «миграционные установки (намерения)» среди системы ее понятий.

Реинтерпретируем приведенные выше выводы социологических работ с социально-психологической точки зрения.

Миграционные намерения (установки) во многом определяются включением человека в социальные группы разного масштаба (малые и большие группы) на том или ином месте жительства. Они формируются под влиянием микросоциального окружения (родителей на детей) и макросоциального, то есть более широкого социального окружения. Миграционные намерения определяются удовлетворенностью местом жительства, которая определяется сравнением условий разных мест жительства (актуального и потенциального), что обеспечивается миграционным опытом или знакомством с другими местами. Включенность в определенную социальную среду формирует специфические стратегии адаптации, включающие миграцию в качестве средства решения проблем. Эти стратегии качественно различны в зависимости от личностных особенностей и преобладающей мотивации (условно говоря, от стремления к успеху или избегания неудач).

На наш взгляд, эти выводы показывают не только актуальность, но и возможность изучения миграционных намерений как социально-психологического феномена и построения гипотез о механизмах их формирования.

Влияние на человека фактора включенности в социальную группу — наиболее характерная для социальной психологии проблема [2]. В связи с этим изучение влияния принадлежности к социальной группе на формирование миграционных намерений (установок) с социально-психологической точки зрения достаточно правомерно.

Влияние микро- и макросоциального окружения на формирование миграционных установок, механизмы их формирования — частный аспект социализации

личности. Проблема социализации личности на примере передачи миграционных установок не представлена в социальной психологии, но может иметь теоретическое и практическое значение в условиях социальных изменений, когда усиливаются миграционные процессы.

Для изучения фактора удовлетворенности местом жительства в формировании миграционных установок в социальной психологии имеется теоретическая база. Это и тематика экологической психологии, и «образа среды», сложившаяся в психологии социального познания [1], и тематика территориальной идентичности [12]. Безусловно, одним из важных механизмов социального познания является социальное сравнение. Место жительства не может быть оценено личностью безотносительно знаний или представлений о других местах. В современном информационном обществе при интенсивных перемещениях с профессиональными и туристическими целями пространство для сравнения охватывает весь мир, однако личность сужает его до потенциально возможных мест жительства, которые и сравнивает между собой. Этот аспект, на наш взгляд, заслуживает изучения в социальной психологии и имеет теоретические возможности исследования.

Место миграционных намерений в стратегиях совладания личности с трудными жизненными ситуациями — этот вопрос может рассматриваться в рамках такого раздела социальной психологии, как «социальная психология личности».

Таким образом, влияние системы социальных связей личности на формирование миграционных намерений, социализация миграционных намерений, место миграционных намерений в стратегиях социально-психологической адапта-

ции личности — эти вопросы могут относиться к проблематике раздела «социальная психология личности». Влияние на формирование миграционных намерений сравнительной оценки места жительства с точки зрения значимых мотивов и ценностей — эта проблема может изучаться в рамках такого раздела социальной психологии, как «психология социального познания».

Миграционные установки как специфический вид социальных установок

Определим место миграционных установок (намерений) в ряду социально-психологических понятий, немаловажным будет и разграничение миграционных установок и намерений, которые в социологии не различаются. Решение этой задачи необходимо для построения их концептуальной модели, разработки соответствующих методов для адекватной постановки гипотез и продуктивного эмпирического социально-психологического изучения.

В соответствие с термином, принятым в социологии — «миграционные установки или намерения», — целесообразно их теоретическое соотнесение с понятием «социальная установка», или «аттитюд». Это понятие было введено У. Томасом и Ф. Знанецким в социальную психологию в контексте миграционных процессов [20]. По мнению П.Н. Шихирева, «будучи обращенной одной своей гранью к социологии, а другой — к психологии, объединяя аффекты, эмоции и их предметное содержание в единое целое, социальная установка представлялась именно тем понятием, которое, казалось, могло лечь в

основу теоретического объяснения социально значимого поведения» [18, с. 101]. Так как мы считаем миграционные установки общим объектом для социологии и социальной психологии, мы допускаем использование понятия, объединяющего возможности обеих наук. Для разработки концептуальной модели миграционной установки адекватно представление о социальной установке как установочной системе. Установочная система, согласно M.D. Zanna и Y.K. Rempel [21], выступает как «ценностная диспозиция, устойчивая предрасположенность к определенной оценке, основанной на когнициях, аффективных реакциях, сложившихся поведенческих намерениях (интенциях) и предшествующем поведении, способная, в свою очередь, влиять на познавательные процессы, на аффективные реакции, на складывание интенций и на будущее поведение» (цит. по: [3, с. 143]). Таким образом, «поведенческая составляющая социальной установки представлена не только непосредственным поведением (некоторыми реальными, уже осуществленными действиями), но и интенциями. Поведенческие интенции могут включать в себя различные ожидания, стремления, замыслы, планы действий — все, что только намеревается сделать человек. При этом интенции, в конечном счете, не всегда могут найти свое воплощение в реальных действиях человека, в его поведении» [там же].

Представление о социальной установке как об установочной системе применительно к миграционной установке является оправданным, поскольку, действительно, не всегда формирование миграционной установки завершается реальным переселением, однако намерение переселиться (желание или готовность) входит в ее структуру. Так решается тер-

минологическая путаница. Миграционная установка с этой точки зрения — более общее понятие, чем миграционное намерение, и как установочная система включает последнее в свою структуру.

Согласно приведенному выше определению аттитюда У. Томаса и Ф. Знанецкого, любая социальная установка, а следовательно и миграционная, направлена на социальный объект. Как уже упоминалось, по мнению Л.Л. Рыбаковского, миграция предполагает территориальное перемещение в пространстве, смену места жительства [11]. Для рассмотрения места жительства в качестве социального объекта имеются обширные теоретические основания. Так, по словам Г.М. Андреевой, расширяется круг социальных явлений, «которые выступают объектами социального познания» [1, с. 52]. В частности, это различные «среды», или «фрагменты действительности», среди которых Г.М. Андреева называет «естественную и искусственную среду обитания» [там же, с. 53]. Интенсивно развивается целый ряд научных подходов — психология среды, экологическая психология, в рамках которых среда, территория, пространство рассматриваются с психологической и социально-психологической точек зрения, используется ряд понятий для анализа социальных и психологических феноменов, связанных с пространством жизнедеятельности — «территориальность» [17], «социальное пространство» [14]; «социально-психологическое пространство» [6]. В качестве нового объекта изучения в социальной психологии Г.М. Андреева также называет идентичность с окружающей средой: «Несмотря на необычность такого словосочетания, факт, в нем зафиксированный, хорошо известен

на уровне обыденной психологии: человек всегда обитает в некоторой «жизненной среде», к которой можно отнести географический район его проживания, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики своей местности и многое другое. Поэтому образ мира не может быть построен без учета и этого рода отношений человека с миром» [1, с. 198]. В то же время терминология в этой предметной области еще не устоялась, используются, например, понятия «территориальное самоопределение» [9], «территориальная идентичность» [12] и т. п.

Таким образом, для социально-психологического анализа места жительства (в качестве среды обитания, пространства жизнедеятельности) как социального объекта имеются теоретические основания. Место жительства — это не просто географический объект. По нашему мнению, это пространство жизнедеятельности, которое наполняется личностным смыслом как условие, способствующее или препятствующее реализации значимых мотивов и целей.

Но может ли такой социальный объект, как место жительства, определять миграционное намерение (и, соответственно, миграционное поведение)? Такое предположение необходимо, но недостаточно. Для возникновения миграционного намерения (желание переезда и готовность к нему) личность должна иметь представление о других, потенциальных местах жительства. В гипотетической ситуации объективной или субъективной безальтернативности места жительства, без «переживания ценности, значения и смысла» другого, возможного места жительства, о котором человек знает или имеет какие-то представления, не может

возникнуть миграционное намерение. Так же было бы недостаточным аналогичное предположение, что объектом является потенциальное место жительства, позитивная оценка которого стимулирует переезд. Оценка места жительства как сложного социального объекта, связанного с целым спектром потребностей, целей, ценностей человека, не абсолютна, а относительна. Мы считаем, что в структуре миграционной установки как attitude необходимо выделять, как минимум, два объекта — настоящее и предполагаемое место жительства. Безусловно, это упрощение, требуемое целями построения эмпирического исследования. В реальности личность имеет представление о целом поле таких объектов. Как рациональная, так и эмоциональная оценка складываются из сравнения условий своего места жительства и условий других мест жительства — реально знаемых по опыту, по имеющейся информации или предполагаемых.

В этой двух- или полиобъектности, на наш взгляд, заключается одна из специфических особенностей миграционной установки, требующей специального социально-психологического изучения. Предположение подтверждается социологическими данными, что люди, имеющие миграционный, в том числе и туристический опыт, бывавшие в других местах, то есть имеющие объекты для сравнения своего места жительства с другими, чаще имеют миграционные установки [5].

Теоретические возможности для описания процесса сравнительной оценки мест жительства дает теория социального сравнения Л. Фестингера. Как считает автор, в ситуациях отсутствия объективных стандартов индивиду требуется социальное сравнение для оценки своего положе-

ния, и в этом случае он прибегает к сравнению себя с похожими на него людьми [19]. Мы предполагаем, что «примеривание» к себе разных мест жительства на основе представлений, как там живут другие люди, является частным случаем такого социального сравнения.

Основанием для сравнения являются возможности, которые предоставляют различные места жительства для реализации потребностей, целей, ценностей личности, а результат сравнения, в свою очередь, вызывает миграционное намерение, которое может реализоваться в миграционном поведении. Место жительства — сложный социальный объект, и потому трудно предположить, что сравнение возможностей настоящего и предполагаемого мест жительства приводит к однозначной рациональной и эмоциональной оценке. Вероятнее неоднозначное, даже внутренне конфликтное отношение к месту жительства. Так, И.Ю. Кузнецов говорит об амбивалентном территориальном самоопределении жителей Северо-Востока России [9]. В зависимости от его характера и степени выраженности человек по-разному решает вопрос о переезде. Мы предполагаем, что для изучения конфликтного отношения личности к месту жительства необходимо рассматривать иерархичность ее ценностно-мотивационной сферы, которая определяет характер конфликта и, соответственно, судьбу выбора.

Для теоретического описания и изучения полиобъектности миграционной установки можно было бы воспользоваться предлагаемым А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко понятием «социально-психологическое пространство», которое «есть сформированная субъектом система позитивно или негативно значимых социальных объектов или явлений (включая

его самого), занимающих конкретные позиции в структуре, находящихся в определенных связях друг с другом и выполняющих некоторые функции или роли в соответствии с определенными нормами, правилами, стандартами и закономерностями» [6, с. 75]. В данном определении авторы отмечают два важных для нас аспекта социально-психологического пространства: субъективную значимость окружающей субъекта среды, а также системность строения социально-психологического пространства. Однако эти авторы не фиксируют внимание на территориальном, географическом характере объектов, его наполняющих. Такой акцент имеется в концепции социального пространства П. Бурдье: «за метафорой «социального пространства» стоит, в конечном счете, факт человеческого бытия в социально-географическом пространстве» [14, с. 20].

Итак, одной из специфических особенностей миграционной установки как аттитюда является ее объект — система, состоящая из реального и потенциальных мест жительства. В свою очередь, место жительства является не просто социальным объектом, но объектом сложным, связанным с целой системой деятельностей и отношений личности. Соответственно, субъективная оценка (когнитивная и аффективная) как реального, так и предполагаемых мест жительства задается процессом их сравнения. Основанием для сравнения являются возможности, которые предоставляют различные места жительства для реализации потребностей, целей, ценностей личности.

Поскольку и система потребностей, целей, ценностей сложна, процесс сравнения мест жительства с этой точки зрения может быть достаточно длительным (его качественные характеристики так-

же требуют изучения), а рациональная и эмоциональная оценка — неоднозначной. Экстренное вынужденное переселение — частный случай этого процесса.

В качестве другой специфической особенности миграционных установок является то, что основанное на них миграционное поведение, то есть переезд — это событие значимое, ответственное, имеющее долгосрочные последствия, соотносимое не только с масштабом жизненного пути личности, но и жизненного пути значимых других. Безусловно, процесс формирования миграционных установок и принятие миграционного решения на их основе имеют тесное отношение к процессу самоопределения личности [6; 9].

Однако, по нашему мнению, в процессе формирования миграционной установки значительную роль играет интериоризация установок значимых других и их ожиданий по отношению к миграционному поведению личности. Это предположение имеет не только теоретические основания, но и подтверждается результатами социологических работ.

Таким образом, мы рассмотрели актуальность и возможность изучения миграционной мобильности с социально-психологической точки зрения и предложили рассматривать миграционные установки как установочные системы, включающие миграционные намерения. Специфической особенностью их структуры является полиобъектность — направленность на реальное и потенциальные места жительства; механизмом формирования является интериоризация миграционных установок близких людей и социальных ожиданий от субъекта. Особенностью миграционных установок является также биографический масштаб основанного на них поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2008.
3. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.
4. Григорян Л.К., Лепшокова З.Х. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
5. Данилова З.А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3.
6. Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б. Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М., 2007.
7. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.А. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4.
8. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.А. Миграционная подвижность населения России и ее территориальная дифференциация (по результатам обследования в 10 городах) // «Демографические перспективы России». Материалы международной научно-практической конференции «Демографическое будущее России: проблемы и пути решения». М., 2008.
9. Кузнецов И.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан, 2003.
10. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М., 2001.
11. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
12. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008.
13. Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4.
14. Сокулер З.А. Социальное и географическое пространство в концепции П. Бурдьё (научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: междисциплинарные исследования. Реферативный сборник. М., 2003.
15. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
16. Психическая адаптация человека на Севере. Владивосток, 1980.
17. Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989.
18. Шихурев П.Н. Современная социальная психология. М., Екатеринбург, 2000.
19. Festinger L. A theory of social comparison processes. Hum Relations, 1954. V. 7.
20. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, 1918.
21. Zanna M.P., Rempel J.K. Attitudes: A new look at an old concept // The social psychology of knowledge / In D. Bar-Tal, A. W. Knigłanski (Eds.). N. Y., 1988.

Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research

S.A. KUZNETSOVA

*PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology,
Northeastern State University*

The paper focuses on the importance of investigating migration processes within the framework of social sciences. It provides a classification of migration processes and describes their stages as well as presents results of sociological studies on migratory mobility and social psychological factors of migration attitudes (intentions). The paper illuminates the importance of exploring migratory mobility from social psychological perspective and points out certain specific features of migration attitudes that require the construction of a conceptual model and the development of appropriate research methods.

Keywords: migration, migration processes, migratory mobility, migration attitudes (intentions).

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psihologiya social'nogo poznaniya. M., 2000.
2. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. M., 2008.
3. Belinskaya E.P., Tihomandrickaya O.A. Social'naya psihologiya lichnosti. M., 2001.
4. Grigoryan L.K., Lepshokova Z.H. Empiricheskaya model' vzaimosvyazi grazhdanskoj identichnosti i ustanovok po otnosheniyu k immigrantam s ekonomicheskimi predstavleniyami rossiyan // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 2.
5. Danilova Z.A. Migracionnye nastroyeniya naseleniya baikal'skogo regiona (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // Problemy prognozirovaniya. 2010. № 3.
6. Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B. Samoopredelenie, adaptaciya i socializaciya: sootnoshenie i mesto v sisteme social'no-psihologicheskikh ponyatii // Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy / Otv. red. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. M., 2007.
7. Zaionchkovskaya Zh.A., Nozdrina N.A. Migracionnyi opyt naseleniya regional'nyh centrov Rossii (na primere sociologicheskogo oprosa v 10 gorodah) // Problemy prognozirovaniya. 2008. № 4.
8. Zaionchkovskaya Zh.A., Nozdrina N.A. Migracionnaya podvizhnost' naseleniya Rossii i ee territorial'naya differenciaciya (po rezul'tatam obsledovaniya v 10 gorodah) // "Demograficheskie perspektivy Rossii". Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii "Demograficheskoe budushee Rossii: problemy i puti resheniya". M., 2008.
9. Kuznecov I.Yu., Kuznecova S.A. Samoopredelenie lichnosti na zhiznennom puti. Magadan, 2003.
10. Pavlenko V.N. Akkul'turacionnye strategii i modeli transformacii identichnosti u migrantov // Psihologiya bezhencev i vynuzhdennyh pereselencev: opyt issledovaniya i prakticheskoi raboty / Pod red. G.U. Soldatovoi. M., 2001.

11. *Rybakovskii L.L.* Migraciya naseleniya (voprosy teorii). M., 2003.
12. *Samoshkina I.S.* Territorial'naya identichnost' kak social'no-psihologicheskii fenomen: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2008.
13. *Skripnik E.O.* Migracionnye namereniya gorodskogo naseleniya Habarovskogo kraja // Prostranstvennaya ekonomika. 2010. № 4.
14. *Sokuler Z.A.* Social'noe i geograficheskoe prostranstvo v koncepcii P. Burd'e (nauchno-analiticheskii obzor) // Social'noe prostranstvo: mezhdisciplinarnye issledovaniya. Referativnyi sbornik. M., 2003.
15. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya. M., 2003.
16. Psihicheskaya adaptaciya cheloveka na Severe. Vladivostok, 1980.
17. *Chernoushek M.* Psihologiya zhiznennoi sredy. M., 1989.
18. *Shihirev P.N.* Sovremennaya social'naya psihologiya. M., Ekaterinburg, 2000.
19. *Festinger L.* A theory of social comparison processes. Hum Relations, 1954. V. 7.
20. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, 1918.
21. *Zanna M.P., Rempel J.K.* Attitudes: A new look at an old concept // The social psychology of knowledge / In D. Bar-Tal, A. W. Knigłanski (Eds.). N. Y., 1988.

**Воздействие и влияние как социально-психологические
координаты межличностного взаимодействия:
понятийно-терминологический аспект**

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
профессор Московского городского психолого-педагогического университета*

В.А. ИЛЬИН

*доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
управления Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье последовательно излагается система научных взглядов на социально-психологическую природу и содержательную суть таких определяющих процесс межличностного взаимодействия составляющих, как воздействие и влияние. Анализируются подходы к пониманию этих социально-психологических феноменов в рамках отечественной (теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и концепция персонализации) и зарубежной психологии. Заявляется и обосновывается позиция, согласно которой полноценная интерпретация эмпирики, касающейся межличностного взаимодействия в реально функционирующем контактном сообществе, без учета характера воздействия и влияния попросту недостижима.

Ключевые слова: *воздействие; влияние; прямое и косвенное воздействие; убеждение; направленное и ненаправленное влияние; индивидуально-специфическое и функционально-ролевое влияние; принципы взаимного обмена, обязательств и последовательности, социального доказательства, благорасположения, авторитета и дефицита.*

Как известно, любая наука располагает своим специфическим понятийным аппаратом. Не является исключением в этом плане и социальная психология и, в частности, социальная психология малых групп. Если обратиться к достаточно объемному списку стержневых для этой области психологической науки понятий, в центре внимания неизбежно окажутся воздействие и влияние. Принципиально важно то, что помимо своей понятийной самоценности они играют роль значимого в содержательном плане

интерпретационного «ключа», позволяющего углубленно и детально описывать основные процессы, происходящие в жизнедеятельности реально функционирующих контактных сообществ. В то же время несмотря на длительное и пристальное внимание к изучению этой психологической реальности, нередко в рамках современной исследовательской практики можно столкнуться с ситуацией недостаточной проясненности вопроса о соотношении понятий «воздействие» и «влияние». Именно эта совокуп-

ность обстоятельств и обусловила подготовку данного статейного материала.

Воздействие — осозанный и целенаправленный процесс, суть которого заключается в оказании влияния одного из участников совместной деятельности и общения на другого. В качестве партнеров подобного взаимодействия могут быть как отдельные личности, так и группы разного размера и типа. В социально-психологической науке выделено два основных вида воздействия — прямое (открытое) и косвенное. Под прямым воздействием понимается непосредственное обращение к объекту с целью предъявления ему каких-либо требований или предложений.

Если в качестве примера взять педагогическое воздействие учителя на учащегося, следует отметить, что сама специфика профессиональной деятельности педагога, его постоянный и непосредственный контакт с учащимися предполагают необходимость довольно частого использования именно такого типа воздействия. В то же время в некоторых случаях подобная тактика может оказаться недостаточно гибкой и слишком прямолинейной. Порой неоправданно настойчивое применение педагогом прямого воздействия вызывает равное по силе противодействие школьника, создает конфликтную ситуацию, серьезно осложняет взаимоотношения учителя и учащихся.

Здесь более эффективным оказывается прием косвенного воздействия, суть которого в следующем. Педагог направляет свои усилия не непосредственно на того, на кого он и стремится, в конечном счете, оказать влияние, а на его окружение, преследуя цель, изменив обстоятельства жизнедеятельности интересую-

щего его лица, изменить в нужном направлении и его самого. Особенно эффективной такая тактика оказывается в отношении подростков, нередко активно сопротивляющихся попытке любого сколько-нибудь откровенного контроля со стороны взрослого. Так, если учитель по тем или иным причинам лишен возможности добиться желаемого результата путем прямого воздействия на учащихся, он может использовать прием воздействия, например, через референтное лицо. Как правило, у каждого ученика в школе есть один или несколько товарищей, к чьему мнению он прислушивается, на чью позицию ориентирован, другими словами, есть референтные для него лица. Если с помощью специально организованного воздействия на такой референтный круг педагогу удастся превратить его представителей в своих союзников, основная задача может быть легко решена. Референтные ученики становятся «каналом», по которому учителю будет нетрудно осуществлять косвенное воздействие на остальных школьников и в результате добиться необходимого влияния. Как показывают и специальные исследования, и сама жизненная практика, примерно такая же схема выстраивания воздействия (правда, порой иными средствами и с другими целями) осуществляется в группах и организациях, не имеющих отношения к образованию. В то же время всегда результатом воздействия оказывается эффект того или иного влияния — целенаправленного или нецеленаправленного, индивидуально-специфического или функционально-ролевого.

Классическим примером психологического воздействия является влияние на индивида или группу посредством убеж-

дения. Так, Ф. Зимбардо и М. Ляйпше выделили шесть основных, на их взгляд, этапов процесса убеждения.

Как они пишут, «начальный этап — *предъявление сообщения адресату*. Невозможно обратить внимание на то, что вам не предъявлено. Например, агентство, рекламирующее какой-то товар, может увещать своей рекламой все стены своего офиса, но где гарантия, что люди — тем более, «нужные» люди, — увидят или услышат ее..? Вот почему телевидение проводит рейтинги популярности отдельных программ. Чем многочисленнее аудитория той или иной передачи, тем многочисленнее потенциальная аудитория размещенных в ней рекламных роликов» [1, с. 154].

Однако факт предъявления сообщения сам по себе вовсе не означает, что содержание сообщения дошло до адресата. Достаточно вспомнить тонны рекламных буклетов, которые люди, достав из своего почтового ящика, тут же отправляют в мусоропровод, не читая. Поэтому следующим необходимым этапом убеждения является *привлечение внимания к сообщению*. Эта задача осложняется тем, во-первых, что человеческое внимание весьма ограничено и, во-вторых, что оно избирательно. Последнее означает, что люди склонны больше «уделять преимущественное внимание тому из представленных сообщений, которое поддерживает имеющуюся установку, чем сообщению, противоречащему ей» [1, с. 162]. Более того, как показывают многочисленные экспериментальные исследования, из целостного сообщения, отражающего различные точки зрения, адресаты склонны выделять аспекты, отвечающие их установкам, и игнорировать остальное. Между тем, именно изменение изна-

чальной установки, а через нее и поведения, как правило, является целью убеждения. По мнению Ф. Зимбардо и М. Ляйпше, описанные барьеры на пути привлечения внимания можно преодолеть «в том случае, если аудитория, готовая практически проигнорировать «чужую» информацию, будет своевременно извещена о двух моментах: 1) о том, что сообщение содержит новые и полезные сведения ... и 2) о том, что изменение мнения сулит выгоды и легко достижимо...» [там же, с. 165]. При этом существенно важно подчеркнуть, что альтернативная точка зрения не просто несет определенные выгоды, но и, по большому счету, не противоречит глубинным установкам и ценностным ориентирам аудитории. Для привлечения внимания к информации, не совпадающей с начальными установками, широко используются также такие факторы влияния, как авторитет, благорасположение и социальное доказательство. Вполне очевидно, что соображения об опасности курения для здоровья, высказанные лауреатом Нобелевской премии в области медицины, с куда большей вероятностью привлекут внимание среднестатистического курильщика, чем аналогичные рассуждения какого-нибудь активиста «Партии жизни». Девочки-подростки, которых не сильно волнует проблема профилактики СПИДа, скорее всего с особым вниманием выслушают сообщение на данную тему, если оно исходит от кого-нибудь типа Дэвида Бэкхэма, а заявление: «Свыше 100 миллионов людей во всем мире являются нашими клиентами!» способно привлечь внимание индивидов, прежде всего, склонных к конформизму.

После привлечения внимания необходимо добиться *понимания информа-*

ции адресатом. По образному сравнению Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, «уделить внимание сообщению, смысл которого не вполне понятен, — все равно что съесть порцию сахарной ваты, которая не имеет ни полновесной материальности, ни сколько-нибудь продолжительного значения» [там же, с. 166]. Результаты многочисленных исследований показали, что, «когда понимание затруднено, снижается и степень изменения установки. ... Следовательно, смысловая внятность — качество, обязательное для сообщения. Кроме того, если по какой-то причине сообщение не может быть представлено иначе как в виде, сложном для понимания, наибольшую убедительность такому сообщению может придать письменная форма подачи. ...Еще одна сторона дела должна приниматься во внимание агентом влияния: ... необходимость решить, как именно будет преподнесено сообщение — рационально или эмоционально, стоит ли апеллировать к рассудку или же лучше попробовать сыграть на чувствах слушателя. Одна из ... работ по рекламным стратегиям предлагает делать акцент на рациональной аргументации в том случае, когда предмет сообщения 1) высоко значим для аудитории и 2) имеет высокую степень новизны.... Когда значение информации невелико, предмет знаком публике, а само сообщение будет повторяться снова и снова, предпочтительней эмоциональный подход» [там же, с. 166–167].

Однако самое исчерпывающее понимание адресатом информации, заложенной в сообщении, еще не является гарантией его согласия на изменение существующих установок. Более того, в ряде случаев оно может усиливать сопротивление воздействию. Поэтому следую-

щим, по сути, ключевым этапом процесса убеждения является принятие *вывода, диктуемого сообщением*. Принятие вывода зависит от множества переменных, среди которых можно выделить качество аргументации, целенаправленность и личностную значимость сообщения.

«Приводимые в сообщении доводы должны выдержать сравнение с имеющимися у аудитории знаниями, а также суметь «перебросить мостик» между рекомендуемой позицией и уже имеющимися у аудитории установками. Вообще, к веским аргументам относятся те, что кажутся четко сформулированными и неопровержимыми, равно как и содержащими новые данные по обсуждаемой теме. Сообщения, отвечающие упомянутым критериям «качества», способны оказывать более мощное убеждающее воздействие» [там же, с. 168]. Из сказанного видно, что качество аргументации во многом обусловлено нацеленностью информации на конкретный адресат, учетом особенностей восприятия, исходных установок и ценностей последнего. Не случайно специалисты в области рекламы прилагают массу усилий для сбора информации о своей «целевой аудитории», используя для этого социологические исследования, фокус-группы и другие методы. Высокая степень личностной значимости сообщения для адресата повышает требования к качеству аргументации, поскольку в этом случае люди стремятся как можно более точно и полно уяснить для себя суть дела, прежде чем принять решение. И, напротив, если личностная значимость вопроса в субъективном представлении адресата невысока, он может «не глядя» воспринять весьма поверхностные и малоубедительные аргументы. Последним обстоятель-

ством широко пользовались и пользуются политики определенного толка в целях манипуляции массовым сознанием.

Пятый этап убеждения предполагает *закрепление в сознании адресата новой установки*, сложившейся в результате принятия выводов сообщения. По мнению Ф. Зимбардо и М. Ляйше, однократная передача эффективного убеждающего сообщения «делает возможными» последующие шаги к изменению установки. Впрочем, чтобы обеспечить высокую *вероятность* осуществления этих предполагаемых шагов, может потребоваться многократное повторение информации.

В одном из экспериментов группе участников показали несколько китайских иероглифов один раз, другой группе — дважды, тогда как прочим группам — по пять, десять и по двадцать пять раз. В течение всего эксперимента участников просили отметить вероятное значение каждого иероглифа на шкале от «плохого» до «хорошего». Выяснилось, что чем чаще демонстрировался определенный раздражитель, тем больше участников эксперимента относили его к «хорошей» части шкалы. Эта зависимость справедлива для самых различных стимулов, включая людей и произведения искусства. Ситуация, когда «простое предъявление вызывает одобрение», по видимому, отчасти проистекает из комфорта, присутствующего в чувстве узнавания, встречи с чем-то знакомым и привычным» [там же, с. 190].

Данный пример демонстрирует факт положительного влияния на отношение к стимулу не только эффекта узнавания, но и принципа последовательности. Если изначально стимул вызвал позитивную оценку, то и в дальнейшем испытуемые придерживались своей позиции.

Именно этим руководствуются рекламные агентства, стремясь вставить один и тот же ролик в каждую телепрограмму и разместить свой щит на каждом километре автомагистрали.

Однако другой эксперимент, целью которого было исследование воздействия принципа последовательности на восприятие и оценку сложных сообщений, показал, что все обстоит не так просто. В рамках эксперимента «студенты колледжа прослушивали магнитофонную запись рассуждения, содержащего восемь вполне разумных доводов. Отдельные группы выслушивали запись один, три и пять раз подряд. ... Как и предполагалось, после трех прослушиваний участники эксперимента более активно выражали согласие с содержанием сообщения, чем после однократного прослушивания». В то же время «убежденность аудитории в своем отношении к сообщению возрастала по кривой от одного до трех повторов, но начинала падать, если повторы продолжались и дальше». Очевидно, в данном случае после третьего повтора возникал эффект пресыщения, суть которого заключается в том, что «...если информация сообщается людям слишком часто, она может им просто-напросто опротивить» [там же, с. 195–196]. Для того чтобы избежать эффекта пресыщения, необходимо дополнять повторяемое сообщение новыми деталями, варьировать информационные акценты, а также временные промежутки между предъявлениями.

Завершающий этап убеждения — это *перевод установки в поведение*. Наряду с силой, ясностью и субъективной значимостью самой установки этому в большей степени могут способствовать два обстоятельства — одобрение поведения,

опосредованного новой установкой, референтными фигурами из социального окружения индивида (а это означает, что наибольший эффект, с точки зрения изменения поведения, дает комбинация прямого и косвенного воздействия) в сочетании с условиями внешней среды благоприятными, с точки зрения проявления поведенческой реакции, релевантной новой установке. Последнее обычно реализуется на практике методами социально-психологического тренинга, ролевых и организационно-деятельностных игр и т. п.

Вполне очевидно, что эффективное убеждение как метод воздействия представляет собой многоходовую стратегию, разработка и реализация которой требуют высокого уровня социально-психологической компетентности, поведенческой гибкости, терпения и настойчивости. В силу этого на практике используются нередко упрощенные и деструктивные схемы воздействия — от метода «кнута и пряника» в самой примитивной его трактовке до прямого физического принуждения. Это особенно свойственно авторитарным личностям при осуществлении ими руководящих либо воспитательных функций, и при этом, прежде всего, в корпоративных группировках.

Таким образом, в самой лаконичной, по сути дела, конспективной форме мы определились с понятием «воздействие». А теперь обратимся к понятию «влияние», каким образом его наиболее часто определяют в современной психологии.

Влияние — в логике социально-психологической науки это и процесс, и результат (в рамках ряда подходов влияние не подпадает под категорию процессов, а рассматривается лишь как резуль-

тат процесса воздействия) существенно изменения смысловых образований, установок, систем ценностей и т. д., а также поведенческой активности человека при взаимодействии в условиях совместной деятельности и общения.

Как правило, различают направленное и ненаправленное влияние. В первом случае субъект влияния четко осознает цель своего воздействия на личность другого, хотя последний далеко не всегда ее осознает и тем более адекватно оценивает. Одним из наиболее ярких примеров подобной ситуации является результат манипулятивного воздействия. Что касается ненаправленного влияния, то его субъект нередко не только не ставит перед собой цели каким-либо образом изменить социальную ситуацию развития объекта воздействия и добиться какой-либо личностной или конкретно-поведенческой динамики последнего, но и может вообще не подозревать, что оказывает своей активностью или просто самим фактом своего присутствия какое-то воздействие на другого. Это случаи, как правило, неосознаваемого и уж тем более нецеленаправленного влияния одной личности на другую или на других. Как правило, механизмами направленного влияния оказываются убеждение и внушение, а механизмами ненаправленного — заражение и подражание.

Традиционно различают также прямое и косвенное влияние. В данном случае речь о том, оказывается воздействие направленно, что называется, «в лоб», непосредственно на индивида, личностных или поведенческих изменений которого и ожидает субъект влияния, или воздействие выстроено и реализовано таким образом, что прямым его объектом являются не сам индивид или индивиды,

на кого и направлены усилия влияющего лица, а социальное окружение и тем самым социальная и межличностная ситуации развития, качественная динамика которых, в конечном счете, меняет в нужном плане личностные проявления объекта воздействия, так как выступает в роли «трансляционного канала» притязаний и требований субъекта.

Принципиально важным для понимания социально-психологической сущности феномена влияния является и его «разведение» на индивидуально-специфическое и функционально-ролевое. Индивидуально-специфическое влияние представляет собой одну из возможных форм персонализации [2; 3; 6; 7 и др.], которая осуществляется путем трансляции одним индивидом другому неких не освоенных им образцов активности. Одним из примеров этого вида влияния является, в частности, трансляция творческих и креативных вариантов решения задачи. Происходит это, как правило, в том случае, когда у объекта подобного влияния актуализируется образ того, кто, возможно, и не догадываясь об этом, оставил в сознании объекта влияния личностный «след» и осуществил своего рода личностный «вклад». Что касается функционально-ролевого влияния, то это вид влияния, характер, интенсивность и направленность которого определяются не личностными особенностями партнеров по взаимодействию, а преимущественно их ролевыми позициями. В отличие от индивидуально-специфического влияния, влияние функционально-ролевое осуществляется благодаря трансляции образцов активности, регламентированных ролевой расстановкой сил, и демонстрации определенного набора способов действия, не

выходящих за пределы ролевых предписаний. Так, авторитарные руководители, как правило, видят свою задачу в оказании на подчиненных, в первую очередь, именно функционально-ролевого влияния, а потому в процессе взаимодействия и общения они, главным образом, ориентируются на соответствие своих и чужих действий и поступков нормативно определенному своду правил. Наиболее ярко выраженной формой функционально-ролевого влияния является авторитет власти, если он не подкреплен подлинно личностным авторитетом ее носителя. Такое абсолютно деперсонализированное функционально-ролевое влияние является обстоятельством, существенно затрудняющим осуществление конкретным исполнителем роли индивидуально-специфического влияния на объект воздействия. В то же время сам факт наличия функционально-ролевого влияния не исключает возможностей субъекта оказывать на других людей индивидуально-специфическое влияние. Во многих случаях функционально-ролевое влияние может выступать в качестве фундамента, облегчающего достижение индивидом идеальной личностной представленности в сознании окружающих.

Проблема влияния на протяжении многих лет остается одной из центральных в социальной психологии. Ей посвящены многочисленные исследования, в том числе, ставшие классическими эксперименты М. Шерифа, С. Аша, С. Милграма и многих других. На основе анализа этого массива данных и результатов собственных исследований Р. Чалдини пришел к выводу, что все механизмы социального влияния можно сгруппировать в шесть категорий, каждая из кото-

рых «соответствует одному из фундаментальных психологических принципов, которые лежат в основе человеческого поведения» [8, с. 13]. К этим принципам Р. Чалдини отнес взаимный обмен, обязательство и последовательность, социальное доказательство, благорасположение, авторитет и дефицит.

Принцип взаимного обмена выражается широко известной расхожей формулой «ты — мне, я — тебе» и базируется на склонности большинства людей отвечать любезностью на любезность, а оказанную услугу «оплачивать» встречной услугой. Действие данного механизма наглядно проявилось в эксперименте, проведенном Д. Риганом в 1971 году: «Субъект, который участвовал в исследовании, должен был оценить качество ряда картин. Другой оценивающий — мы можем назвать его Джо — только представлялся таким же субъектом, будучи на самом деле ассистентом доктора Ригана. Эксперимент проводился в двух модификациях. В одном случае Джо оказывал маленькую непрошеную любезность истинному испытуемому. Во время короткого перерыва Джо покидал комнату на пару минут и возвращался с двумя бутылками «Кока-колы», одной для испытуемого, другой для себя, говоря: «Я спросил у доктора, можно ли мне взять для себя «Колу», и он разрешил, так что я купил еще одну для Вас». В другом случае Джо не оказывал испытуемому любезности; он просто возвращался после двухминутного перерыва с пустыми руками. Во всех остальных отношениях Джо вел себя одинаково.

Позднее, когда все картины оказывались оцененными и доктор Риган покидал комнату, Джо просил испытуемого оказать любезность ему. Он признавал-

ся, что продает лотерейные билеты и что если он распространит большую часть билетов, выиграет приз в пятьдесят долларов. Джо просил испытуемого купить несколько лотерейных билетов по цене двадцать пять центов за штуку: «Пожалуйста, купите любое количество, чем больше, тем лучше». ... Без всякого сомнения, Джо с большим успехом продавал лотерейные билеты тем участникам эксперимента, которые воспользовались ранее его любезностью. Явно ощущая, что они чем-то обязаны Джо, эти люди покупали в два раза больше билетов, чем те, кому Джо не оказывал любезности» [8, с. 36–37].

Многие исследователи рассматривают склонность возмещать даже непрошеную услугу ответной любезностью как универсальное и жизненно важное человеческое качество, сформировавшееся в процессе исторического развития. В частности, Л. Тайгер и Р. Фокс рассматривают эту «сеть признательности» как уникальный приспособительный механизм человеческих существ, делающий возможным разделение труда, обмен различными видами товаров и услуг и формирование системы взаимосвязей, которые объединяют индивидов в чрезвычайно эффективно действующие организационные единицы» [8, с. 35]. При всей справедливости данного замечания совершенно очевидно, что принцип взаимного обмена может использоваться и для манипулятивного воздействия с корыстными целями. Следует также иметь в виду, что взаимный обмен может иметь характер как прямого, так и косвенного влияния. Во втором случае индивид чувствует потребность ответить на услугу или любезность, оказанную не ему лично, а кому-то из друзей, близких и т. п.

Принцип обязательства и последовательности исходит из того, что, во-первых, большинство людей в гораздо большей степени склонны добросовестно выполнять принятые на себя обязательства, чем это может показаться на первый взгляд. И, во-вторых, сказав «А», люди склонны сказать и «Б». Иными словами, приняв то или иное решение, люди чаще всего последовательно реализуют его даже в случаях, когда это сопряжено с риском и угрозой собственным интересам. В 1975 году Т. Мориарти поставил эксперимент, в рамках которого его ассистенты «инсценировали кражи на нью-йоркском городском пляже, чтобы посмотреть, пойдут ли посторонние наблюдатели на риск навлечь на себя неприятности, чтобы не дать совершиться преступлению. Участник эксперимента располагал свой пляжный коврик недалеко от коврика какого-либо отдыхающего, доставал портативный радиоприемник, а затем отправлялся погулять по пляжу. Вскоре после этого другой участник эксперимента, изображая вора, подходил к радиоприемнику, хватал его и пытался с ним удрать. ... В большинстве случаев люди очень неохотно вмешивались — в двадцати случаях инсценировки кражи только четыре человека сделали это. Однако при некотором изменении условий проведения опыта результаты радикально изменились. Теперь перед тем как отправиться на прогулку, участник эксперимента просил соседа «присмотреть за вещами», на что согласен любой. Стремясь быть последовательными, в девятнадцати из двадцати случаев люди кидались за воров, останавливали его, требуя объяснения, или выхватывали у него радиоприемник» [8, с. 67–68].

Столь радикальное изменение поведения испытуемых в результате приня-

тия совершенно формальных и в общем-то навязанных обязательств естественно не было случайным. Многие авторитетные специалисты, такие как С. Аш, Ф. Хайдер, Л. Фестингер и др., рассматривали стремление к последовательности как одну из ведущих детерминант человеческого поведения. Это объясняется, в частности, тем, что последовательность и верность принятым обязательствам, как правило, высоко ценятся в обществе. Как отмечает Р. Чалдини, эти качества в восприятии большинства людей ассоциируются «с интеллектуальностью, силой, логикой, рациональностью, стабильностью и честностью». В то же время «человека, чьи слова и дела расходятся друг с другом, обычно признают пребывающим в замешательстве, двуличным или даже умственно больным» [8, с. 68]. Как и принцип взаимного обмена, принцип последовательности может использоваться в деструктивных и манипулятивных целях, при этом он всегда носит характер прямого влияния.

Принцип социального доказательства подразумевает склонность индивида следовать убеждениям и поведенческим моделям, разделяемым другими людьми. Существенно важно то, что означенные «другие» сами по себе совершенно не обязательно являются авторитетными или референтными фигурами для данного индивида. По сути дела, речь здесь идет о конформности — склонности подчиняться давлению группы. Классический эксперимент по изучению данного явления провел в 1951 году С. Аш. В рамках эксперимента, целью которого было объявлено исследование особенностей восприятия визуальных образов, «членам группы, состоящей из шести человек, показывали отрезок определен-

ной длины, после чего каждый из них должен был сказать, который из трех других отрезков равен по длине эталонному. В группе был только один наивный испытуемый, все остальные были в сговоре с экспериментатором и, следуя его инструкции, в каждой экспериментальной пробе или через определенное количество проб давали неверный ответ. Согласно замыслу, наивному испытуемому всегда приходилось выслушать мнение большинства, прежде чем объявить свой ответ. С. Аш обнаружил, что при такой форме социального давления значительное число испытуемых отказывается доверять собственным безошибочным впечатлениям и соглашается с мнением группы» [5, с. 201].

Следование принципу социального доказательства чаще всего является ненаправленной формой влияния и классическим примером действия механизмов заражения и подражания. Эксплуатация данного принципа в качестве направленной формы влияния наиболее часто используется для манипуляции большими социальными группами в рамках избирательных и рекламных компаний, при создании финансовых «пирамид» и т. п.

Принцип благорасположения гласит, что люди склонны выполнять просьбы и требования тех, кто им нравится. В частности, многочисленные исследования доказали влияние на установки и поведение физической привлекательности. Так, например, в рамках эксперимента, проводившегося в 1978 году Р. Кулкой и Дж. Кесслером, было установлено, что «как женщины, так и мужчины из числа присяжных демонстрировали свои предпочтения, обусловленные физической привлекательностью подсудимых. Дру-

гие эксперименты показали, что красивые люди чаще получают помощь, когда в ней нуждаются; в споре им без особых усилий удается склонить оппонентов на свою сторону. ... Любопытные данные были получены в ходе исследования, проведенного психологами в начальной школе. Оказывается, взрослые придают меньшее значение агрессивным действиям, если они совершаются красивыми детьми, а учителя считают, что привлекательные дети умнее, чем их менее симпатичные сверстники» [8, с. 161–162].

Не менее важными, чем физическая привлекательность, для возникновения благорасположения являются факторы сходства, лести и взаимодействия. Принцип благорасположения является едва ли не самым распространенным видом направленного влияния в арсенале политиков, шоуменов, мошенников. Он часто носит характер косвенного влияния, поскольку многим людям нравится то, что нравится референтным фигурам в их социальном окружении.

Понятно, что в логике принципа авторитета речь идет, прежде всего, о том, что одним из наиболее мощных факторов влияния является авторитетность его субъекта. Здесь следует напомнить, что в своем наиболее общепринятом варианте определение авторитета звучит следующим образом: «авторитет — 1) влияние индивида, основанное на занимаемом им положении, должности, статусе и т. д.; 2) внутреннее признание окружающими за индивидом права на принятие ответственного решения в условиях значимой совместной деятельности» [4, с. 27]. В контексте проблемы влияния следует лишь отметить, что принцип авторитета наиболее наглядно иллюстрирует разницу между индивидуально-специфичес-

ким и функционально-ролевым влиянием. По сути дела, первое является проявлением «власти авторитета», а второе — «авторитета власти».

Наконец, согласно принципу дефицита, «ценность чего-либо позитивного в наших глазах существенно увеличивается, если оно становится недоступным» [8, с. 217]. Действие данного принципа наиболее ярко проявляется в широко известном феномене «запретного плода», который, как известно, наиболее сладок. Так, например, в ходе одного исследования «студентам ... показали несколько рекламных объявлений, в которых речь шла о достоинствах одного романа. В половине случаев исследователи включили в текст объявлений такую строку: «книга предназначена только для лиц старше 21 года». Когда исследователи позднее попросили студентов рассказать о своей реакции на показанные рекламные объявления, они выяснили, что реакции молодых людей на запрет были типичными. Студенты, которые узнавали о возрастном ограничении, испытывали более сильное желание прочитать данную книгу и были больше уверены, что эта книга им понравится (по сравнению со студентами, которые не знали,

что доступ к рекламируемой книге ограничен)» [8, с. 228]. Данный принцип влияния широко используется в рекламных компаниях, при ведении переговоров, особенно на так называемой стадии «жесткого торга» и т. п.

Если говорить о практико-прикладной специфике рассматриваемой проблематики, нельзя не отметить, что любой практический социальный психолог, непосредственно работающий с реально функционирующими контактными сообществами, должен в силу своих профессиональных обязанностей, с одной стороны, отслеживать, контролировать и корректировать стихийно возникающие в рамках внутригруппового и межгруппового взаимодействия «каналы» трансляции личностного и ролевого влияния, а с другой стороны, психологически грамотно и технологически выверенно организовывать целенаправленное воздействие как на отдельных членов сообщества, так и на него в целом, добиваясь такого результирующего влияния, которое бы максимально и по направленности, и по интенсивности отвечало коррекционно-поддерживающему психологическому сопровождению конкретной группы или организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимбардо Ф., Ляйтне М. Социальное влияние. СПб., 2001.
2. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2.
3. Кондратьев М.Ю. Слагаемые авторитета. М., 1988.
4. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
5. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.
6. Петровский А.В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. 1991. № 1.
7. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.
8. Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 2001.

Impact and Influence as Social Psychological Coordinates of Interpersonal Interactions: A Conceptual Aspect

M.YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

V.A. ILYIN

Doctor in Psychology, professor, professor at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper outlines a system of scientific views on the social psychological nature and content of such key components of interpersonal interaction as impact and influence. It analyzes various approaches to the understanding these social psychological phenomena that exist in Russian (theory of activity mediation of interpersonal relations in groups; concept of personalization) and foreign psychology. The paper argues that it is simply impossible to interpret any empirical evidence concerning interpersonal interactions in the real functioning contact society without taking into account the characteristics of impact and influence.

Keywords: *impact, influence, direct and indirect impact, persuasion, direct and indirect influence, specific (related to personality traits) and functional (related to roles) types of influence, principles of reciprocity, commitment and consistence, social proof, liking, authority and scarcity.*

REFERENCES

1. *Zimbardo F., Lyaipe M. Social'noe vliyanie. SPb., 2001.*
2. *Kondrat'ev M.Yu. "Znachimyi drugoi": slagaemye mezhlichnostnoi znachimosti // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2011. № 2.*
3. *Kondrat'ev M.Yu. Slagaemye avtoriteta. M., 1988.*
4. *Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.*
5. *Milgram S. Eksperiment v social'noi psihologii. SPb., 2000.*
6. *Petrovskii A.V. Trehfaktornaya model' "znachimogo drugogo" // Voprosy psihologii. 1991. № 1.*
7. *Psihologiya razvivayusheysya lichnosti / Pod red. A.V. Petrovskogo. M., 1987.*
8. *Chaldini R. Psihologiya vliyaniya. SPb., 2001*

Исследование взаимосвязи предпочитаемых стратегий совладания и этнонациональных установок

А.Е. ФОМИЧЕВА

*аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования Московского городского
психолого-педагогического университета*

О.Е. ХУХЛАЕВ

*кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования
Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье излагаются и обсуждаются результаты эмпирического исследования проблем взаимосвязи этнонациональных установок и предпочитаемых стратегий совладания. Показано, что согласие с установками на меньшую значимость «национального» связано с предпочтением таких стратегий совладания, как планирование решения проблемы, самоконтроль и принятие ответственности; согласие с установками на позитивное отношение к своей национальности связано с поиском социальной поддержки. Подтверждено, что во взаимосвязи этнонациональных установок с предпочитаемыми стратегиями совладания присутствуют ярко выраженные возрастные и половые особенности.

Ключевые слова: *стратегии совладания, этнонациональные установки, националистические установки, патриотические установки, поиск социальной поддержки.*

Постановка проблемы

Современная социальная ситуация требует от человека быстрого и эффективного приспособления к изменениям и совладания с возникающими трудными ситуациями. Высокая социальная мобильность больших групп людей, сетевые принципы коммуникации и социальной организации, возрастающее количество межкультурных перемещений объективно ведут к возникновению многих проблем, с которыми люди раньше не сталкивались в своей жизни [6]. Одна из них

проявляется в активизации межкультурных контактов и сопутствующем росте социальной конфликтности на этой почве. В свою очередь, межкультурное взаимодействие связано с отношением к «национальности» в целом, которое в отечественной психологии обозначается как «этнонациональные установки» [17]. Поэтому исследование взаимосвязи между предпочитаемыми стратегиями совладания и этнонациональными установками представляется актуальным. Особенно значимым в рамках изучения этой проблемы является выявление природы националистичес-

ких установок и националистического поведения людей в современном мире при помощи исследования такого фактора, как стратегии совладания.

Проблема совладания — одна из наиболее активно развивающихся областей в современной психологии. Важным аспектом изучения психологии совладания является выделение стратегий и способов разрешения трудных ситуаций и причин, которые влияют на их выбор. В этом контексте выделяется несколько основных подходов, которые детально описаны в соответствующей отечественной и зарубежной литературе [3; 6; 8; 10; 20; 21 и др.]. В отечественной психологии проблема совладания неразрывно связана с представлением о личностной активности и саморегуляции, что находит свое отражение в субъектно-деятельностном подходе [1; 4, 8; 12; 13 и др.]. Согласно данному подходу, способность к совладанию, которая применяется сознательно и целенаправленно, может рассматриваться как одна из важнейших характеристик субъекта [8]. При этом Т.Л. Крюкова понимает копинг не только и не столько как результат взаимодействия внутренних качеств личности и особенностей жизненной ситуации, с которой необходимо справляться, но как «зеркало субъектной активности» [8, с. 53]. Другими словами, становление индивидуального стиля совладания включает помимо приспособительной активности преобразующую активность, которая изменяет ситуацию и личность как субъекта этой активности.

Если обратить внимание на факторы совладания, то одним из самых значимых будет социально-психологический, раскрывающий роль группы в данном процессе. Этот фактор включает особен-

ности и влияние культуры, гендерных различий, качества межличностных отношений и взаимодействия на возникновение и преодоление трудностей. Рассмотрим подробнее, как совладание связано с возрастом и полом.

Существует множество данных о связи совладания с возрастом, однако они во многом неоднозначны. Тем не менее, можно выделить определенные закономерности [5; 7; 8; 19]. Большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что подростковый возраст играет ключевую роль в становлении механизмов совладания: подростки пробуют различные способы решения сложных ситуаций и выбирают наиболее подходящие и эффективные из них [5; 7; 8]. Далее в процессе взросления резких изменений стиля совладания, согласно существующим данным, уже не происходит. Молодые люди (до 20 лет) чаще выбирают стратегии конфронтативного копинга, дистанцирования, избегания, а более старшие используют преимущественно самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности и планирование решения проблемы [8, с. 144].

Многие исследователи также отмечают, что стратегии совладания различаются у мужчин и женщин [5; 7; 8; 19]. Важно отметить, что для мужчин более значимы самоэффективность и включенность в социальные взаимосвязи, в то время как для женщин — отношение эмоциональной привязанности к близким людям [8, с. 125—126]. Выявлены различия: женщины чаще мужчин выбирают социально-ориентированные стратегии, такие как поиск социальной поддержки, а также положительную переоценку. При этом они чаще используют одновременно проблемно-ориентиро-

ванный и эмоционально-ориентированный копинг, в то же время типично мужской способ реагирования при столкновении с трудностями — активные действия или избегание.

Перейдем к описанию понятия «этнонациональные установки». Под данным видом социальных установок понимается предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности), или оценочное отношение к феномену национальности [15]. Этнонациональные установки включают убеждения, взгляды, мнения людей относительно истории и современной жизни их этнической общности и взаимосвязей с другими народами и их представителями. Они являются генерализованными установками, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений. Выделяют «националистические установки» — неприязненное отношение к представителям иных национальностей; «патриотические установки» — ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности»; «нейтральные этнонациональные установки» — нейтральное, индифферентное отношение к факту своей национальной принадлежности и установки на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью; «негативистские этнонациональные установки» — отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности в целом [16].

Ранее проведенное исследование взаимосвязи стратегий совладания и этнонациональных установок [14] в подростковом и юношеском возрастах показало, что склонность к конфронтативному копингу является прямым и самым значимым предиктором националистических установок, он также влияет на снижение согласия с

негативистскими этнонациональными установками. Стратегии «бегства-избегания» и «планирования решения проблемы» являются прямыми предикторами негативистских этнонациональных установок. Они же снижают согласие с нейтральными этнонациональными установками. Кроме того, исследование показало, что националистические установки чаще встречаются у юношей, чем у девушек.

Программа эмпирического исследования

Согласно гипотезе исследования, существует взаимосвязь между предпочитаемыми стратегиями совладания и этнонациональными установками. Было выдвинуто предположение, что согласие с установками на меньшую значимость «национального» связано с предпочтением стратегии планирования решения проблемы, а согласие с установками на позитивное отношение к своей национальности связано со стратегией поиска социальной поддержки. Дополнительной гипотезой стало предположение, что взаимосвязь между этнонациональными установками и предпочитаемыми стратегиями совладания имеет возрастную и половую специфику.

Были использованы три методики: для исследования стратегий и стилей совладающего поведения — «Опросник способов совладания» [9] и шкала «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [8], для выявления особенностей этнонациональных установок — методика «Шкала этнонациональных установок» [15]. Для выявления взаимосвязи предпочитаемых стратегий совладания и этнонациональных установок использовался множественный регрессионный анализ (пошаговый метод).

Для установления достоверности различий по определенным параметрам между разными группами испытуемых использовались *H*-критерий Краскела-Уоллеса и *U*-критерий Манна-Уитни.

В проведенном исследовании приняли участие 608 человек в возрасте от 16 до 90 лет, жители Москвы и Московской области. Выборка уравнивалась по полу и включила в себя 304 мужчины и 304 женщины. Был проведен сравнительный анализ по показателям, выявленным с помощью данных методик, между мужчинами и женщинами и в различных возрастных группах. Границы возрастных групп были определены нами исходя из периодизации, предложенной О.В. Хухлаевой [18] и включающей в себя возрастные периоды от 16 до 18 лет (ранняя юность), от 19 до 25 лет (поздняя юность), от 26 до 39 лет (ранняя зрелость), от 40 до 59 лет (поздняя зрелость), от 60 лет (старость). В каждой возрастной группе выборка также уравнивалась по полу. Национальность респондентов: 87 % выборки составляют русские, 2,5 % армяне, по 1,5 % евреи, татары и украинцы, число представителей других национальностей составляет менее одного процента. В процентном соотношении по национальному составу выборка примерно соответствует данным переписи населения 2010 года.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Сначала были изучены половые и возрастные особенности этнонациональных установок и предпочитаемых стратегий совладания. В целом по выборке выявлены значимые различия между мужчинами и женщинами по националистическим, па-

триотическим и негативистским этнонациональным установкам. У мужчин более выражены националистические, негативистские установки, для женщин же более характерны патриотические этнонациональные установки. Другими словами, оказалось, что мужчинам более свойственно соглашаться с негативным мнением о других национальностях либо не придавать значения ни собственной национальной принадлежности, ни национальности других людей. Мужчины чаще женщин высказывают полярные мнения и демонстрируют либо полное безразличие, либо чрезмерную заинтересованность вопросами, связанными с национальностью. Для женщин же более характерно выражать гордость за свой народ, четко ощущать принадлежность к нему. В структуре профиля во всех возрастных группах наименее выражены националистические этнонациональные установки.

В целом националистические установки у респондентов в исследуемой выборке не являются широко распространенными, но и встречаются не редко. В раннем юношеском возрасте большинство демонстрирует либо нейтральное отношение к людям других национальностей, либо негативное отношение к самому феномену национальности. Начиная с позднего юношеского возраста, ранней зрелости и в период поздней зрелости наиболее часто опрошенные соглашались с установками, связанными с гордостью за свою страну, чувством принадлежности к ней. В старшем возрасте наиболее выраженными оказались нейтральные установки.

Изучение возрастной специфики стратегий совладания показало, что респонденты старшего возраста и периода зрелости реже выбирают конфронтативный копинг, чем респонденты юно-

шеского возраста. Наибольшей величины данный показатель достигает в период поздней юности. Взрослые люди чаще используют тщательно обдуманные и контролируемые действия по разрешению трудных ситуаций: они выбирают самоконтроль, принятие ответственности и планирование решения проблемы, то есть конструктивные и субъектные, по сути, стратегии. Использование стратегии бегства-избегания чаще встречается в группе респондентов младшего юношеского возраста, чем в других возрастах: поскольку это одна из наименее эффективных стратегий, становясь взрослее, люди все реже используют ее, осознавая, что данный способ не поможет им надолго избавиться от трудностей.

Стратегию планирования решения проблемы реже других используют респонденты в период ранней юности и в старшем возрасте. Это можно объяснить тем, что механизмы совладания формируются в раннем юношеском возрасте, и по сравнению с совладанием у людей более взрослых они еще недостаточно зре-

лые [2; 7; 8]. Относительно группы старшего возраста можно предположить, что в ней стратегия планирования решения проблемы используется реже в связи с тем, что она требует затраты большого количества сил. Это можно связать также со спецификой проблем данного возраста, которые не всегда можно разрешить при помощи конкретных действий, а возможно только изменить собственное отношение и понимание происходящего, то есть усилия совладания должны быть направлены не на изменение ситуации, а на пересмотр отношения к ней.

Как и в более ранних исследованиях [5; 7; 8], наши результаты подтверждают, что женщины значимо чаще, чем мужчины, прибегают к стратегиям поиска социальной поддержки, положительной переоценки, принятия ответственности и бегства-избегания.

Далее мы рассмотрели взаимосвязь между этнонациональными установками и предпочитаемыми стратегиями совладания. Результаты, полученные по выборке в целом, приведены в таблице.

Таблица

Взаимосвязь предпочитаемых стратегий совладания с этнонациональными установками в целом по выборке (Beta-коэффициент – мера влияния независимой переменной, метод Stepwise)

Стратегии совладания	Этнонациональные установки			
	Националистические	Патриотические	Нейтральные	Негативистские
Конфронтативный копинг	0,251**		-0,112**	
Поиск социальной поддержки	0,111**	0,266**	-0,241**	-0,235**
Планирование решения проблемы	-0,095*	0,101**	0,149**	0,272**
Самоконтроль	-0,226**			
Дистанцирование	0,088*		0,104**	0,078*
Положительная переоценка		0,195**		-0,108*
Принятие ответственности	-0,217**	-0,216**	0,185**	0,089*
Бегство-избегание	0,113**			
R ²	0,219	0,144	0,122	0,138

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

По результатам регрессионного анализа в целом по выборке можно отметить, что националистические этнонациональные установки положительно связаны, прежде всего, с конфронтативным копингом. Данная взаимосвязь показывает, что нетерпимость по отношению к представителям других национальностей обусловлена стремлением радикально решать проблемные ситуации, склонностью к активным действиям без тщательного их обдумывания и контроля.

Помимо этого установки на значимость «национального» отрицательно связаны со стратегией принятия ответственности (признанием своей роли в возникновении проблемы). В то же время принятие ответственности положительно связано с низкой значимостью или отрицательным отношением к вопросам, связанным с национальностью. По мнению Е.В. Алексеевой [2], ответственность — важнейшее внутреннее условие организации жизнедеятельности человека, регулятор его жизненных выборов. Поэтому ответственность дает возможность выстраивать различные стратегии, пробовать разные способы достижения цели. Можно предположить, что принятие на себя ответственности — это некая переходная стадия, в результате прохождения которой совладание идет по одному или по другому сценарию: либо оно развивается конструктивно и служит развитию, либо человек снимает с себя личную ответственность и уходит от проблем, отрицает их, проявляет агрессию [2]. В связи с этим существование неприязни по отношению к каким-либо национальностям можно объяснить неумением конструктивно и самостоятельно совладать с трудностями, нежеланием осознавать внутренние причи-

ны, которые привели к возникновению проблемы. Результатом неспособности к совладанию может оказаться агрессия, направленная на другие этнические или национальные группы.

Следующая закономерность — установки на позитивное отношение к своей национальности положительно связаны со стратегией поиска социальной поддержки. Ощущение принадлежности и родства с представителями своего народа присуще людям, которые часто опираются на информационную, эмоциональную или действенную поддержку окружения. Это может быть связано с высокой аффилятивной потребностью таких людей, для которых просто нахождение в обществе «своих» является поддержкой при столкновении с жизненными трудностями. И, напротив, согласие с установками на меньшую значимость «национального» связано с отсутствием стремления получить поддержку окружающих в трудной ситуации. В то же время установки, подчеркивающие низкую значимость национальности, положительно связаны со стратегиями планирования решения проблемы и принятия ответственности. Иначе говоря, люди, которые привыкли самостоятельно справляться с трудностями и нести ответственность за последствия своих действий, в основном не склонны апеллировать к категории «национальность» в своей повседневной жизни.

Дополнительно исследовались взаимосвязи стилей совладания с этнонациональными установками. Полученные результаты подтверждают уже изложенные: националистические установки, негативное отношение к представителям других национальностей связаны с эмо-

ционально-ориентированным стилем совладания, а негативистские этнонациональные установки — с проблемно-ориентированным. Помимо этого обнаружена взаимосвязь между патриотическими установками и стратегией избегания, которая прослеживается, прежде всего, у женщин.

Различия в изучаемых взаимосвязях между мужчинами и женщинами наблюдаются по параметру националистических установок — у мужчин они связаны наиболее сильно с конфронтацией, а у женщин — с отказом от принятия ответственности и избеганием. Другими словами, мужчины, разделяющие негативное отношение к представителям других национальностей, склонны в трудных ситуациях к агрессивным и рискованным действиям. Подобные установки у женщин свидетельствуют о стремлении избежать проблемы, не признавая вины за ее возникновение. Иначе говоря, для мужчин национализм связан, прежде всего, с агрессивностью, стремлением радикально разрешать конфликтные ситуации, в то время как для женщин это попытка ухода от проблем и отстранения от них. Между мужчинами и женщинами есть и общая черта — взаимосвязь неприязненного отношения к представителям других национальностей с низким уровнем усилий по регулированию своих чувств и действий.

По параметру патриотических установок у мужчин прослеживается взаимосвязь с положительной переоценкой, а у женщин — с поиском социальной поддержки и принятием ответственности. Таким образом, у мужчин ощущение гордости за свою национальную принадлежность связано в большей степени с созданием позитивного смысла в

трудных ситуациях, с самоизменением, а для женщин — это скорее поиск дополнительных внешних ресурсов для совладания.

Исходя из этого можно заключить, что даже когда мужчины и женщины соглашаются с одними и теми же установками, для них это имеет разный психологический смысл. Это говорит о том, что механизмы формирования установок на национализм и патриотизм среди мужчин и женщин принципиально различны.

Перейдем к сравнению взаимосвязей изучаемых феноменов в разных возрастных группах. Общим является то, что негативное отношение к представителям других национальностей отрицательно связано со стратегиями самоконтроля и принятия ответственности у представителей трех возрастов: поздней юности, ранней и поздней зрелости. Также можно отметить положительную связь проблемно-ориентированного копинга с установками на низкую значимость национальности в этих возрастных группах.

Представляется важным, что результаты, полученные среди респондентов раннего юношеского возраста, существенно отличаются от результатов других возрастных групп. Так, националистические установки в период ранней юности связаны, прежде всего, с поиском социальной поддержки, а в других возрастах — с конфронтативным копингом, что свидетельствует о том, что в этот сравнительно непродолжительный период времени в жизни человека происходят существенные изменения как в отношении к «национальному», так и в способах, при помощи которых молодые люди справляются с трудными ситуациями.

Результаты группы респондентов старшего возраста также имеют свои отличительные особенности. Во-первых, эти респонденты демонстрируют согласие с меньшим количеством способов совладания, чем респонденты других возрастов. Во-вторых, на первый план у них выходит стратегия положительной переоценки, которая напрямую связана с установками на высокую значимость национальности и в обратную сторону — с установками на ее низкую значимость. Таким образом, для людей старшего возраста ощущение важности на-

циональности связано, прежде всего, с поиском положительных сторон в трудных ситуациях, с философским взглядом на жизнь; отрицание значимости категории «национальность» для них, напротив, не связано с переоценкой событий.

Итак, проведенное исследование проясняет характер взаимосвязи между предпочитаемыми стратегиями совладания и этнонациональными установками, а также подтверждает существование значимых возрастных и половых особенностей данной взаимосвязи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения / Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М., 2000.
2. *Алексеева Е.В.* Проявление ответственности подростков в совладании с жизненными проблемами: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2002.
3. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
4. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода / Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М., 2000.
5. *Балабанова Е.С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования. 2002. № 11.
6. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования: электрон. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru>
7. *Исаева Е.Р.* Копинг-поведение: анализ возрастных и гендерных различий на примере российской популяции // Вестник ТГПУ. 2009. № 11 (89).
8. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Дисс. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2005.
9. *Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В.* Опросник способов совладания (Адаптация методики WCO) // Психологическая диагностика. 2005. № 3.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5.
11. *Петровский В.А.* Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество. 2011. № 1.
12. *Сергиенко Е.А.* Становление субъекта: неоконченная дискуссия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2.

13. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М., 2010.
14. *Хухлаев О.Е.* Националистические аттитуды современной российской молодежи: опыт эмпирического исследования // Пятый всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, факторы». Доклады. М., 2009.
15. *Хухлаев О.Е.* Этнонациональные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1.
16. *Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р.* Этнонациональные установки и ценности современной молодежи // Культурно-историческая психология. 2011. № 4.
17. *Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М.* Национализм как социально-психологический феномен: к постановке вопроса // Акмеология. 2008. № 3, 4.
18. *Хухлаева О.В.* Психология развития: молодость, зрелость, старость: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002.
19. *Якунин И.А.* Возрастная специфика совладающего поведения // Вестник РГГУ. 2010. № 17.
20. *Folkman S., Moskowitz J.T.* Coping: Pitfalls and Promise // Annual Review of Psychology. 2004. № 55.
21. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, Appraisal, and Coping. N.Y., 1984.

Research on the Relationship between Preferred Coping Strategies and Ethno-National Attitudes

A.YE. FOMICHEVA

PhD student, Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

O.YE. KHUKHLAEV

PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The article examines the problem of the relationship between ethno-national attitudes and preferred coping strategies. The study involved 608 subjects aged 16 to 90 years. The study found that one's agreement with the attitudes towards a lower significance of the 'national' is related with the preference of such coping strategies as plan of problem solving, self-control, and acceptance of responsibility, whereas one's agreement with positive attitudes towards his/her ethnic group is associated with the search for social support. The study also confirmed that there are significant age and gender features in the relationship between preferred coping strategies and ethno-national attitudes.

Keywords: coping strategies, ethno-national attitudes, nationalistic attitudes, patriotic attitudes, search for social support.

REFERENCES

1. *Abul'hanova K.A.* Rubinshteinovskaya kategoriya sub'ekta i ee razlichnye metodologicheskie znacheniya / Problema sub'ekta v psihologicheskoi nauke / Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovo, V.N. Druzhinina. M., 2000.
2. *Alekseeva E.V.* Proyavlenie otvetstvennosti podrostkov v sovladanii s zhiznennymi problemami: Diss. ... kand. psihol. nauk. SPb., 2002.
3. *Anciferova L.I.* Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie zhiznennykh situacii i psihologicheskaya zashita // Psihologicheskii zhurnal. 1994. T. 15. № 1.
4. *Anciferova L.I.* Psihologicheskoe sodержanie fenomena sub'ekt i granicy sub'ektno-deyatel'nostnogo podhoda / Problema sub'ekta v psihologicheskoi nauke / Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovo, V.N. Druzhinina. M., 2000.
5. *Balabanova E.S.* Gendernye razlichiya strategii sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami // Sociologicheskije issledovaniya. 2002. № 11.
6. *Belinskaya E.P.* Sovladanie kak social'no-psihologicheskaya problema // Psihologicheskije issledovaniya: elektron. zhurn. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru>
7. *Isaeva E.R.* Koping-povedenie: analiz vozzrastnykh i gendernykh razlichii na primere rossijskoi populyacii // Vestnik TGPU. 2009. № 11 (89).

8. *Kryukova T.L.* Psihologiya sovladayushogo povedeniya v raznye periody zhizni: Diss. ... d-ra psihol. nauk. Kostroma, 2005.
9. *Kryukova T.L., Kuftyak E.V.* Oprosnik sposobov sovladaniya (Adaptatsiya metodiki WCQ) // Psihologicheskaya diagnostika. 2005. № 3.
10. *Nartova-Bochaver S.K.* "Coping behaviour" v sisteme ponyatii psihologii lichnosti // Psihologicheskii zhurnal. 1997. T. 18. № 5.
11. *Petrovskii V.A.* Deyatel'nostnoe oposredstvovanie mezhlichnostnyh otnoshenii: fenomeny, sushnost' // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2011. № 1.
12. *Sergienko E.A.* Stanovlenie sub'ekta: neokonchennaya diskussiya // Psihologicheskii zhurnal. 2003. T. 24. № 2.
13. *Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva Yu.V.* Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyatsiya. M., 2010.
14. *Huhlaev O.E.* Nacionalisticheskie attityudy sovremennoi rossiiskoi molodezhi: opyt empiricheskogo issledovaniya // Pyatyi Vserossiiskii kongress politologov "Izmeneniya v politike i politika izmenenii: strategii, instituty, faktory". Doklady. M., 2009.
15. *Huhlaev O.E.* Etnonacional'nye ustanovki sovremennoi rossiiskoi molodezhi // Voprosy psihologii. 2011. № 1.
16. *Huhlaev O.E., Buchek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K., Tudupova T.C., Hakimov E.R.* Etnonacional'nye ustanovki i cennosti sovremennoi molodezhi // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2011. № 4.
17. *Huhlaev O.E., Kuznecov I.M.* Nacionalizm kak social'no-psihologicheskii fenomen: k postanovke voprosa // Akmeologiya. 2008. № 3, 4.
18. *Huhlaeva O.V.* Psihologiya razvitiya: molodost', zrelost', starost': Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenii. M., 2002.
19. *Yakunin I.A.* Vozrastnaya specifika sovladayushogo povedeniya // Vestnik RGGU. 2010. № 17.
20. *Folkman S., Moskowitz J.T.* Coping: Pitfalls and Promise // Annual Review of Psychology. 2004. № 55.
21. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, Appraisal, and Coping. N.Y., 1984.

О психологической готовности к материнству девушек-сирот

М.А. ЕГОРОВА

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии,
декан факультета психологии образования Московского городского
психолого-педагогического университета*

С.И. МИРОНОВА

*аспирант кафедры педагогической психологии Московского городского
психолого-педагогического университета, медицинский психолог
Магаданского областного наркологического диспансера*

Статья посвящена исследованию материнской сферы девушек, имеющих опыт институционального воспитания. Целью исследования было определение специфики психологической готовности к материнству девушек-сирот. Результаты исследования раскрывают особенности отношения девушек-сирот к матери и к себе как матери, их ценностную направленность и операциональный опыт в сфере материнства, субъективную готовность стать матерью уже с подросткового возраста. В статье представлены результаты исследования структуры материнской сферы девушек-сирот и девушек из семьи в двух регионах — Магаданской области и Москве.

Ключевые слова: *девиация материнства, девушки-сироты, институциональное воспитание, структура материнской сферы, психологическая готовность к материнству.*

К постановке проблемы

Тема материнства является актуальной для российского общества в условиях демографического кризиса. В качестве одного из проблемных аспектов этой острой социальной темы выступает девиантное поведение матери. Особенности девиантного материнства рассмотрены в целом ряде психологических работ (В.И. Брутман, М.И. Буянов, А.И. Захаров, О.А. Копыл и др.). Исследователи выделили устойчивую группу социального риска в отношении благополучного принятия и выполнения роли матери: девушки-сироты, проживающие в интер-

натных учреждениях, которые в дальнейшем, в самостоятельной жизни нередко воспроизводят социальное сиротство.

Социальное сиротство и особенности влияния институционального воспитания на личностную, когнитивную, эмоционально-волевою, коммуникативную и другие сферы жизнедеятельности ребенка рассмотрены в работах И.В. Дубровиной, М.Ю. Кондратьева, В.С. Мухиной, В.Н. Ослон, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др. В свою очередь, А.Я. Варга, Н.Н. Васягина, С.Ю. Мещерякова, Н.В. Самоукина, Г.Г. Филиппова систематизировали знания о материнстве, его структуре, онтогенезе и содержании, что

позволяет использовать уже наработанные понятийный аппарат и психологические технологии при исследовании нормативного и девиантного материнства.

Можно было бы предположить, что для воспитанниц интернатных учреждений, имеющих личный опыт негативных отношений с матерью и другими родственниками, ценность материнства и ценность воспитания своего ребенка будут особенно значимы. Однако целевое исследование данной гипотезы М.А. Егоровой и С.И. Мироновой, опыт практической психологической работы в детском доме свидетельствуют о небрежном отношении девушек-сирот к своим будущим материнским функциям и будущему ребенку. Девушки имеют ранний опыт беременности и абортов, с легкостью отказываются от ребенка в родильном доме, а если и оставляют его себе, то не проявляют должной заботы о нем, что, как правило, рано или поздно приводит к последующему лишению их родительских прав. Рано начиная половую жизнь, девушки в детском доме нередко становятся молодыми мамами «неожиданно», у них слабо сформирована не только ответственная позиция матери в отношении ребенка, но и даже психологические предпосылки данной позиции [3; 4].

Рассматривая понятие психологической готовности к материнству, можно сказать, что ее развитие начинается с первого контакта с матерью и до рождения своего ребенка (В.И. Брутман, А.С. Батуев, Д.В. Винникот, С.А. Минюрова, И.Ю. Хамитова и др.). В этой связи процесс формирования является индивидуальным и состоит из множества биологических и социальных факторов. Таким образом, готовность к материнству имеет, с одной стороны, мощную биологическую основу, а с другой, выступает как личностное образо-

вание, в котором отражается весь предыдущий опыт взаимоотношений девочки-девушки со своими родителями, сверстниками, в целом с ее социальным окружением.

Общеизвестно преимущественно негативное содержание этого опыта: аддикции родителей, социально-психологическое неблагополучие семьи и жестокое взаимное обращение между ее членами, факты смерти и болезни родственников. Вместе с тем, отлучение ребенка от асоциальной, но родной семьи и направление его в детский дом в подавляющем большинстве случаев не становится выходом из жизненного тупика. В институализированном социуме, как правило, стремительно складывается и проявляется симптомокомплекс социальной и эмоциональной депривации, что в дальнейшем не позволяет выпускнице интерната успешно социализироваться (общая личностная незрелость, агрессивность и защитные позиции, приспособление, а не разрешение конфликтных ситуаций, и т. д.). Таким образом, можно констатировать ключевые факторы девиаций материнства — первичный опыт детско-родительских отношений, формирующий социально-психологическую готовность к материнству у девушки, и особая социальная ситуация развития в условиях ограниченных социальных влияний.

Г.Г. Филиппова, исследуя психологические факторы нарушения материнства, рассмотрела психологическую готовность к материнству как ведущий фактор адаптации не только к материнству, но и к беременности. В качестве составляющих психологической готовности к материнству были выделены личностная готовность (зрелость), модель родительства, мотивационная готовность к материнству, материнская компетентность, а также сформированность материнской сферы девушки (рис. 1).

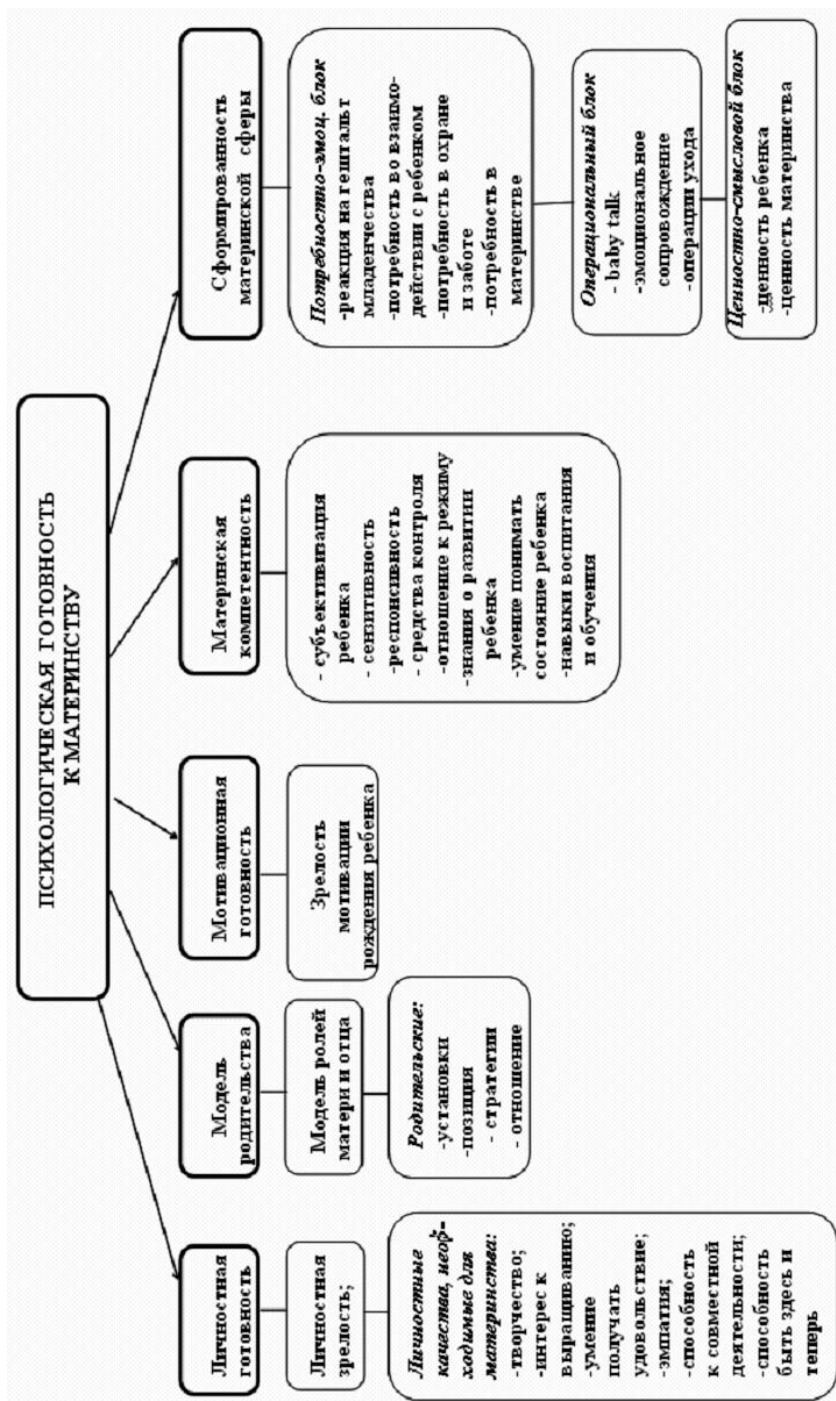

Рис. 1. Структура психологической готовности к материнству, по Г.Г. Филипповой [16, с. 110]

Обратившись к указанным особенностям девушек-сирот по параметрам, представленным в табл. 1, можем явно проследить специфику их содержания в контексте готовности к материнству. Так, общая личностная незрелость, нарушенные модели семейных взаимоотношений и общая низкая сформированность мотивов уже являются риском социально-психологических отклонений материнской сферы девушек-сирот.

Программа эмпирического исследования

Для системного представления о психологической готовности к материнству девушек-сирот было спланировано и проведено исследование. Согласно структуре материнской сферы как сложного личностного образования параметры готовности к материнству были разделены по трем блокам: ценностно-смысловой (самопонимание), эмоционально-потребностный (самоотношение) и операциональный (самореализация) [2; 16]. Первый блок (ценностно-смысловой) раскрывает степень значимости компонентов материнства в структуре ценностей женщины, операциональный блок — совокупность знаний, умений по осуществлению материнской деятельности, а эмоционально-потребностный блок определяет отношение субъекта материнства к основным компонентам и самому процессу материнства.

С целью изучения материнской сферы девушек-сирот была выдвинута гипотеза: психологическая готовность к материнству у девушек-воспитанниц интернатных учреждений характеризуется ка-

чественным своеобразием всех структурных компонентов: эмоционально-потребностного, операционального и ценностно-смыслового.

В экспериментальную группу вошли 135 девушек-воспитанниц интернатных учреждений Магаданской области и Москвы — (70 человек в контрольной группе и 65 — в экспериментальной). В исследовании приняли участие девушки, не имеющие опыт беременности. Контрольная группа состояла из девушек, воспитывающихся в семьях. Группы уравниены по уровню образования (общеобразовательные программы и программы средних профессиональных образовательных учреждений) и возрасту (13—15 лет).

Использованный в исследовании методический инструментарий был нацелен на диагностику структуры и содержания психологической готовности к материнству:

- для исследования *эмоционально-потребностного блока* параметров материнской сферы применены униполярный личностный семантический дифференциал (УЛСД) А.Г. Шмелева, В.И. Похилько, А.Ю. Козловской-Тельновой по стимулам «ребенок», «мать», «я-мать», «отец», «родитель» [13]; самостоятельно разработанная анкета, направленная на выявление качественных представлений о себе как матери [9, с. 94—95]; карточная расстановка родительской и будущей семьи испытуемых [17]; цветовые выборы типа отношения между членами семьи с применением модифицированного ЦТО М. Люшера (определение типа отношений по одному цвету) [14];

- для исследования *операционального блока* использована самостоятельно разработанная анкета, направленная на изу-

чение представления о выполнении материнских функций в жизни и в игровом опыте [9, с. 96–97]; применен метод наблюдения при изучении выполнения испытуемыми операций матери с куклой-младенцем;

- для исследования ценностно-смыслового блока параметров использованы модифицированная методика ценностных ориентаций М. Рокича (модификация заключалась в добавлении в список терминальных ценностей пункта «счастливое материнство») [18], тест жизнестойкости С. Мадди в редакции Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [7], методика рисуночных метафор «Жизненный путь» И.Л. Соломина [15].

Статистический анализ данных осуществлен с помощью описательной статистики, коэффициента корреляции г-Спирмена, семантических универсалий, множественного регрессионного анализа, критерия хи-квадрат Пирсона, критерия F-Фишера, критерия Манна-Уитни с использованием пакетов программ SPSS 19.0.

Результаты эмпирического исследования и их анализ

В результате исследования была определена специфика всех структурных

компонентов материнской сферы девушек-сирот.

Ценностно-смысловой блок: среди ценностей для девушек-сирот наиболее значимы те, которые связаны с сепарацией и личностной свободой (принципом удовольствия). Девушки из семей выделяют преимущественно ценности социализации и эффективного выполнения своего дела, имеют большую жизнестойкость, чем девушки из интернатных учреждений ($p \leq 0,01$). Девушки-сироты, в отличие от девушек из семьи, демонстрируют высокие механизмы защиты и имеют несформированную временную перспективу.

В эмоционально-потребностном блоке материнской сферы образы «мать», «отец» и «родитель» в обеих обследованных группах схожи содержательно, однако девушки из семей имеют более дифференцированные и персонализированные образы, количество универсалий которых в два раза меньше, чем у девушек-сирот. Образ «я-мать» у представителей контрольной группы характеризуется двумя качествами: «добрый» и «знающий» (остальные качества индивидуальны для каждой девушки). В группе девушек-сирот представление о себе как о матери состоит из десяти качеств, входящих в образ «матери» (рис. 2 и 3).

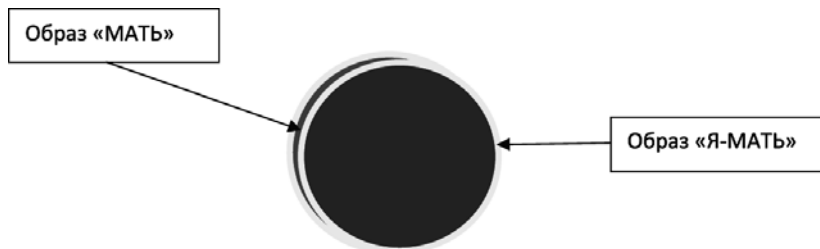

Рис. 2. Сопоставление образов «мать» и «я-мать» девушек-сирот

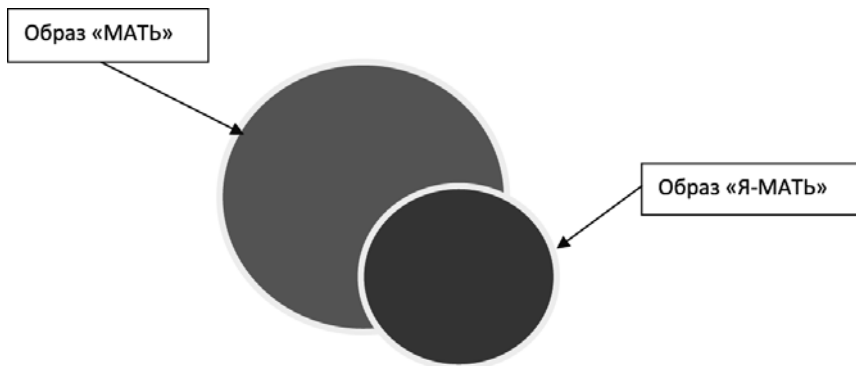

Рис. 3. Сопоставление образов «мать» и «я-мать» девушек из семей

По результатам анкеты № 1 выявлено, что значительно меньше девушек из семей представляют себя матерью ($p \leq 0,01$). Сравнение структур родительской и будущей семьи девушек-сирот и девушек из семей показало значимые различия: в структуре родительской семьи девушки-сироты чаще включают дополнительных членов семьи, расширяют семью ($p \leq 0,01$) и исключают членов семьи или имеют разорванные, эмоционально отстраненные связи ($p \leq 0,05$). В структуре будущей семьи девушки-сироты чаще выстраивают только партнерские (в горизонтали) отношения ($p \leq 0,01$), имеют стертые границы (слиты фигуры) между ролями ($p \leq 0,05$), исключают кого-то из членов семьи ($p \leq 0,01$). Сироты осознанно исключают близких, чаще родителей, которые причинили боль, стали причиной их пребывания в интернате. Пустующую роль исключенного члена девушки перекладывают на дополнительного члена семьи, взятого из расширенного круга (дяди, тети, бабушки или дедушки) или дальнего окружения (крестные, знакомые, друзья, приемные родители и т. д.). Таким образом, про-

исходит компенсация выполнения функций в семье, что приводит к нарушению представлений об истинной структуре родительской семьи.

В представлениях о будущей семье девушки-сироты продемонстрировали важность партнерских и недостаточный учет детско-родительских отношений (отсутствие распределения ответственности), стертые границы личности и очень тесные отношения или, наоборот, разорванные связи. Первое является причиной неувоенных позиций ребенка и родителя в опыте отношений девушек, два последующих нарушения связаны с компенсацией разорванных отношений чаще всего в форме их воспроизведения.

Большинство нарушений представления о структуре родительской семьи, которые были выявлены у девушек-сирот, переносятся ими в представления о своей будущей семье.

В результате сопоставительного анализа регрессионных моделей выявлено, что в группе девушек-сирот из Магаданской области жизнестойкость предсказывается низкой частотой таких представлений о структуре будущей семьи, как «расположение членов

семьи по горизонтали» (отсутствие детско-родительских отношений) и высокой частотой представлений о «включении дополнительных членов в семью» (табл. 1).

В экспериментальной группе Москвы выявлено, что жизнестойкость девушек-сирот в будущей семье предсказывается высокой частотой включения дополнительных членов в семью и тенденцией нарушения поколенных отношений (дети на месте родителей и наоборот) (табл. 2).

Механизм включения дополнительных членов в семью позволяет девушкам-сиротам чувствовать себя увереннее и переложить часть жизненной ответст-

венности на близких. Однако возложение важных функций в семье на дополнительных членов приводит к тому, что личностное развитие девушек-сирот замедлено, а их саморегуляция «натренирована» слабее.

По результатам цветовых выборов двух групп девушек выявлены значимые отличия в представлении об отношениях в родительской (во всех видах отношений) и будущей семье («муж к испытуемой» и «испытуемая к своему ребенку») ($p \leq 0,05$). Экспериментальная группа (девушки-сироты), отразив негативно окрашенные отношения в родительской семье, идеализирует эти отношения в будущем. Контрольная группа (девушки

Таблица 1

Результаты пошаговой регрессии для оценки связи жизнестойкости и представлений о структуре будущей семьи девушек-сирот Магаданской области

Переменная	R	R Square	Adj.R Square	F	sig	Beta	t	sig
Жизнестойкость *Step 6*								
Расположение семьи по горизонтали	0,605	0,366	0,303	5,773	0,010	-0,587	-3,167	0,005
Включение дополнительных членов в семью						0,383	2,066	0,052

Таблица 2

Результаты пошаговой регрессии для оценки связи жизнестойкости и представлений о структуре будущей семьи девушек-сирот Москвы

Переменная	R	R Square	Adj.R Square	F	sig	Beta	t	sig
Жизнестойкость *Step 6*								
Включение дополнительных членов в семью	0,570	0,325	0,229	3,372	0,064	0,537	2,258	0,040
Нарушена постановка поколений в семье						0,487	2,049	0,060

из семьи) как в родительской, так и в будущей семье отразила разнообразие эмоциональных отношений между членами семьи.

Согласно результатам анкетирования (изучение операционального опыта) девушки-сироты значимо больше операций выполняли с маленькими детьми (все, кроме «обучения»). Различия в выполнении операций матери в игровом опыте (ролевые игры в «дочки-матери») девушек-сирот и девушек из семей не найдены, но сам игровой опыт значимо больше у девушек из семей ($p \leq 0,05$). Также есть различия в выборе роли: для девушек из семей это роль ребенка, для девушек-сирот – матери.

По итогам группового занятия, целью которого была фиксация эмоциональных реакций девушек при выполнении операций матери с заместителем ребенка (куклой), экспертами выделены типы эмоций и конкретика их проявлений: девушки-сироты значимо чаще проявляли чувство злости ($p \leq 0,01$), а девушки из семей чаще демонстрировали смущение, стеснение, неловкость, а также чувственность и удовольствие ($p \leq 0,05$) при выполнении операций матери. Девушки-сироты действительно испытывали отрицательные эмоции при воссоздании в игре отношений между ребенком и матерью. Более того, они не могли скрывать негативные переживания, управлять ими. Психологические травмы «из детства» открыто раскрывались в моделируемой ситуации заботы о ребенке.

Таким образом, операциональная осведомленность и опыт вводят в заблуждение саму девушку из интернатного учреждения, давая ей основания считать, что она уже готова к материнству. Это

свидетельствует о её поверхностном понимании отношений матери и ребенка, о деформации процесса становления личностной позиции женщины, готовой посвятить себя «новой жизни». Их личный опыт отвержения родной матерью оказывается психологически неосознанным основанием считать это нормой. Не имея личностной готовности к материнству и ориентируясь на ценность удовольствия, к тому же идеализируя себя и образы матери и материнства в целом, девушки-сироты на этапе самостоятельной жизни попросту не имеют сил воспитывать ребенка и обеспечить ему успешную социализацию.

Основные этапы развития девушки из интерната связаны с нарушениями личностного формирования (сложности идентификации и опыт нарушенной привязанности), отсутствием полных и при этом адекватных моделей родительского поведения. Негативный опыт взаимодействия девушек-сирот с взрослыми не позволяет ориентироваться на эмоционально теплые и глубокие доверительные детско-родительские отношения, что ограничивает их восприятие ребенка как полноценного субъекта межличностных отношений, а себя как ответственной матери. Сверхидеализация образа «матери» и «себя как матери» являются иррациональными, разочаровывают девушку при столкновении с реальными трудностями в материнстве. Опыт отношений со сверстниками искажен у девушек-сирот в связи с институциональным воспитанием и является причиной нарушенного восприятия партнерских отношений (недоверие или, наоборот, некритичная передача ответственности за себя). Кроме того, сложность самореализации в профес-

сии и отсутствие стабильной работы, ранний опыт половых отношений ориентируют девушек-сирот на реализацию себя как матери. Однако сформированной высокой мотивационной готовности к рождению ребенка девушки-сироты, как правило, не имеют. При этом следует признать, что у девушек из интернатных учреждений присутствует в выполнении действий матери определенная компетентность, но ее явно недостаточно для понимания состояния ребенка, адекватного чувствования его реакций.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что отношение девушки, воспитанной в интернатном учреждении, к своему ребенку носит инструментальный, поверхностный характер и нередко становится психологической причиной возникновения чувства ограничения личной свободы и возможности саморазвития. Переживания и чувства девушки-сироты находятся под влиянием опыта негативных детско-родительских отношений и не позволяют быть чувственно сконцентрированной на своем ребенке.

Выводы

Компоненты психологической готовности к материнству девушек-воспитанниц интернатных учреждений имеют специфику, которая их отличает от девушек, воспитывающихся в семьях. Ценностно-смысловой блок параметров готовности к материнству характеризуется у девушек-сирот низкой жизнестойкостью, личностной инфантильностью и

ценностными ориентациями, направленными на получение удовольствия. Эмоционально-потребностный блок параметров готовности к материнству девушек-сирот характеризуется идеализированными стереотипными представлениями о матери и о себе как матери, необоснованной убежденностью в своей готовности стать матерью, искаженными представлениями о структуре родительской и будущей семьи. Операциональный блок параметров готовности к материнству девушек-сирот связан с их большим опытом в выполнении операций матери, при этом проявлением тревожно-злых реакций. Выявлено, что представления о структуре семьи взаимосвязаны с общей жизнестойкостью и личностными особенностями девушек-сирот. Так, компенсация исключенных членов семьи дополнительными близкими повышает жизнестойкость девушек-сирот, однако приводит к их личностной инфантилизации.

В исследовании установлены приоритетные направления работы с девушками, воспитывающимися в интернатном учреждении, по развитию их материнской сферы: просвещение и укрепление ценности материнства, психологическая помощь в создании индивидуального образа матери и себя как матери, психологическая работа с непосредственным опытом семейных отношений.

Результаты исследования подтверждают известный тезис о непреходящей ценности семьи и образовательного учреждения как определяющих каналов полноценной социализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брутман В.И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2.
2. Васягина Н.Н. Мать как субъект социокультурного пространства. Екатеринбург, 2010.
3. Егорова М.А., Миронова С.И. Образовательная среда интерната как фактор психологической готовности к материнству девушек-сирот // На пороге взросления / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Корепановой. М., 2011.
4. Егорова М.А., Миронова С.И. Психологическая готовность к материнству девушек, воспитанниц интернатных учреждений // Психологическая наука и образование. 2012. № 4.
5. Кондратьев М.Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
6. Копыл О.А., Баз Л.Л., Баженов О.В. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
8. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5.
9. Миронова С.И. Специфика материнской сферы девушек-сирот. Саарбрюккен, 2012.
10. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: депривационные нарушения в развитии ребенка. СПб., 2006.
11. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб., 2005.
12. Самоукина Н.В. Психология материнства // Прикладная психология. 1998. № 6.
13. Серкин В.П. Методы психосемантики. М., 2004.
14. Собчик Л.Н. Модификация восьмицветового теста Люшера. СПб., 2007.
15. Соломин И.Л. «Жизненный путь». Методика рисуночных метафор (метод. руково). СПб., 1997.
16. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М., 2002.
17. Хеллингер Б. Порядки любви: разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. М., 2003.
18. Шилов И.Ю. Фамилистика (Психология и педагогика семьи). Практикум. СПб., 2000.

Psychological Readiness for Motherhood in Young Female Orphans

M.A. EGOROVA

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Pedagogical Psychology, dean of the Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

S.I. MIRONOVA

PhD student at the Chair of Pedagogical Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, medical psychologist at the Magadan regional addiction clinic

The paper explores some aspects of potential motherhood in young females that were brought up in orphanages. The aim of the study was to reveal the specifics of psychological readiness to enter motherhood in young female orphans. The research outcomes shed some light on the young females' attitudes towards their mothers and towards themselves as future mothers, on their value orientations and operational experience in motherhood, on their subjective readiness to become mothers as early as in adolescence. The study involved both orphan females and females living with families from two Russian regions, Magadan oblast and Moscow.

Keywords: *motherhood deviation, young female orphans, institutional upbringing, psychology of motherhood, psychological readiness for motherhood.*

REFERENCES

1. Brutman V.I. Vliyanie semeinykh faktorov na formirovanie deviantnogo povedeniya materi // Psihologicheskii zhurnal. 2000. № 2.
2. Vasyagina N.N. Mat' kak sub'ekt sociokul'turnogo prostranstva. Ekaterinburg, 2010.
3. Egorova M.A., Mironova S.I. Obrazovatel'naya sreda internata kak faktor psihologicheskoi gotovnosti k materinstvu devushek-sirot // Na poroge vzrosleniya / Pod red. L.F. Obuhovoi, I.A. Korepanovoi. M., 2011.
4. Egorova M.A., Mironova S.I. Psihologicheskaya gotovnost' k materinstvu devushek, vospitannic internatnykh uchrezhdenii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2012. № 4.
5. Kondrat'ev M.Yu. Social'no-psihologicheskie osobennosti vzaimootnoshenii podrostkov i pedagogov v usloviyah detskih domov i shkol-internatov dlya "social'nyh" i real'nyh sirot // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 2.
6. Kopyl O.A., Baz L.L., Bazhenov O.V. Gotovnost' k materinstvu: vydelenie faktorov, uslovii psihologicheskogo riska dlya budushego razvitiya rebenka // Sinaps. 1993. № 4.
7. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti. M., 2006.
8. Mesheryakova S.Yu. Psihologicheskaya gotovnost' k materinstvu // Voprosy psihologii. 2000. № 5.
9. Mironova S.I. Specifika materinskoi sfery devushek-sirot. Saarbyrukken, 2012.

10. *Oslon V.N.* Zhizneustroistvo detei-sirot: deprivacionnye narusheniya v razvitii rebenka. SPb., 2006.
11. *Prihozhan A.M., Tolstyh N.N.* Psihologiya sirotstva. SPb., 2005.
12. *Samoukina N.V.* Psihologiya materinstva // Prikladnaya psihologiya. 1998. № 6.
13. *Serkin V.P.* Metody psihosemantiki. M., 2004.
14. *Sobchik L.N.* Modifikaciya vos'micvetovogo testa Lyushera. SPb., 2007.
15. *Solomin I.L.* "Zhiznennyi put". Metodika risunochnyh metafor (metod. ruk-vo). SPb., 1997.
16. *Filippova G.G.* Psihologiya materinstva. M., 2002.
17. *Hellinger B.* Poryadki lyubvi: razreshenie semeino-sistemnyh konfliktov i protivorechii. M., 2003.
18. *Shilov I.Yu.* Familistika (Psihologiya i pedagogika sem'i). Praktikum. SPb., 2000.

Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа

Т.А. ШКУРКО

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
Южного федерального университета

В статье представлен анализ социально-психологических потребностей и отношений жителей мегаполиса, большого и малого городов к конкретным другим, обобщенным другим и другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой», «близкий/далекий». Обнаружены значимые различия выраженности социально-психологических потребностей и параметров отношений к другим людям жителей городов разного типа. Описаны социально-психологические особенности отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов. Показано, что тип города обуславливает различия в неосознаваемом отношении к обобщенным другим и не влияет на отношение к конкретным другим. Продемонстрировано, что интенсивность неосознаваемого положительного отношения к обобщенному другому (другие люди) и к другим, дифференцированным по принципу «свой/чужой» (жители «своего» города, коренные жители, приезжие), значимо снижается с возрастанием размера города.

Ключевые слова: отношение к Другому, территориально-пространственные факторы отношений личности, параметры отношений личности, отношение к конкретному и обобщенному другому, свои/чужие, близкие/далекие, тип города.

К постановке проблемы исследования

Для отечественной социальной психологии одной из фундаментальных проблем является вопрос об отношении к Другому как центральном элементе системы отношений личности, задающем ее картину мира и отношение к различным сторонам окружающей действительности (Г.М. Андреева, А.А. Бодалёв, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн).

В последнее время исследователи рассматривают в качестве важнейшего фактора формирования отношений

субъекта территориально-пространственную организацию окружающей его среды [10; 11; 13; 24 и др.]. Так, В.И. Панов рассматривает предметно-пространственную среду одновременно как «условие осуществления жизнедеятельности человека» [13, с. 11], как среду удовлетворения различных (в том числе и социальных) потребностей личности и в то же время как один из факторов, оказывающих влияние на психику человека. Большинство исследователей отмечают сложный механизм влияния территориально-пространственных факторов на формирование личности, подчеркивая, что влияние физических характеристик

среды на поведение и взаимодействие людей невозможно рассматривать изолированно от социальных смыслов и значений. Н.Л. Виноградова, анализируя работы М. Бахтина, М. Бубера, П. Бурдьё, Б. Ванденфельса, Г. Зиммеля, А. Шюца и других ученых, делает вывод, что «социальные отношения не просто существуют в некоем фиксированном пространстве как в пассивной среде, они задают топологию пространства, т. е. структуру социального бытия» [3, с. 53]. Л.С. Манзо, Д.Д. Перкинс [32], М. Кархолм [31] считают, что любое социальное взаимодействие включает пространственный аспект и определяет пространство повседневного взаимодействия как интеграцию социальных и материальных параметров. С.К. Нартова-Бочавер, обобщая результаты многочисленных эмпирических исследований, делает вывод, согласно которому, с одной стороны, пространственно-предметная среда обуславливает взаимоотношения между людьми, а с другой — «разные типы отношений “требуют” или реально формируют определенные средовые условия» [11, с. 73].

В нашем исследовании в качестве территориально-пространственного фактора, опосредующего формирование и динамику системы взаимоотношений человека с другими людьми, выступает городское пространство. В социальной психологии город рассматривается как большая социальная группа, характеризующаяся рядом социально-психологических особенностей, в первую очередь, спецификой межличностных отношений и общения [10; 14; 18; 19; 20 и др.]. Т.В. Семёнова выделяет как отдельную предметную область социальную психологию большого города

[20]. Ряд исследований посвящен также изучению социально-психологических особенностей жителей малого города [21; 23]. В немногочисленных работах проводится сравнительный анализ отдельных социально-психологических характеристик жителей городов разного типа, позволяющий выявить влияние типа города на характер социализации личности [1; 24]. На настоящий момент в отечественной психологии еще недостаточно представлены работы, где проводился бы анализ влияния типа города на особенности потребностно-мотивационной сферы и систему отношений его жителя.

При изучении отношений субъекта всегда встает вопрос их классификации. Классификация видов отношений к другим людям может быть произведена, с одной стороны, с опорой на специфику самого отношения, на его качественные и количественные характеристики, и тогда мы обращаемся к такому критерию классификации видов отношений, как «параметр отношений». Под «параметром отношения» в социальной психологии рассматриваются характеристики отношений человека (к другому, к себе, к миру), которые являются «критерием сравнения различных отношений в системе отношений человека, их измерения, анализа изменений отношений и выделения различных видов отношений» [26, с. 17]. Систематизация различных параметров отношений, используемых для их анализа, показывает, что ведущими параметрами (критериями классификации) отношений личности являются модальность, интенсивность, «знак», уровень осознанности. В нашем исследовании мы обращаемся к предложенным В.А. Лабунской в концепции субъекта

затрудненного общения базовым модальностям отношений человека к другим людям: доброжелательность, принятие, доверие, враждебность, манипулятивное отношение [9].

Еще одним критерием классификации отношений личности к другим людям является дифференциация самого объекта отношения, т. е. Другого. В ряде работ показано, что одним из важнейших критериев анализа такого элемента системы отношений личности, как отношение к другим людям, является дифференциация Другого как «конкретного/обобщенного», «своего/чужого», «близкого/далекого» [4; 6; 29 и др.]. С.Л. Рубинштейн, анализируя механизмы формирования самосознания личности, говорит о «всеобщем Я» и «единичном Я»: «Отношение другого “Я” к моему “Я” выступает как условие моего существования. Каждое “Я”, поскольку оно есть и всеобщность “Я”, есть коллективный субъект, содружество субъектов, “республика субъектов”, содружество личностей; это “Я” есть на самом деле “мы”» [16, с. 70]. Д.Б. Эльконин рассматривает систему из двух ведущих типов отношений, составляющих основу социального развития личности: «ребенок — общественный предмет» и «ребенок — общественный взрослый», который «выступает перед ребенком не со стороны случайных и индивидуальных качеств, а как носитель определенных видов общественной по своей природе деятельности» [29, с. 68]. В интеракционистском направлении в социальной психологии, имеющем социологические корни, формирование образа «обобщенного другого» является ключевым этапом социализации

личности. Автор термина, Дж.Г. Мид, определял обобщенного другого как возникающее в процессе социализации представление индивида об абстрактном другом, которое включает в себя совокупность ожиданий, установок, ценностей социальной группы, на которые человек ориентируется при построении своего социального поведения [2]. В исследовании С. Холдсвордса и Д. Моргана, изучавших виды ориентации молодых людей на «других» в начале их самостоятельной жизни, показано, что такими «другими» чаще всего выступают не «значимые другие», а «обобщенные другие» [30].

Анализ литературы показывает, что отношения к «конкретному» другому и «обобщенному» другому обусловлены различными типами факторов. В качестве факторов формирования и развития отношений к «конкретному» другому рассматриваются преимущественно «личностные» и «групповые» факторы; формирование отношения к «обобщенному» другому исследователи связывают с рядом факторов, «внешних» по отношению к субъекту: с особенностями социокультурной среды, системой общественных отношений, социальных ценностей общества, в том числе с территориально-пространственными параметрами организации окружающей человека социальной среды [26].

В нашем исследовании мы обращаемся к анализу отношений к обобщенным другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой», «близкий/далекий». Дихотомия «свой/чужой», как показано в многочисленных работах [15; 25; 28 и др.], выступает основным критерием восприятия другого человека во

все исторические эпохи и в любом обществе. Отнесение другого человека к «своему/чужому» выполняет ряд социально-психологических функций:

1) выступает одним из основных критериев классификации отношений к другим людям: «Мы с Вами Свои» / «Ты – чужой» [6];

2) задает параметры межличностных и межгрупповых отношений, определяет паттерны взаимодействия с другими людьми [7; 10; 15];

3) играет роль фактора межличностной и межгрупповой агрессии [25];

4) представляет собой фактор включения/исключения в/из определенной социальной группы, общности [15; 28];

5) обуславливает процессы формирования групповой (коллективной) идентичности субъекта, стремление субъекта к объединению со «своими» и обособление от «чужих» [7; 22].

Очевидно, что дихотомия «свой – чужой» имеет территориально-пространственное измерение: «своя/чужая» территория (район, город и т. п.). При этом система координат «близкий/далекий» не является полностью совмещенной с координатой «свой/чужой». С одной стороны, восприятие Другого как «близкого» в территориально-пространственном измерении может влиять на отнесение его к «своим» («жители нашего города», «ученики моего класса» и т. п.) и на формирование определенного отношения к нему. В известной работе И.С. Кона [5] показано, что территориальная близость является существенным фактором зарождения дружбы с другим человеком. С другой стороны, пространственная близость Другого не является необходимым и достаточным условием отноше-

ния к нему как к «своему». Территориально-пространственная организация современных больших городов приводит к постоянному вторжению «других» – «незнакомцев» в пределы личной территории человека и, как следствие, возникает феномен пренебрежения к интересам и потребностям людей, которые непосредственно не связаны с удовлетворением личных потребностей жителя большого города [10].

Таким образом, можно прийти к выводу, что координаты «свой/чужой», «близкий/далекий» являются важнейшими критериями анализа системы взаимоотношений человека с другими людьми, определяя типологию Другого (свой/близкий, свой/далекий, чужой/близкий, чужой/далекий), и являются наиболее адекватными для изучения отношений к другим людям в пространстве городского взаимодействия.

Программа эмпирического исследования

В данной статье проведем сравнительный анализ выраженности социально-психологических потребностей, отношений к конкретным другим, обобщенным другим и другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой», «близкий/далекий» жителей мегаполиса, большого и малого городов, изученных в рамках исследования, проведенного нами совместно с А.А. Балакиной [27]. Представленный ниже материал является результатом доказательства гипотезы, что выраженность социально-психологических потребностей, параметров и видов отношений к другим людям жите-

лей городов разного типа будет различаться.

Изложенные выше представления о параметрах и критериях классификации отношений человека к другим людям легли в основу разработки методического инструментария исследования, в который вошли:

1) опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Руквишниковым, позволяющий диагностировать выраженность социально-психологических потребностей жителя города [17];

2) блок методик, диагностирующих интенсивность отношений жителей города к другим людям определенных модальностей: 2.1 «шкала принятия других» Фейя, 2.2 «шкала доброжелательности» Кэмпбелла, 2.3 «шкала доверия» Розенберга, 2.4 «шкала враждебности» Кука-Медлей (субшкалы «враждебность», «агрессия», «цинизм»), 2.5 «шкала манипулятивного отношения» Банта, адаптированных Ю.А. Менджерицкой [9];

3) цветовой тест отношений А.М. Эткинды [12], использованный с целью диагностики видов частично не осознаваемых личностью отношений:

к обобщенному другому (категория «другой человек»);

к обобщенным другим, дифференцированным по признаку «свой/чужой» (категории «житель своего города», «житель чужого города», «коренные жители», «приезжие»);

к обобщенным другим, дифференцированным по критерию «близкий/далекий» (категории «семья», «родственники», «друзья», «соседи», «коллеги»);

к конкретным другим (категории «мать», «отец»).

Эмпирическим объектом исследования выступили жители Москвы (120 человек), Ростова-на-Дону (100 человек) и Крымска (100 человек) в возрасте от 21 до 37 лет — всего 320 человек.

Результаты эмпирического исследования

Для выявления значимых различий в выраженности социально-психологических потребностей и отношений к другим людям жителей Москвы, Ростова-на-Дону и Крымска был проведен сравнительный анализ данных с помощью Н-теста по методу Крускала-Уоллиса. Результаты данного анализа представлены в табл. 1, 3 и 4.

В качестве ведущих социально-психологических потребностей в нашем исследовании рассматривались:

а) на уровне выраженного поведения — потребность (стремление) принадлежать к различным социальным группам, включаться в их деятельность (Ie); потребность контролировать других людей (Ce); потребность в установлении с другими людьми близких эмоциональных отношений (Ae);

б) на уровне требуемого от других поведения — потребность в том, чтобы другие включали субъекта в свою деятельность (Iw); потребность в контроле со стороны других (Cw); потребность, чтобы другие устанавливали близкие отношения (Aw). Согласно данным, представленным в табл. 1, были обнаружены значимые различия выраженности социально-психологических потребностей жителей мегаполиса, большого и малого городов в каждой из трех сфер — «включения», «контроля» и «любви».

Таблица 1

Показатели значимых различий выраженности социально-психологических потребностей жителей Москвы, Ростова-на-Дону и Крымска по методу Крускала-Уоллиса

Социально-психологические потребности		Средний ранг (Москва)	Средний ранг (Ростов)	Средний ранг (Крымск)	Уровень значимости различий
Iw	Потребность во включении со стороны других	162,77	176,24	103,23	0,000
Se	Потребность в контроле других	167,96	136,72	135,89	0,044
Ae	Потребность любить	153,00	160,35	130,11	0,028
Aw	Потребность быть любимым	130,78	171,70	144,77	0,004

Анализ средних рангов показывает, что социально-психологические потребности во включении в социальные группы (на уровне требуемого от других поведения) и в установлении близких эмоциональных отношений (как на уровне выраженного, так и на уровне требуемого от других поведения) в наибольшей степени выражены среди жителей большого города, в наименьшей — среди жителей малого города. Потребность в контроле других наиболее интенсивно проявляется у жителей мегаполиса, а в наименьшей степени — у жителей малого города. Исключением из обнаруженной выше тенденции относительно сравнительно низкой сте-

пени выраженности всех социальных потребностей у жителей малого города является также потребность в любви со стороны других людей (потребности «быть любимым»). Эта потребность наименее выражена у жителей мегаполиса, наиболее — у жителей большого города, жители малого города занимают промежуточное положение между ними.

Для анализа иерархии выраженности социально-психологических потребностей жителей в каждом из рассматриваемых городов (мегаполисе, большом и малом городах) обратимся к средним значениям полученных показателей, представленным в табл. 2.

Таблица 2

Показатели средних значений выраженности социально-психологических потребностей

Социально-психологические потребности		Среднее значение (Москва)	Среднее значение (Ростов)	Среднее значение (Крымск)
Ie	Потребность во включении в социальные группы	4,90	4,97	4,61
Iw	Потребность во включении со стороны других людей	5,24	5,65	3,60
Se	Потребность в контроле других	6,60	5,85	5,73
Sw	Потребность в контроле со стороны других (в зависимости)	4,69	4,27	4,81
Ae	Потребность любить	3,77	3,87	3,32
Aw	Потребность быть любимым	2,27	3,07	2,48

Анализ данных позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, наиболее выраженной социально-психологической потребностью жителей мегаполиса, большого и малого городов является потребность в контроле (стремление контролировать других людей, принимать решения, брать на себя ответственность). Во-вторых, у жителей мегаполиса и большого города наблюдается сходная структура социально-психологических потребностей, отличная от жителей малого города. Наиболее выраженными социально-психологическими потребностями жителей мегаполиса и большого города являются потребности во включении (на уровне требуемого от других поведения) и контроле других, а жителей малого города — потребности в контроле как на уровне выраженного, так и на уровне требуемого от других поведения (т. е. потребность в зависимости). В-третьих, для жителей городов всех трех типов характерным является достаточно низкий уровень выраженности потребности в любви со стороны других людей.

Обсуждая полученные результаты, можно предположить, что структура социальных потребностей жителя города может задавать в некоторой степени миграционный тренд, который существует в последние десятилетия: из сел — в города, из малых городов — в большие и мегаполисы. Наши данные показывают, что в малом городе остаются жители со сравнительно низкой степенью выраженности социальных потребностей, так как российские малые города (за редким исключением) не предоставляют человеку наиболее активного периода жизни (в нашем случае это жи-

тели городов в возрасте от 21 до 37 лет) достаточно возможностей для самореализации. На наш взгляд, отток людей из больших городов в малые начнется только тогда, когда в них будет создана социальная, пространственно-территориальная, информационная, транспортная инфраструктуры для удовлетворения базовых потребностей человека.

Не менее интересен факт, что потребность в контроле возрастает пропорционально размеру города. Интерпретировать его можно двояко: с одной стороны, потребность в контроле — «личностный» фактор, определяющий индивидуальную траекторию миграции личности в пространстве большой страны (большой город и мегаполис предоставляют больше возможностей для удовлетворения потребности контролировать других, брать на себя ответственность), с другой — проживание в мегаполисе как особом территориально-пространственном и социокультурном образовании, характеризующемся высочайшей плотностью населения, публичностью, множественностью и поверхностностью контактов и связей с другими, актуализирует у человека чрезмерную потребность в контроле (потребность контролировать всех и всегда вне зависимости от партнера по общению и социальной ситуации общения).

Далее обратимся к анализу значимых различий модальностей отношений к другим жителей городов разного типа, представленных в табл. 3. Н-тест по Крускалу-Уоллису выявил различия в выраженности всех изучаемых модальностей отношений к другим людям.

**Показатели значимых различий модальностей отношений
к другим людям жителей Москвы, Ростова-на-Дону и Крымска**

Модальность отношений к другим	Средний ранг (Москва)	Средний ранг (Ростов)	Средний ранг (Крымск)	Уровень значимости различий
Принятие	158,95	169,99	125,74	0,001
Доброжелательное отношение к другим	184,35	157,65	108,29	0,000
Доверие	158,76	165,79	131,92	0,014
Враждебное отношение (субшкала «цинизм»)	182,56	111,75	153,67	0,000
Манипулятивное отношение	171,52	132,46	148,48	0,002

Наиболее высокий уровень выраженности позитивных модальностей отношений (принятия, доверия и доброжелательности) обнаружен у жителей большого города и мегаполиса, наиболее низкий — малого города. Влияние типа города на выраженность отношений негативных модальностей имеет другую специфику: наименее выражены враждебное отношение (цинизм) и манипулятивное отношение у жителей большого и малого городов, в большей степени — у жителей мегаполиса.

Рассмотрим результаты сравнительного анализа выраженности неосознаваемых отношений жителей города к конкретному другому (мать, отец), недифференцированному обобщенному другому (другие люди) и обобщенному другому, дифференцированному по критериям «свой/чужой» (жители своего города, коренные жители / жители чужого города, приезжие), «близкий/далекий» (семья, родственники / друзья, соседи, коллеги), представленные в табл. 4.

Сравнительный анализ данных, проведенный с помощью Н-теста по методу Крускала-Уоллиса, не выявил значимых различий в отношении к

конкретным другим (мать, отец) и к обобщенным другим, дифференцированным по критерию «близкий/далекий», а именно к тем близким другим, которых мы отнесли к ближайшему окружению — семья, родственники. Этот факт позволяет прийти к выводу, что тип города не оказывает влияния на эмоциональные, частично не осознаваемые отношения его жителей к конкретным другим и к обобщенным другим, относящимся к категории «близкие». Сделанный вывод подтверждает накопленные социальной психологией данные о сложной детерминации близких эмоциональных отношений личности, вклад в формирование и динамику которых осуществляется преимущественно через «личностный» фактор.

Представленные в табл. 4 данные демонстрируют крайне интересный факт: у жителей малого города интенсивность положительного эмоционального отношения к другим вообще, к другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой» и «близкий/далекий» (за исключением категории «друзья»), значительно более высокая, чем у жителей мегаполиса и

Таблица 4

Показатели значимости различий неосознаваемых отношений к обобщенному другому и другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой», «близкий/далекий», по Н-тесту по методу Крускала и Уоллиса среди жителей Москвы, Ростова-на-Дону и Крыма

Объект отношения	Средний ранг (Москва)	Средний ранг (Ростов)	Средний ранг (Крымск)	Уровень значимости различий
К обобщенному другому				
Другие люди	143,1	161,13	177,23	0,02
К другим, дифференцированным по критерию «свой/чужой»				
Житель «своего» города	132,36	168,35	182,68	0,000
Коренной житель	142,79	165,23	173,49	0,034
Приезжие	115,47	154,57	216,38	0,000
К другим, дифференцированным по критерию «близкий/далекий»				
Друзья	159,86	181,42	141,62	0,003
Соседи	139,83	132,30	151,42	0,000
Коллеги	152,34	140,97	181,60	0,001

большого города. Отношение к друзьям — единственная категория отношений, которая у жителей малого города значительно менее интенсивна, чем у жителей мегаполиса и большого города. Максимальная ценность категории «друзья» обнаружена у жителей большого города.

Влияние типа города на отношение к другим людям вообще и к «своим/чужим» другим «поступательно нисходящее»: наиболее высокие значения зафиксированы у жителей малого города, сравнительно более низкие — большого города, особенно низкие — мегаполиса. Несколько иная тенденция — в отношениях жителей городов к другим, дифференцированным по критерию «близкий/далекий»: отношение к соседям и коллегам среди жителей большого города наиболее низкое, затем идут показатели, полученные на выборке москвичей, и максимальные значения характеризуют жителей малого города.

Обращает на себя внимание факт, что на осознаваемом уровне, который фиксируют опросные методы исследования, жители малого города демонстрируют сравнительно низкую степень выраженности позитивных модальностей отношений к другим людям (принятие, доброжелательность, доверие). При этом у них обнаружено наиболее интенсивное, недифференцированное, с точки зрения модальности, позитивное эмоциональное, частично не осознаваемое отношение к другим людям (другим вообще, своим/чужим, близким/далеким). На наш взгляд, это еще одно эмпирическое подтверждение сложной организации системы отношений личности, имеющей как осознаваемый, так и неосознаваемый уровни. Кроме того, мы видим, что тип города имеет существенное влияние как на осознаваемые, так и на неосознаваемые личностью отношения к другим людям. Полученные данные объясняют особый социально-психологический

климат малых городов, который отмечают все приезжие (приянь, радушие и к своим, и к чужим) и который фиксируется в немногочисленных исследованиях. Как писал С. Милграм, «готовность человека вступить во взаимодействие и уделить время тем, кто не может претендовать на это, пользуясь личными связями, в больших городах меньше, чем в маленьких» [9, с. 35].

Выводы

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сделать ряд выводов.

1. Выраженность социально-психологических потребностей, параметров и видов отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого города качественно различается.

2. Жители мегаполиса демонстрируют средний уровень выраженности социально-психологических потребностей (за исключением потребности в контроле), средний уровень выраженности отношений к другим людям позитивных модальностей (принятие, доверие), наиболее высокий уровень выраженности отношений к другим людям негативных модальностей (цинизм, манипуляция). Жители большого города характеризуются наиболее высоким уровнем выраженности социально-психологических потребностей, позитивных модальностей отношений к другим людям (доверие, принятие), наиболее низким уровнем выраженности отношений к другим

негативных модальностей (враждебное отношение, манипуляция). Жители малого города демонстрируют наиболее низкий уровень выраженности социально-психологических потребностей, отношений к другим позитивных модальностей (доброжелательность, принятие, цинизм), средний уровень выраженности отношений к другим негативных модальностей (враждебное отношение, манипуляция).

3. Потребность в контроле других наиболее выражена в структуре социально-психологических потребностей жителей городов всех изучаемых типов. Интенсивность ее выраженности возрастает с увеличением размера города и максимальна у жителей мегаполиса. Потребность в зависимости (контроле со стороны других) наиболее выражена у жителей малого города.

4. Тип города обуславливает различия в неосознаваемом отношении к обобщенным другим и не влияет на отношение к конкретным другим. Интенсивность неосознаваемого положительного отношения к обобщенному другому (другие люди) и к другим, дифференцированным по принципу «свой/чужой» (жители «своего» города, коренные жители, приезжие), значимо снижается с возрастанием размера города. Жители малого города демонстрируют максимальную интенсивность положительного эмоционального отношения к другим людям вообще и к другим, дифференцированным по критериям «свой/чужой» и «близкий/далекий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкова С.А. Особенности образа будущего у старшеклассников больших и малых городов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999.
2. Большой словарь по социологии. www.rusword.com.ua
3. Виноградова Н.Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 2.
4. Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е. Взаимосвязь отношения к себе и отношения к другим // Вестник МГУ. Серия 14. 1982. № 34.
5. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. М., 1989.
6. Кроник А., Кроник Е. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.
7. Курнаева Н.А. Свои и чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Иваново, 2006.
8. Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
9. Лабунская В.А., Менджерщицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001.
10. Милграм Ст. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.
11. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М., 2005.
12. Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987.
13. Панов В.И. Экологическая психология, экопсихология развития, экопсихологические взаимодействия // Экопсихологические исследования-2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития / Под ред. В.И. Панова. М.; СПб., 2011.
14. Пидодня Ю.А. Психологическая специфика образа города в различных социальных группах: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 2006.
15. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
16. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
17. Рукавишников А.А. Опросник межличностных отношений. Ярославль, 1992.
18. Сазонов Д.Н. Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Белгород, 2009.
19. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дисс.... канд. психол. наук. М., 2008.
20. Семёнова Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Казань, 2007.
21. Слепнёва О.Ю. Гендерные трансформации в структуре ментальности у населения малых городов России: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2008.
22. Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>
23. Чернова Э.Г. Ценностные ориентации современной учащейся молодежи малых городов центрально-европейского региона России: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Арзамас, 2003.

24. *Шамионов Р.М.* Соотношение ценностей и характеристик самоопределения студентов столичных и провинциальных вузов // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9. Вып. 3.
25. *Шипилов А.В.* «Свои», «чужие» и другие. М., 2008.
26. *Шкурко Т.А.* Концепция отношений личности // Социальная психология личности / Под ред. В.А. Лабунской. М., 2001.
27. *Шкурко Т.А., Балакина А.А.* Социально-психологические особенности отношения к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. № 10/3.
28. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Социология и социальная антропология. 1998. Т. 1. № 1.
29. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1989.
30. *Holdsworth C., Morgan D.* Revisiting the Generalized Other: An Exploration // Sociology. 2007. № 41.
31. *Karrholm M.* The Materiality of Territorial Production A Conceptual Discussion of Territoriality, Materiality, and the Everyday Life of Public Space // Space and Culture. 2007. № 10.
32. *Manzo L.C., Perkins D.D.* Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning // Journal of Planning Literature. 2006. № 20.

Attitudes to 'Us/Them' and 'Close Person/Stranger' in Residents of Cities of Different Types

T.A. SHKURKO

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology, Southern Federal University

The paper analyzes social psychological needs and attitudes to particular others, abstract others and others differentiated according to the criteria of 'us/them', 'close person/stranger' in residents of megalopolises, large cities and small towns. The research outcomes indicate that there are significant differences in social psychological needs and attitudes to others in subjects depending on the type of city they live in. The paper provides a full description of the social psychological features of such attitudes in the residents of a megalopolis, a large city and a small town, and shows how the residents' unconscious attitudes to abstract others are affected by the type of the city, whereas attitudes to particular others remain unaffected. The paper also reveals that the intensity of one's unconscious positive attitudes to abstracts others (other people) and to others differentiated according to whether they belong to 'us/them' (residents of 'our' city, natives, those who came from outside) drops significantly with an increase in the size of the city.

Keywords: *attitude to the Other, territorial and spatial factors of one's attitudes, characteristics of one's attitude, attitudes to particular and abstract others, us/them, close person/stranger, type of city.*

REFERENCES

1. *Bashkova S.A.* Osobennosti obraza budushego u starsheklassnikov bol'shikh i mal'kh gorodov: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1999.
2. Bol'shoi slovar' po sociologii. www.rusword.com.ua
3. *Vinogradova N.L.* Social'noe prostranstvo i social'noe vzaimodeistvie // Vestnik VGU. Seriya "Gumanitarnye nauki". 2005. № 2.
4. *Gozman L.Ya., Aleshina Yu.E.* Vzaimosvyaz' otnosheniya k sebe i otnosheniya k drugim // Vestnik MGU. Seriya 14. 1982. № 34.
5. *Kon I.S.* Druzhba: etiko-psihologicheskii ocherk. M., 1989.
6. *Kronik A., Kronik E.* V glavnykh rolyakh: Vy, My, On, Ty, Ya. Psihologiya znachimykh otnoshenii. M., 1989.
7. *Kurnaeva N.A.* Svoi i chuzhie v kollektivnoi identichnosti: social'no-filosofskii analiz: Avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk. Ivanovo, 2006.
8. *Labunskaya V.A.* Obraz vraga v mezhlchnostnom obshenii // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2013. № 3.
9. *Labunskaya V.A., Mendzherickaya Yu.A., Breus E.D.* Psihologiya zatrudnennogo obsheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrekciya. M., 2001.
10. *Milgram St.* Eksperiment v social'noi psihologii. SPb., 2000.

11. *Nartova-Bochaver S.K.* Psihologicheskoe prostranstvo lichnosti. M., 2005.
12. *Obshaya psihodiagnostika / Pod red. A.A. Bodaleva, V.V. Stolina.* M., 1987.
13. *Panov V.I.* Ekologicheskaya psihologiya, ekopsihologiya razvitiya, ekopsihologicheskie vzaimodeistviya // *Ekopsihologicheskie issledovaniya-2: k 15-letiyu laboratorii ekopsihologii razvitiya / Pod red. V.I. Panova.* M.; SPb., 2011.
14. *Pidodnya Yu.A.* Psihologicheskaya specifika obraza goroda v razlichnyh social'nyh gruppah: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Samara, 2006.
15. *Porshnev B.F.* Social'naya psihologiya i istoriya. M., 1979.
16. *Rubinshtein S.L.* Chelovek i mir. M., 1997.
17. *Rukavishnikov A.A.* Oprosnik mezhlichnostnyh otnoshenii. Yaroslavl', 1992.
18. *Sazonov D.N.* Social'no-psihologicheskie osobennosti reprezentacii gorodskoi prostranstvenno-predmetnoi sredy u zhitelei goroda: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Belgorod, 2009.
19. *Samoshkina I.S.* Territorial'naya identichnost' kak social'no-psihologicheskii fenomen: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2008.
20. *Semenova T.V.* Teoreticheskie i prikladnye aspekty social'no-psihologicheskogo issledovaniya gorodskoi mental'nosti: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. Kazan', 2007.
21. *Slepneva O.Yu.* Gendernye transformacii v strukture mental'nosti u naseleniya malyh gorodov Rossii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Kostroma, 2008.
22. *Stefanenko T.G.* Social'no-psihologicheskie aspekty izucheniya etnicheskoi identichnosti. <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>
23. *Chernova E.G.* Cennostnye orientacii sovremennoi uchashesiya molodezhi malyh gorodov central'no-evropeiskogo regiona Rossii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Arzamas, 2003.
24. *Shamionov R.M.* Sootnoshenie cennostei i harakteristik samoopredeleniya studentov stolichnyh i provincial'nyh vuzov // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika".* 2009. T. 9. Vyp. 3.
25. *Shipilov A.V.* "Svoi", "chuzhie" i drugie. M., 2008.
26. *Shkurko T.A.* Konceptiya otnoshenii lichnosti // *Social'naya psihologiya lichnosti / Pod red. V.A. Labunskoi.* M., 2001.
27. *Shkurko T.A., Balakina A.A.* Social'no-psihologicheskie osobennosti otnosheniya k drugim lyudyam zhitelei megapolisa, bol'shogo i malogo gorodov // *Severo-Kavkazskii psihologicheskii vestnik.* 2012. № 10/3.
28. *Shtihve R.* Ambivalentnost', indifferentnost' i sociologiya chuzhogo // *Sociologiya i social'naya antropologiya.* 1998. T. 1. № 1.
29. *El'konin D.B.* Izbrannye psihologicheskie trudy. M., 1989.
30. *Holdsworth C., Morgan D.* Revisiting the Generalized Other: An Exploration // *Sociology.* 2007. № 41.
31. *Karrholm M.* The Materiality of Territorial Production A Conceptual Discussion of Territoriality, Materiality, and the Everyday Life of Public Space // *Space and Culture.* 2007. № 10.
32. *Manzo L.C., Perkins D.D.* Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning // *Journal of Planning Literature.* 2006. № 20.

Аксиологическая направленность и субъективное благополучие личности в специфике этнопсихологической обусловленности¹

Е.Е. БОЧАРОВА

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

В статье изложены результаты теоретического и эмпирического исследования аксиологической направленности и субъективного благополучия личности в этнопсихологической обусловленности. Исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей молодежи русского и татарского этносов. Выявлена этнопсихологическая специфика аксиологической направленности личности в соотношении с характеристиками субъективного благополучия, его критериев и оснований, а также механизмов личностной саморегуляции. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, а также при разработке программ молодежной политики.

Ключевые слова: *личность, аксиологическая направленность, субъективное благополучие, этнические установки, ценностные предпочтения этногруппы.*

К постановке проблемы

Возросший интерес исследователей к изучению аксиологической сферы личности (как представителя той или иной группы) связан, прежде всего, с необходимостью понимания тенденций развития конкретных социальных, социально-демографических, этнических групп, так как именно ценностные ориентации отражают приоритеты их социального развития, имплицитные представления о желаемых результатах социальных изменений, своих устремлениях. Формируясь в условиях динамично развивающегося общества, ценностная система личности, отражая особенности общественных изменений, в первую очередь, от-

ношения к социальной действительности, с одной стороны, является результатом изменения этих условий, а с другой — выполняя функцию регуляции поведения субъекта в социальной среде и, прежде всего, его социальной активности, выступает в качестве существенного фактора изменения этих условий.

Обладая рядом характеристик (интегративность, целостность, структурность, многомерность и множественность, иерархичность, динамичность и противоречивость), ценностная сфера отражает как главные, существенные изменения взаимосвязи личности с миром, так и факт смены текущих жизненных ситуаций. Подтверждением тому являются данные ряда сравнительных исследований харак-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а).

теристик содержания и структуры, специфики взаимосвязей и соподчинения в системе ценностей, ее смысловой наполненности в различных условиях социализации личности. Именно в этой области накоплен максимальный объем эмпирического материала, демонстрирующий, что различная социальная среда способна сформировать существенные различия в ценностной системе личности [1; 5; 6; 7]. Однако различия в ней не исчерпываются только теми, основанием которых выступают социальные воздействия. Прежде всего, речь идет о ценностно-смысловом самоопределении личности, основанием которого являются *субъектно принятые ценности*, определяющиеся как значимые степенью их вовлеченности в наиболее важные для личности жизненные контексты. В целом отметим, что структурная организация ценностей, их конфигурация задает определенную направленность личности. Доминирующие ценности определяют *аксиологическую направленность* личности или, иначе говоря, систему ценностных координат ее самоорганизации, саморегуляции, самореализации и в целом жизненной позиции. Однако аксиологическая направленность проявляется не только в выраженности иерархии ценностей, но и в различной степени их взаимозависимости и взаимодействии. При этом двойственность источников развития ценностной системы, разноплановость выполняемых ими функций, многообразие ценностных конфигураций определяют и наличие множества классификационных моделей ценностных образований (Б.С. Алишев, С.С. Бубнова, А. Маслоу, М. Рокич, В. Франкл, Э. Фромм, Ш. Шварц, М.С. Яницкий и др.), различающихся по критериальным основаниям.

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть, что аксиологическая направленность личности представляет собой сложный социально-психологический феномен, характеризующий ведущую направленность и содержание социальной активности личности, являющийся внутренним носителем регуляции активности, придающий смысл и нацеленность личностным позициям и поведению.

Небезызвестен и тот факт, что конфигурация ценностей способна выступать отличительным признаком культуры. Тенденция «измерения» культур, выявление «культурных профилей» через исследование «ядерных» образований культуры, коими являются ценностные феномены (ценности, социальные представления, идентичность, социальные установки и т. д.), зафиксирована в многочисленных эмпирических исследованиях российских и зарубежных исследователей. Так, к примеру, Ш. Шварц развивает парадигму «культурных измерений» путем группирования ценностных оснований поведения, объединяя их в блоки, отражающие цели и типы мотивации, что позволяет ему в дальнейшем специфицировать и выделять группы ценностей для различных культурных ареалов и выявить типичные для них ценности [8]. Отметим, что выявление универсальных и культурно-специфических типов ценностей расширяет представление о локусе аксиологической направленности представителей тех или иных социокультурных сообществ.

Весьма существенно и то, что социальные изменения закономерным образом вторгаются в сферу социокультурных ценностей, социальных норм, образцов поведения. Как отмечают отечест-

венные исследователи, если на первом — *институциональном* — уровне регулирования взаимоотношений в социокультурных системах действующие механизмы являются достаточно гибкими и относительно легко могут быть подвергнуты трансформации, то на втором — *ценностно-нормативном* — уровне соответствующие механизмы являются более жесткими и консервативными, работают автоматически, не зависимо от их эффективности. В результате целый ряд социокультурных (по сути своей, этнических) общностей оказывается не в состоянии привести ценностно-нормативную систему в соответствие с интенсивно меняющимися социальными институтами [5, с. 68]. Можно полагать, что подобное рассогласование, заключая в себе стрессогенный потенциал, выступает существенным фактором снижения индекса субъективного благополучия отдельных личностей и групп в целом. Принятие этих изменений, как отмечают исследователями, представляет главную проблему для этнокультурной общности, что сказывается на отношении ее представителей к себе, собственной идентичности, а также на отношениях с другими этнокультурными группами. Таким образом, происходят глубокие качественные трансформации сложившейся этнокультурной системы: изменение аксиологической направленности, ценностных ориентаций и их иерархии, смена критериев оценки удовлетворенности жизнью и представлений о собственном благополучии и, в соответствии с этим, переоценка статуса своей группы (в частности, этнокультурной общности), а также ее места в новых социокультурных условиях [1; 5; 6]. Отметим, что когнитивным основанием субъективного

благополучия выступают в данном случае ценностные ориентации и их иерархия, изменения в которой могут привести к изменению как уровней, так и содержательных характеристик субъективного благополучия, что позволяет связывать изучение этих явлений в одну содержательно-логическую цепь.

Таким образом, основной фокус проблемы — это изучение аксиологической направленности и субъективного благополучия личности в специфике их этнопсихологической обусловленности.

Программа эмпирического исследования

Поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире осуществляется на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им базовых отношений к миру и человеческому сообществу, а также собственной системы жизненных смыслов, ценностей, отношений, возможностей и ожиданий. В этой связи нами выдвинуто предположение о проявлении этнодифференцирующих признаков в структурной организации субъективного благополучия личности с учетом ее аксиологической направленности.

Исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей молодежи русского и татарского этносов (студенты Саратовского государственного университета, причисляющие себя к русским, и студенты Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института Республики Татарстан, причисляющие себя к татарам; 120 представителей женского и мужского пола в возрасте от 18 до 20 лет).

Эмпирическое исследование выполнено с применением комплекса психодиагностического инструментария: для изучения аксиологической направленности применен одноименный опросник А.В. Капцова и Л.В. Карпушиной [2]; для регистрации параметров субъективного благополучия применена «Шкала субъективного благополучия» (М.В. Соколова) [3]. Шкала содержит 17 пунктов, содержание которых связано с эмоциональным состоянием, социальным поведением и некоторыми физическими симптомами. В соответствии с адаптированным вариантом методики предлагается дифференциация по шести кластерам: напряженность и чувствительность; признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику; изменение настроения; значимость социального окружения; самооценка физического здоровья; степень удовлетворенности повседневной деятельностью. Обобщенное суждение о субъективном благополучии делается на основе сложения баллов, полученных по всем кластерам. Согласно методике М.В. Соколовой, чем выше индекс, тем ниже уровень субъективного благополучия. Для выявления характеристик

идентификационной матрицы отношений к собственной группе и представителям иных этнических, социокультурных групп применена методика Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой «Типы этнической идентичности» [4].

В качестве математико-статистических методов были использованы сравнительный анализ данных с применением *t*-критерия Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону с применением программного пакета SPSS и приложения Microsoft Excel for Microsoft Office XP.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Структурная организация этноидентификационной матрицы у представителей русского и татарского этноса

Ядерным образованием системы субъективных отношений этноса является «чувство-мы», задающее идентичность, тождественность этноса себе как базовую ценность. В этой связи обращение к изучению выраженности параметров этноидентификационной матрицы у представителей разных этногрупп является вполне обоснованным (табл. 1).

Таблица 1

Структурная организация этноидентификационной матрицы у представителей русского и татарского этноса

№	Параметры идентификационной матрицы	Русские	Татары	t_{st}
1	Этнонигилизм	1,93	3,5	1,98*
2	Этническая индифферентность	8,56	10,72	2,45**
3	Норма (позитивная этническая идентичность)	14,74	18,05	3,15**
4	Этноэгоизм	5,2	6,98	1,98*
5	Этноизоляциялизм	6,8	6,2	0,98
6	Этнофанатизм	7,2	6,44	1,02

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; $n = 60$.

Прежде всего, необходимо отметить, что в исследуемых выборках наблюдается принятие своей этнической идентичности, сопровождающееся переживанием чувства удовлетворения, готовность к проявлению толерантности представителей русской и татарской молодежи к другим этническим группам и к интеграции в систему социальных поликультурных отношений. Так, в исследуемых выборках зафиксирована доминирующая выраженность позитивной этнической идентичности ($p < 0,01$) и этноиндифферентности ($p < 0,05$), в то время как этнонигилизм отличается наименьшей представленностью.

Резюмируя сказанное, отметим, что позитивное представление о своей этнической группе, о своей культуре, причастность к этнической общности весьма значимо и ценно для представителей молодежи исследуемых этногрупп.

Данные межгруппового сравнительного анализа выраженности параметров этноидентификационной матрицы у представителей студенческой молодежи русского и татарского этноса (см. табл. 1) свидетельствует о готовности в большей степени татарской молодежи к взаимодействию, расширению круга общения, невзирая на этническую причастность окружающих. В выборке русских наблюдается проявление некоторой сдержанности и дистанцированности.

Отметим и тот факт, что проявление толерантности по отношению к собственной и к другим этническим группам позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования, с другой — как готовность к межэтническим контактам, что вовсе не предполагает эмоциональной однозначности этих отношений.

Так, в выборке татарской молодежи наблюдается проявление этнонигилистических тенденций в сочетании с установками на этноэгоизм и этноиндифферентность. Эти данные можно интерпретировать как проявление этнической амбивалентности: критическое отношение к своему этносу на фоне относительного гипертрофированного стремления к позитивной этнической идентичности.

В целом отметим, что структурная организация этнической идентичности, проявляющаяся в соотношении выраженности ее оценочных компонентов, задает определенную конфигурацию системы субъективных отношений и выступает одним из механизмов регуляции субъективного благополучия личности.

2. Характеристики субъективного благополучия у представителей русского и татарского этноса

Немаловажен и тот факт, что в психологической литературе представлены данные, свидетельствующие о том, что этническая идентичность, отражая субъективную причастность и отношение личности к своей этногруппе, выступает существенным фактором субъективного благополучия, представляющего собой интегральную форму эмоционально-оценочного отношения человека к миру и к себе в мире [1; 5; 6].

Согласно данным сопоставительного анализа выраженности параметров субъективного благополучия (табл. 2), основанием переживания субъективного благополучия в выборке русских выступает удовлетворенность своей повседневной деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности.

**Выраженность показателей субъективного благополучия у представителей
русского и татарского этноса**

Группы/ показатели СБ	НЧ	ПС	ИН	ЗСО	СОЗ	УПД	Индекс СБ
Русские	9,23	10,6	3,63	5,07	4,66	8,48	42,26
Татары	12,25	14,66	5,86	8,61	7,13	10,39	58,66
Коэффициент Стьюдента	4,45**	3,57**	3,97**	5,38**	4,24**	2,62*	5,58**

НЧ – напряжённость и чувствительность; ПС – психосимптоматика; ИН – изменчивость настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СОЗ – самооценка здоровья; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; Индекс СБ – интегральный показатель субъективного благополучия. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Отметим, что данная категория респондентов в оценке своего благополучия в большей степени ориентирована на достижение намеченных целей и возможность проявления самостоятельности и независимости.

В отличие от русских в оценке своего благополучия, представители татарской этногруппы ориентируются преимущественно на *внешний критерий – признание окружающих*. Так, например, стремление к достижению желаемых результатов сопровождается ожиданием поддержки, одобрения и признания окружающих. Между тем, необходимо отметить, что татарская выборка отличается более выраженной психоэмоциональной неустойчивостью, лабильностью настроения, что находит своё выражение в индексе субъективного эмоционального благополучия.

Итак, резюмируя вышесказанное, отметим, что в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируется, в основном на признание окружающих, а представители русской этногруппы – на возможность проявления самостоятельности и независимости.

3. Аксиологическая направленность и субъективное благополучие личности в разных этногруппах

Сравнительный анализ выраженности ценностно-смысловых предпочтений у представителей исследуемых этногрупп позволил выявить их доминирующие предпочтения, ценностную насыщенность сфер социальной жизнедеятельности, что в целом определяет аксиологическую направленность.

В отличие от представителей татарской молодежи, для которых ценность креативности наиболее значима, у русских наиболее предпочитаемы саморазвитие и социальные контакты ($p \leq 0,01$). Существенные различия выявлены в стремлении к достижениям, связанным у русских со сферой общественных интересов, а у татар – со сферой семейных отношений ($p \leq 0,01$) и сферой профессиональной деятельности ($p \leq 0,01$). При этом в выборке русских отмечаются проявление креативности, инициативы, стремление к реализации своих творческих возможностей в сфере общественных интересов. Кроме того, данные респонденты отличаются стремлением к завоеванию, поддержанию своего прести-

жа через сферу увлечений, что для татарской молодежи менее привлекательно ($p \leq 0,01$). Духовная удовлетворенность русских связана в большей степени с самореализацией в профессиональной сфере, по сравнению с представителями татарской выборки ($p \leq 0,05$), предпочтения которых связаны, прежде всего, с сохранением собственной индивидуальности, стремлением к независимости. Очевидно, что ценность собственных принципов и принятия самостоятельных решений и в целом социального признания, статуса весьма значима для представителей татарской молодежи. В целом соотношение выраженности субъективно-значимых ценностных предпочтений в исследуемых выборках позволяет говорить о доминировании *социально-креативной направленности* в выборке русских, проявляющейся преимущественно в сферах общественных и профессиональных интересов; *социально-статусной направленности*, проявляющейся в сфере семейных отношений и в сфере профессиональной деятельности — у

представителей татарского этноса. Очевидно, что самореализация именно в этих сферах социальной жизнедеятельности наиболее значима для личностей из разных этногрупп.

Анализ структуры корреляционных взаимосвязей между параметрами субъективного благополучия и идентификационной матрицы и аксиологической направленности позволил выявить наиболее значимые паттерны актуализации этнопсихологических факторов обуславливания субъективного благополучия в исследуемых выборках (рис. 1 и 2).

Структурограмма корреляционных взаимосвязей параметров субъективного благополучия и этноидентификационной матрицы и аксиологической направленности (см. рис. 1) отражает то, что локус аксиологической направленности проявляется преимущественно в сфере профессиональной деятельности, сфере общественных интересов и сфере семейных отношений. Достижение успеха в сфере профессиональной деятельности, возможность творческой самореализации

Рис. 1. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами субъективного благополучия и этноидентификационной матрицы и аксиологической направленности в выборке русских: ИСБ — индекс субъективного благополучия, УПД — удовлетворенность повседневной деятельностью, ЭФ — этнофанатизм

ции в сферах профессиональных и общественных интересов приводит к переживанию собственной значимости и уверенности в себе, что, вероятно, провоцирует гипертрофированное проявление этнической идентичности, которое можно интерпретировать как проявление чувства национальной гордости. В целом отметим, что позитивное принятие своей этноидентичности, достижение успеха, возможность творческой самореализации в сферах профессиональных и общественных интересов, а также в сфере семейных отношений выступают одним из факторов обусловленности оптимального уровня субъективного благополучия у представителей русской молодежи. Подтверждением тому служат выявленные взаимосвязи между индексом субъективного благополучия и этно-

фанатизмом ($p \leq 0,01$), достижениями в сфере профессиональной деятельности ($p \leq 0,05$) и в сфере семейных отношений ($p \leq 0,05$). Удовлетворенность повседневной деятельностью взаимосвязана с гипертрофированным проявлением этнической идентичности ($p \leq 0,05$) и саморазвитием в сфере профессиональной деятельности ($p \leq 0,01$), в сфере семейных отношений ($p \leq 0,05$), креативностью в сфере общественных интересов ($p \leq 0,05$) и в сфере профессиональной деятельности ($p \leq 0,01$).

Иная картина наблюдается в выборке представителей татарского этноса (см. рис. 2).

Данные, представленные на структурограмме корреляционных взаимосвязей между параметрами субъективного благополучия и этноидентификацион-

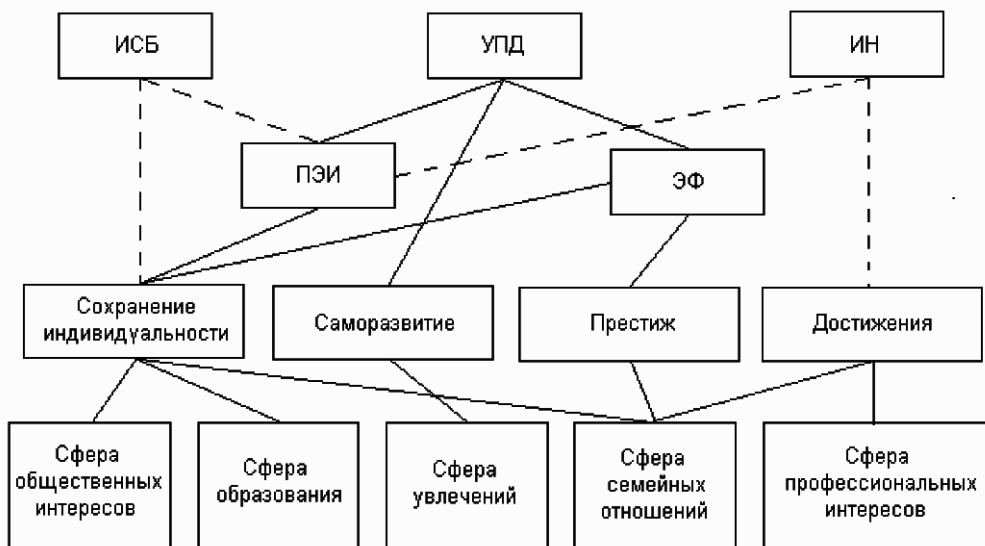

Рис. 2. Структурограмма корреляционных взаимосвязей между параметрами субъективного благополучия и этноидентификационной матрицы и аксиологической направленности в выборке татар: ИСБ – индекс субъективного благополучия, УПД – удовлетворенность повседневной деятельностью, ИН – изменчивость настроения, ПЭИ – позитивная этническая идентичность, ЭФ – этнофанатизм

ной матрицы и аксиологической направленности (см. рис. 2), свидетельствуют об их достаточно тесной взаимосвязи, интеграции и отражают то, что в выборке татар диапазон проявления локуса аксиологической направленности несколько шире, нежели в выборке русских. Прежде всего, это сфера общественных интересов, сфера увлечений, сфера профессиональной деятельности, сфера семейных отношений. Принятие своей этнической идентичности, направленность на достижение желаемого результата, успеха в сфере профессиональной деятельности, благополучия в сфере семейных отношений, признания своей значимости социальным окружением практически во всех сферах жизнедеятельности в сочетании со стремлением к сохранению индивидуальности, независимости выступают фактором субъективного благополучия у представителей татарской молодежи. Возможно, что достижение значимых результатов в субъективно значимых сферах социальной жизнедеятельности провоцирует тенденцию гипертрофированного проявления этнической идентичности. Подтверждением служат выявленные взаимосвязи между индексом субъективного благополучия и позитивной этнической идентичностью ($p \leq 0,05$), сохранением индивидуальности в сфере общественных интересов ($p \leq 0,05$); между лабильностью настроения и позитивной этнической идентичностью ($p \leq 0,05$), саморазвитием в сфере увлечений ($p \leq 0,05$), достижением в сфере профессиональной деятельности ($p < 0,05$) и в сфере семейных отношений ($p \leq 0,05$); между удовлетворенностью повседневной деятельностью и позитивной этнической идентичностью ($p \leq 0,05$); между удовлетворенностью по-

вседневной деятельностью и этнофанатизмом ($p < 0,01$), интегральным индексом выраженности собственного престижа в сфере семейных отношений ($p < 0,01$), интегральным индексом выраженности сохранения индивидуальности ($p \leq 0,05$), сохранением индивидуальности в сфере образования ($p < 0,05$).

Заключение

Результаты выполненного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Установлено, что позитивное представление о своей этнической группе, своей культуре, причастность к этнической общности весьма значимы и ценны для представителей молодежи исследуемых этногрупп. Однако в выборке татарской молодежи отмечается проявление этнической амбивалентности: критическое отношение к своему этносу на фоне относительно гипертрофированного стремления к позитивной этнической идентичности.

Отмечено, что в оценке своего благополучия представители татарской этногруппы ориентируются преимущественно на признание и одобрение окружающих, представители же русской этногруппы — на возможность проявления самостоятельности и независимости.

Выявлена аксиологическая направленность личности разных этногрупп. Так, в выборке русских соотношение выраженности субъективно-значимых ценностных предпочтений свидетельствует о доминировании *социально-креативной направленности*, проявляющейся преимущественно в сфере общественных интересов и в сфере профессиональной

деятельности. У представителей татарского этноса — выявлена *социально-статусная направленность*, проявляющаяся в сфере семейных отношений и в сфере профессиональной деятельности. Очевидно, что самореализация именно в этих сферах социальной жизнедеятельности наиболее значима для представителей изучаемых этногрупп.

Определены паттерны актуализации этнопсихологических факторов обусловленности оптимального уровня субъективного благополучия в исследуемых выборках. Так, в выборке представителей русской молодежи в качестве такого фактора выступают позитивное принятие своей этноидентичности, достижение успеха, возможность творческой самореализации в сферах профессиональных и обществен-

ных интересов, а также в сфере семейных отношений. В выборке татар диапазон проявления локуса аксиологической направленности несколько шире, нежели в выборке русских: сфера общественных интересов, сфера увлечений, сфера профессиональной деятельности, сфера семейных отношений. Принятие своей этнической идентичности, направленность на достижение желаемого результата в сфере профессиональной деятельности, благополучие в сфере семейных отношений, признание своей значимости социальным окружением практически во всех сферах жизнедеятельности в сочетании со стремлением к сохранению индивидуальности и независимости выступают фактором субъективного благополучия у представителей татарской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4.
2. Капцов А.В., Карпушина Л.В. Аксиологическая направленность личности. Руководство по применению теста: методическое пособие. Самара, 2005.
3. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль, 1996.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. М., 2008.
5. Татарко А.Н., Козлова М.А. Сравнительный анализ структуры ценностей и характеристик этнической идентичности в традиционных и современных культурах // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 4.
6. Шамянов Р.М. Характеристики ценностных ориентаций молодежи в соотношении с представлениями о России и ценностях россиян // Социология образования. 2009. № 4.
7. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. A theory of orgazation change. L., 1972.
8. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. N.Y., 1992. Vol. 25.

Axiological Orientation and Subjective Well-Being in the Context of Ethnopsychological Specifics

E.E. BOCHAROVA

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Educational Psychology, Chernyshevsky Saratov State University

The paper presents results of a theoretical and empirical research on the ethnopsychological specifics of axiological orientation and subjective well-being. The research was carried out on a proportional sample of Russian and Tatar subjects. The outcomes reveal the ethnopsychological specifics of axiological orientation in its correlation with the features of subjective well-being, its criteria and bases and mechanisms of personal self-regulation. The research findings can be applied in the counseling psychology practice, as well as in the development of youth policy programs.

Keywords: *personality, axiological orientation, subjective well-being, ethnic orientations, value-related preferences of ethnic group.*

REFERENCES

1. Bocharova E.E. Vzaimosvyaz' sub'ektivnogo blagopoluchiya i social'noi aktivnosti lichnosti: krosskul'turnyi aspekt // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 4.
2. Kapcov A.V., Karpushina L.V. Aksiologicheskaya napravlennost' lichnosti. Rukovodstvo po primeneniyu testa: metodicheskoe posobie. Samara, 2005.
3. Sokolova M.V. Shkala sub'ektivnogo blagopoluchiya. Yaroslavl', 1996.
4. Stefanenko T.G. Etnopsihologiya: praktikum. M., 2008.
5. Tatarko A.N., Kozlova M.A. Sravnitel'nyi analiz struktury cennostei i harakteristik etnicheskoi identichnosti v traditsionnykh i sovremennykh kul'turah // Psihol. zhurn. 2006. T. 27. № 4.
6. Shamionov R.M. Harakteristiki cennostnykh orientatsii molodezhi v sootnesenii s predstavleniyami o Rossii i cennostyakh rossiyan // Sociologiya obrazovaniya. 2009. № 4.
7. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. A theory of organization change. L., 1972.
8. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. N.Y., 1992. Vol. 25.

Особенности мотивации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта

С.А. КУЗНЕЦОВ

*аспирант кафедры психологии управления
Московского городского психолого-педагогического университета*

Статья представляет собой описание исследования особенностей структуры спортивной мотивации спортсменов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта. В статье излагается программа эмпирического исследования, излагаются и обсуждаются полученные в его ходе эмпирические данные, определяются основные направления дальнейшей разработки проблематики.

Ключевые слова: спортивная мотивация, ценностные ориентации, направленность личности, командные и индивидуальные виды спорта.

Введение

Проблема спортивной мотивации рассматривается психологами на протяжении не одного десятилетия. Ведь желание заниматься спортом, стремление к вершинам спортивного мастерства, круглогодичные изнуряющие тренировки — все это является своеобразным раздражителем для нервной системы, вызывающим определенные функциональные сдвиги и связанным с субъективным чувством усталости, утомления, психологического дискомфорта. И при всем этом человек не перестает стремиться к спортивным высотам, реализуя явно ресурсозатратную активность.

Если обратиться к истории спорта, становится очевидным, что перед спортсменами во все времена стояла проблема повышения спортивной мотивации. Так как спорт изначально появился как тренировочная деятельность воинов и охотников, логично, что спортивная мотивация формировалась из стремления удов-

летворить основные потребности человека: в безопасности и пропитании. В связи с тем что со временем спорт превратился в отдельный вид деятельности, изменились и особенности спортивной мотивации [9, с. 3].

В научной среде с данной проблематикой косвенно столкнулись еще в рамках первых научных исследований спортивных психологов. Так, например, В.А. Родионов в своей книге «История спортивной психологии» приводит интересный факт, что еще в 1891 году немецкий врач Г. Кольб, проведя исследование гребцов во время гонок на 2000 метров и выяснив особенности преодоления так называемой «мертвой точки», написал: «В конце второй минуты наступает момент, когда человек в обычной жизни при максимальном напряжении перестает действовать» [7, с. 115], а в спортивной, соревновательной ситуации преодолевает этот порог. Таким образом, уже тогда было обращено внимание на особенности спортивной мотивации.

А.Ц. Пуни в очерках психологии спорта подробно описывает эксперимент, проведенный в США и обращенный к проблеме спортивной мотивации. Так, пишет А.Ц. Пуни, еще в 1897 году американский врач Н. Триплет провел эксперимент, который можно отнести в равной степени к области как социальной, так и спортивной психологии. Будучи любителем велосипедного спорта, он обратил внимание, что в парных или групповых состязаниях гонщики показывают более высокий результат [6, с. 6].

Многие отечественные ученые А.Я. Дука, Е.П. Ильин, В.Н. Непопалов, Р.А. Пилюян, А.В. Родионов, В.Ф. Сопов, Г.П. Фураев, Н.А. Худадов разрабатывали проблематику спортивной мотивации. Их исследования в основном затрагивают вопросы материальных потребностей в структуре спортивной мотивации, влияние социально-бытовых потребностей на спортивную деятельность, особенности мотивации спортсменов с различной направленностью личности и т. д. [2; 4; 6 и др.]

Также стоит отметить, что большое число имеющихся исследований зарубежных психологов (М. Валлинг, Дж. Дуда, Дж. Николс и др.) в основном сосредоточены на вопросах общего мотивационного климата в спортивных командах и факторах, которые его обуславливают [8].

Программа эмпирического исследования

Нами было проведено социально-психологическое исследование, посвященное изучению особенностей структуры спортивной мотивации спортсменов, занимающихся командными и индиви-

дуальными видами спорта. Такой ракурс исследования представляется вполне эвристичным, поскольку он позволяет прояснить, насколько командная деятельность (в данном случае, в рамках командных видов спорта) сказывается на формировании структуры спортивной мотивации.

Целью работы является анализ взаимосвязи между особенностями структуры спортивной мотивации и такими психологическими факторами как направленность личности, ценностные ориентации, зависть. Для реализации поставленной цели нами было спланировано и проведено эмпирическое исследование, методологической основой которого выступили следующие теоретические представления.

Во-первых, был осуществлен детальный анализ структурной модели спортивной мотивации достижений, разработанной Р.А. Пилюяном, в которой четко определяется, что структура мотивации достижения спортсменов носит индивидуальный характер и включает побудительные, базисные и процессуальные основания [5].

Во-вторых, при изучении особенностей личности спортсмена в условиях соревнований было выяснено, что деятельность по достижению результата требует от спортсмена знания внешних и внутренних условий, которые приведут к успешному завершению действия.

В-третьих, в результате анализа литературы, посвященной вопросам ценностных ориентаций и, в частности, взаимосвязи ценностных ориентаций и мотивации было показано, что в зависимости от условий индивидуализм и коллективизм по-разному влияют на мотивационную сферу личности.

В-четвертых, был проанализирован вопрос влияния зависти на мотивационную сферу, учитывая, что профессиональная спортивная деятельность сопровождается серьезными эмоциональными переживаниями и потому возникновение чувства зависти у спортсменов — явление далеко не редкое.

В-пятых, были рассмотрены исследования направленности личности и ее связи с характером мотивации у спортсменов: указанная проблематика активно разрабатывается сегодня и посвящена особенностям личностной направленности взрослых спортсменов и юниоров. Однако стоит специально подчеркнуть, что в рамках данных исследований практически отсутствуют разработки, где бы в этом плане сравнивалась структура мотивации спортсменов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта.

В-шестых, в результате многочисленных исследований был сделан вывод: влияние актуального состояния субъекта и состояния ситуации (окружения) обоюдно зависят друг от друга, так как сила внутреннего мотива проявляется больше всего при подкреплении его ситуационным стимулом, по своему содержанию сопряженным с этим мотивом. Говоря о спортивной деятельности, мы сталкиваемся с двумя основными видами ситуаций — тренировочной и соревновательной, каждая из которых по-своему связана со спортивной мотивацией, которая в зависимости от личных особенностей и ситуации может быть либо растущей либо снижающейся [12].

Методы исследования. Для определения особенностей структуры спортивной мотивации в группах мы выбрали опросник, разработанный авторским коллективом под руководством Р.Дж. Валле-

ранда, который был переведен и адаптирован для работы в России в 2010–2011 годах. Опросник позволяет определить особенности структуры по шести компонентам: внутренние мотивы — узнавание нового, получение положительных эмоций, совершенствование собственных навыков и внешние — смещение цели, обостренное чувство долга, социальное одобрение [10, с. 35–53].

Помимо структурных особенностей спортивной мотивации, перед нами стояла задача определить ценностные ориентации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта, для чего был выбран опросник «Индивидуализм — коллективизм», позволяющий определить ценностные ориентации, которые носят вариативный характер, так как предпочтение коллективистических или индивидуалистических ценностей тесно связано с актуальным социальным окружением (личностные характеристики, семья, друзья) [3].

Для определения направленности личности спортсменов разных категорий была использована ориентационная анкета Б. Басса, позволяющая выявить направленности на себя, на общение, на дело [13].

Также мы определяли у спортсменов проявление зависти как мотива с помощью переведенного опросника «DES» («Шкала диспозициональной зависти» [11], который позволяет определить уровень этого проявления.

Характеристика выборки. Выборка испытуемых состояла из 160 человек: спортсмены командных видов спорта (футбол, волейбол, баскетбол, хоккей) — 80 человек, спортсмены индивидуальных видов спорта (легкая атлетика, теннис, гольф) — также 80 человек.

Для сравнения полученных результатов по разным категориям спортсменов

была использована процедура сравнительного анализа, был проведен корреляционный анализ для поиска взаимосвязей между различными личностными параметрами (ценностные ориентации, направленность личности и зависть как один из основных мотивов мотивации достижения) и составляющими спортивной мотивации.

Обработка данных осуществлялась с помощью ПО: Microsoft Excel, «Statistica» for Windows.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты продемонстрировали, что рассматриваемые личностные параметры значимо взаимосвязаны с составляющими структуры мотивации спортсменов как индивидуальных, так и командных видов спорта. Соответствующие показатели корреляционного анализа представлены в табл. 1.

Как можно увидеть из данных табл. 1, мотивация на «узнавание нового» значимо положительно коррелирует с направленностью на коллективизм ($r = 0,25$), а мотивация «долженствование» (обостренное чувство долга) — с направленностью на индивидуализм ($r = 0,25$). Объяснение этому может быть следующим: стремление узнавать что-то новое может реализовываться через построение системы социальных связей и взаимоотношений в социальной среде и поддержание этих отношений, например, с референтной группой (избирательность «новостной» и значимой информации, обсуждение и оценки «нового» с представителями своего социального окружения и т. п.). Что касается достаточно высокого уровня положительной корреляционной взаимосвязи мотивации «долженствования» и направленности на индивидуализм, можно объяснить и спецификой социальной среды, в которой существуют и постоянно функционируют профессиональные спортсмены, а именно, установками на результат, на достижение цели, что, в

Таблица 1

Взаимосвязь личностных параметров и видов мотивации

Виды мотивации	Личностные параметры			
	индивидуализм	коллективизм	направленность на себя	направленность на общение
Мотивация на узнавание нового	0.19 *	0.25 **		
Мотивация на саморазвитие	0.23*			
Внешняя мотивация «смещение цели»			0.21 *	
Мотивация долженствования (обостренное чувство долга)	0.25 **	0.21 *		
Мотивация социального одобрения		- 0.29**		- 0.23 *

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$ — уровень статистической значимости.

свою очередь, зависит от индивидуального вклада каждого спортсмена в общий результат игровой команды или сборной.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение отрицательной корреляции между мотивацией социального одобрения и направленностью на коллективизм ($r = -0,29$); а также меньшей по величине отрицательной корреляцией между мотивацией социального одобрения и направленностью на общение ($r = -0,23$). Другими словами, чем выше уровень мотивации социального одобрения, тем ниже уровень направленности на коллективизм и общение.

Данный факт, на наш взгляд, можно также объяснить специфическими условиями социальной среды профессиональных спортсменов. Так, например, логично, что формирование установки на резуль-

тат, на достижение цели (выиграть в соревновании) сопряжено со стремлением продемонстрировать свои, прежде всего, индивидуальные достижения, поскольку они зависят только от самого спортсмена, а не команды в целом. Таким образом, индивидуальный вклад в общий командный результат или нацеленность на индивидуальные личные достижения в профессиональном спорте могут объяснить различия в мотивации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта.

Обнаруженные при анализе данных результаты позволили акцентировать внимание на поиске различий в структуре мотивации спортсменов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта. Так, результаты сравнительного анализа (приведены только значимые различия) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ структуры мотивации у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта

Составляющие структуры мотивации	Средние значения (группа: командные виды спорта)	Средние значения (группа: индивидуальные виды спорта)	<i>t</i> -критерий Стьюдента	<i>p</i> (уровень статистической значимости)
Мотивация на саморазвитие	19.27	21.40	-3.12	0.00 *
Мотивация достижения эмоциональных переживаний	19.05	20.62	-2.30	0.02
Мотивация должностования (обостренное чувство долга)	18.33	19.70	-1.99	0.05
Личностная направленность на индивидуализм	32.58	29.23	2.86	0.01
Направленность на семью	26.38	29.62	-3.33	0.00 *
Зависть как основной мотив	13.63	18.97	-7.30	0.00 *

Примечание. 0.00 * уровень статистической значимости $p < 0.001$.

Из данных табл. 2 мы видим, что все составляющие структуры мотивации, а именно, мотивация на саморазвитие, мотивация достижения эмоциональных переживаний, мотивация ответственности (обостренное чувство долга), зависть как основной мотив; а также личностная направленность на семью у спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта, выше, чем у спортсменов, избравших командные виды. Обнаруженные в рамках данной выборки результаты могут свидетельствовать в пользу представления, что и уровень общей мотивации у спортсменов в индивидуальных видах спорта более высок, нежели у спортсменов командных видов спорта. Однако данное предположение нуждается в дальнейшей эмпирической проверке на более многочисленной выборке испытуемых.

Единственным параметром, который существенно выше у спортсменов, занимающихся командными видами спорта, является направленность на индивидуализм. На наш взгляд, данный факт выглядит вполне логичным, поскольку формируемая с самых ранних этапов профессиональной карьеры мотивация у спортсменов, избравших командные виды спорта, базируется именно на приоритетах общих, коллективных достижений высоких результатов — результатов команды как «единого целого». В этой связи направленность на индивидуализм можно рассматривать как некую особую, специфическую «компенсацию» личности спортсмена, который избрал для себя командный вид спорта.

Заключение

В ходе проведенного исследования были обнаружены определенные психологические закономерности и зависимости, уже как бы сами по себе «задающие» определенные направления дальнейшего развития данной проблематики. Так, например:

выявленные взаимосвязи между некоторыми личностными параметрами и составляющими структуру мотивации (а именно между направленностью личности и основными видами спортивной мотивации) могут помочь в поиске скрытых (внутренних) факторов, обуславливающих успешное формирование мотивации спортсменов;

обнаруженные различия в структуре мотивации и направленности спортсменов, избравших командные и индивидуальные виды спорта, дают основания для разработки рекомендаций тренерам, осуществляющим подготовку профессиональных спортсменов, учитывая саму специфику различных видов спорта.

Таким образом, можно заключить, что настоящее исследование в определенной мере позволяет расширить проблематику изучения вопроса формирования спортивной мотивации. В свою очередь, это может стать основанием для разработки программ, развивающих и поддерживающих положительную мотивацию к занятиям спортом, что, само себе, является наиболее эффективным средством психологической подготовки в такой области профессиональной деятельности, как спорт высших достижений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веркса А.Н., Леонов С.В.* Социально-психологические аспекты работы спортивного психолога и тренера с командой // Социальная психология и общество. 2011. № 2.
2. *Дукка А.Я.* Психологические особенности спортсменов-юниоров с различной направленностью личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
3. *Жарова Е.Н.* Сравнительный анализ индивидуалистических и коллективистических ценностных ориентаций как социально-психологических характеристик молодежи (на примере урбанизированной и неурбанизированной среды). Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.
4. *Пилюян Р.А.* Структура мотивации достижения спортсмена // Мотивация спортивной деятельности. М., 1984.
5. *Пилюян Р.А., Фураев Г.П.* Подготовка спортсменов с учетом особенностей их мотивации // Теория и практика физической культуры. 1988. № 3.
6. *Пуни А.Ц.* Очерки психологии спорта. М., 1959.
7. *Родионов В.А.* История спортивной психологии // Системная психология и социология. 2012. № 5.
8. *Duda J.L., Reinboth M.* The motivational climate, perceived ability, and athletes' psychological and physical well-being // The Sport Psychologist. 2004. V. 18.
9. *Lombardo M.P.* On the Evolution of Sport // Evolutionary Psychology. 2012. V. 10.
10. *Pelletier L.G., Fortier M., Vallerand R.J., Briere N.M., Tuson K.M. and Blais M.R.* The sport motivation scale (SMS-28) // Journal of Sport and Exercise Psychology. 1995. V. 17.
11. *Smith R.H., Parrott W.G., Diener E.F., Hoyle R.H. and Kim S.H.* Dispositional Envy Scale [Database record]. 1999. Retrieved from PsycTESTS. doi: 10.1037/t07232-000.
12. <http://psyera.ru/individ-i-situaciya-lokalizaciya-prichinnosti-povedeniya-1048.htm>
13. http://www.psychologos.ru/articles/view/orientacionnaya_anketa_bassa

Features of Motivation in Sportspersons in Team and Individual Sports

S.A. KUZNECOV

PhD student at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper describes a study on features of sports motivation in persons participating in team and individual sports. It outlines the research program, discusses the data obtained in the study and defines the main directions for further explorations.

Keywords: *sports motivation, value orientation, personality orientation, team and individual sports.*

REFERENCES

1. Veraksa A.N., Leonov S.V. Social'no-psihologicheskie aspekty raboty sportivnogo psihologa i trenera s komandoi // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2011. № 2.
2. Dukka A.Ya. Psihologicheskie osobennosti sportsmenov-yuniorov s razlichnoi napravlennost'yu lichnosti: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1988.
3. Zharova E.N. Sravnitel'nyi analiz individualisticheskikh i kollektivisticheskikh cennostnykh orientacii kak social'no-psihologicheskikh harakteristik molodezhi (na primere urbanizirovannoi i neurbanizirovannoi sredy). Diss. .... kand. psihol. nauk. M., 2009.
4. Piloyan R.A. Struktura motivacii dostizheniya sportsmena // Motivaciya sportivnoi deyatel'nosti. M., 1984.
5. Piloyan R.A., Furaev G.P. Podgotovka sportsmenov s uchedom osobennostei ih motivacii // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury. 1988. № 3.
6. Puni A.C. Ocherki psihologii sporta. M., 1959.
7. Rodionov V.A. Istoriya sportivnoi psihologii // Sistemnaya psihologiya i sociologiya. 2012. № 5.
8. Duda J.L., Reinboth M. The motivational climate, perceived ability, and athletes' psychological and physical well-being // The Sport Psychologist. 2004. V. 18.
9. Lombardo M.P. On the Evolution of Sport // Evolutionary Psychology. 2012. V. 10.
10. Pelletier L.G., Fortier M., Vallerand R.J., Briere N.M., Tuson K.M. and Blais M.R. The sport motivation scale (SMS-28) // Journal of Sport and Exercise Psychology. 1995. V. 17.
11. Smith R.H., Parrott W.G., Diener E.F., Hoyle R.H. and Kim S.H. Dispositional Envy Scale [Database record]. 1999. Retrieved from PsycTESTS. doi: 10.1037/t07232-000.
12. <http://psyera.ru/individ-i-situaciya-lokalizaciya-prichinnosti-povedeniya-1048.htm>
13. http://www.psychologos.ru/articles/view/orientacionnaya_anketa_bassa

Исследование социально-психологических детерминант участия женщин в общественной деятельности

Н.А. МОЛДОВАН

*ассистент кафедры начального и коррекционного образования
Львовского национального университета имени Ивана Франка,
аспирант кафедры психологии Львовского национального университета
имени Ивана Франка*

В статье представлены результаты исследования детерминант, определяющих участие женщин в общественных объединениях Украины. Показано, что активная общественная позиция женщин формируется под воздействием нескольких факторов: мотивационного (доминирование мотива общественной полезности, творческой активности, социальных ценностей), личностного (открытость новому опыту, стабильность), эмоционального (удовлетворённость жизнью в целом, работой, душевное спокойствие), межличностного (доминирование, дружелюбность в отношениях с окружающими).

Ключевые слова: общественная активность, женские общественные объединения, мотивация общественной деятельности.

К постановке проблемы

Несмотря на то что активизация общественной деятельности женщин является важной проблемой современного общества, развитие перспективных общественных объединений, в качестве главной цели которых выступает помощь женщинам и их семьям, с одной стороны, блокируется внешними факторами (нехваткой материальных, организационных, человеческих ресурсов и т. п.), а с другой — сдерживается рядом психологических детерминант: низкой мотивацией общественной активности, искажённой системой ценностей, личностными характеристиками конкретных индивидов и т. п.

В то же время сегодня значительно увеличилось количество публикаций, посвящённых проблематике активности граждан в общественной и политической

жизни общества. Психологические механизмы формирования социальной активности и ее виды и формы интенсивно изучают как отечественные, так и зарубежные исследователи [2; 6; 7; 9; 10; 11 и др.]. Вместе с тем все еще незначительное внимание уделяется рассмотрению феномена общественной активности женщин. В связи с этим целью нашего исследования было выявление формально-статусных и социально-психологических детерминант участия женщин в деятельности женских общественных объединений.

Программа экспериментального исследования

В исследовании, которое было проведено в г. Львове в 2009—2013 годах, участвовали 300 женщин в возрасте от 17 до

58 лет. Половина из них принимали участие в работе женских общественных объединений [3], другие 150 женщин – не участвовали в общественной деятельности.

В исследовании использовался методический комплекс, включающий в себя как методы психологической диагностики, так и методы статистической обработки данных.

Социально-психологические детерминанты общественной активности женщин изучались с помощью батареи диагностических процедур, направленных на определение потребностей, мотивов, ценностей, направленности личности, её психологических особенностей, типов взаимодействия с окружающими, а также оценки качества жизни в различных сферах.

Мотивационные детерминанты определялись с помощью методики диагностики личностных и групповых базовых потребностей [8], методики диагностики мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана [8], методики мотиваторов социально-психологической активности личности [8], экспресс-диагностики социальных ценностей личности [8], методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потёмкиной [5].

Определение психологических особенностей активных в общественной жизни женщин осуществлялось с помощью диагностики пяти факторов личности Дж. Ховарда, П. Медины и Ж. Ховард (адаптация Л.Ф. Бурлачука, Д.К. Королёва) [1], гендерного профиля женских стереотипов, шкалы «маскулинность-феминность» многофакторного личностного опросника FPI [4]; тип взаимодействия с окружающими людьми – методикой диагностики коммуника-

тивно-характерологических тенденций Т. Лири [8]; субъективная оценка качества жизни в разных сферах – с помощью методики «Оценка качества жизни» З.Ф. Дудченко (модификация Н.П. Фетискина, Т.И. Мироновой) [8].

Определение формально-статусных детерминант участия женщин в деятельности общественных объединений проводилось с помощью авторской анкеты, целью которой было определение таких показателей, как возраст, социальный статус, наличие детей, уровень образования женщины и членов её семьи, количество свободного времени на протяжении дня, опыт общественного участия в прошлом, уровень социальной активности родителей и знакомых.

Статистическая обработка данных предполагала определение различий между выборками испытуемых с помощью критерия Шеффе, выявление связей между исследованными характеристиками с помощью метода вычисления ранговой корреляции Спирмена, метода факторного анализа переменных (метод главных компонент), регрессионного анализа с построением логит-моделей.

Результаты эмпирического исследования

Результаты проведенного исследования мы объединили в шесть структурных блоков, чтобы всесторонне характеризовать социально-психологические детерминанты участия женщин в общественной деятельности.

I. Блок психических состояний. Данный блок включает, с одной стороны, стремление женщин активно преобразовывать окружающую действительность

(общая активность, $r = 0,28$), а с другой — проявлять собственную индивидуальность, неповторимость и уникальность в социально-полезной деятельности (творческая активность, $r = 0,42$).

II. Личностный блок. Отображает доминирующие личностные качества женщин, среди которых можно выделить основные (нейротизм, $r = -0,22$, открытость опыту, $r = 0,29$) и дополнительные (внимательность к другим людям, $r = 0,39$, любовь к детям, $r = 0,34$, склонность к сопереживанию, $r = 0,32$, доброжелательность, $r = 0,30$, широкий круг интересов, $r = 0,29$, коммуникабельность, $r = 0,29$).

III. Мотивационный блок. Образован из источников активности, а именно: потребностей (самовыражение, $r = 0,32$, социальные потребности, $r = 0,26$), мотивов (общественная полезность, $r = 0,55$, достижение успеха, $r = 0,42$), ценностей (социальные, $r = 0,60$, интеллектуальные, $r = 0,30$) и мотивационной направленности (работа, $r = 0,34$, результат, $r = 0,29$).

IV. Блок эмоциональных детерминант. В его состав входят показатели, в которых измеряется субъективная оценка качества жизни (степень удовлетво-

рённости душевным спокойствием, $r = 0,32$, степень удовлетворённости жизнью в целом, $r = 0,23$).

V. Особенности взаимодействия с окружающей средой. Здесь отображается доминирующий тип взаимодействий с окружающими людьми. В данном случае это прослеживается в измерениях «доминирование-подчинение» и «агрессивность-дружелюбность». Речь идёт о стремлении к власти, доминированию в организации (доминирование, $r = 0,32$) или о желании устанавливать дружественные, равноправные отношения с другими участниками общественного объединения (агрессивность, $r = -0,12$).

VI. Блок формально-статусных характеристик. В данном блоке переменная «участие в общественном объединении» взаимосвязана с уровнем образования женщины ($r = 0,36$), общественной активностью её знакомых ($r = 0,44$) и общественной активностью матери ($r = 0,30$).

В результате факторизации переменных были выделены восемь факторов, объясняющих 42,18 % дисперсии и связывающих между собой анализируемые характеристики и детерминанты (табл. 1).

Таблица 1

Факторные нагрузки для подгруппы испытуемых женщин, принимающих участие в женских общественных объединениях

Фактор	Показатели и факторные нагрузки
Удовлетворённость базовых потребностей	Оценка качества жизни в целом ($F = 0,98$), мера удовлетворённости жизнью в целом ($F = 0,69$), семейное благополучие ($F = 0,63$), состояние здоровья ($F = 0,60$), удовлетворённость питанием ($F = 0,59$)
Поддержка оптимального жизненного состояния	Общежитейская направленность личности ($F = 0,92$), комфорт ($F = 0,77$), общение ($F = 0,73$), социальный статус ($F = 0,69$), жизнеобеспечение ($F = 0,64$)
Предрасположенность к окружающим	Дружелюбие ($F = 0,83$), альтруистичность ($F = 0,82$), зависимость ($F = 0,73$)
Общественная активность	Рабочая направленность личности ($F = 0,84$), общественная полезность ($F = 0,75$), творческая активность ($F = 0,71$), общая активность ($F = 0,54$)

Эгоистические тенденции	Эгоистичность (F = 0,54), агрессивность (F = 0,66), авторитарность (F = 0,66)
Ориентация на внешний мир	Экстраверсия (F = 0,75), открытость опыту (F = 0,69), склонность к согласию (F = 0,55)
Культурный капитал семьи	Образование матери (F = 0,62), образование отца (F = 0,54)
Стремление к доминированию	Доминирование (F = 0,64), подчинение (F = -0,56)

Следующим шагом для определения наиболее существенных детерминант участия женщин в деятельности женских общественных объединений является построение логит-модели (табл. 2). Для этого была использована процедура пошагового отбора данных, в ходе которой независимые переменные, имеющие наивысшие коэффициенты корреляции с зависимой переменной, поэтапно включались в модель.

Дополнительно была построена логит-модель для интегральных переменных (табл. 3), поскольку по своей конструкции они являются линейными комбинациями разных шкал.

На основании содержания логит-моделей можно утверждать, что доминирующими детерминантами участия женщин в общественной деятельности являются уровень образования женщины

Таблица 2

Логит-модель детерминант участия женщин в деятельности общественных объединений*

Фактор «Участие в общественном объединении»	Детерминанты	Коэффициент	Уровень значимости
	Материальные потребности	-0,097	0,00
	Потребности в безопасности	-0,12	0,00
	Потребности в самовыражении	0,11	0,00
	Жизнеобеспечение	-0,17	0,00
	Общественная полезность	0,22	0,00
	Общественные ценности	0,28	0,00
	Душевное спокойствие	0,17	0,02
Зависимость	-0,22	0,00	

* Формализация данных осуществлялась с учетом кластеризации женщин по уровням образования.

Таблица 3

Логит-модель детерминант участия женщин в деятельности общественных объединений (для интегральных переменных)*

Фактор «Участие в общественном объединении»	Детерминанты	Коэффициент	Уровень значимости
	Общежитейская направленность личности	-0,11	0,00
	Рабочая направленность личности	0,15	0,00
Доминирование	0,08	0,00	

* Формализация данных осуществлялась с учетом кластеризации женщин по уровням образования.

(прямая зависимость), её материальные потребности (с повышением уровня материальных потребностей на 1 балл по шкале методики диагностики личностных и групповых базовых потребностей отношение активных в общественной жизни женщин к неактивным происходит снижение на 9,7 %), потребности в безопасности (снижение на 12 %), потребность в самовыражении (повышение на 11 %), жизнеобеспечение (с повышением жизнеобеспечения на 1 балл по шкале методики диагностики мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана отношение активных в общественной жизни женщин к неактивным снижается на 17 %), общественная полезность (повышение на 22 %), общежитийская направленность личности (снижение на 11 %), рабочая направленность личности (повышение на 15 %), общественные ценности (повышение на 28 %), душевное спокойствие (увеличение показателя на 1 балл по шкале методики «Оценка качества жизни» З.Ф. Дудченко отношение активных в общественной жизни женщин к неактивным повышается на 17 %), тенденция к подчинению (увеличение показателя на 1 балл по шкале методики диагностики коммуни-

ционно-характерологических тенденций Т. Лири отношение активных в общественной жизни женщин к неактивным снижается на 22 %), доминирование (повышение на 8 %). Подводя итоги, можно выделить способствующее и блокирующее влияние детерминант на участие женщин в общественной деятельности (табл. 4).

В ходе данного исследования особый интерес вызвал вопрос о мотивации участия женщин в женских объединениях разных типов. В связи с этим был проведён с использованием критерия Шеффе сравнительный анализ социально-психологических особенностей участниц просветительских, политическо-ориентированных и социально-ориентированных объединений. Как выяснилось, женщины с богатым жизненным опытом чаще направляют свои силы на возрождение духовных ценностей и национальных традиций. Молодое поколение больше концентрируется на деятельности, связанной с решением острых социальных проблем (возраст, $p \leq 0,04$). Участницы политически-ориентированных женских объединений характеризуются наиболее высоким уровнем образования ($p \leq 0,01$) в сравнении с представитель-

Таблица 4

Влияние формально-статусных и социально-психологических детерминант на участие женщин в деятельности женских общественных объединений

Влияние детерминант	
способствующее	блокирующее
Уровень образования	Неудовлетворённость материальных потребностей
Мотивация общественной полезности	Неудовлетворённость потребностей в безопасности
Общественные ценности	Эгоистическая мотивация жизнеобеспечения
Душевное спокойствие	Зависимость
Рабочий мотивационный профиль	Общежитийский мотивационный профиль
Доминирование	
Неудовлетворённость потребностей в самовыражении	

ницами других подгрупп. По-видимому, акцентированная направленность деятельности на защиту социальных, экономических и политических прав граждан требует от женщин более высокого уровня знаний и всестороннего развития.

Деятельность активисток из социально-ориентированных общественных объединений больше направлена на личную свободу ($p \leq 0,03$) в сравнении с участницами политических объединений, а также больше ориентирована на деньги ($p \leq 0,02$) в сравнении с представительницами просветительских объединений. Таким образом, участие женщин в социально-ориентированных объединениях осуществляется, с одной стороны, согласно их собственному волеизъявлению и прежде всего направлено на удовлетворение природных потребностей. С другой стороны, они не исключают возможности получить дополнительный заработок от реализации общественных проектов.

У представительниц политически ориентированных объединений наблюдается большая неудовлетворённость материальными потребностями в сравнении с участницами просветительских ($p \leq 0,01$) и социально-ориентированных объединений ($p \leq 0,02$). Кроме этого, в сравнении с другими, их отличает наиболее высокое стремление к власти. Участниц просветительских женских объединений, в свою очередь, отличают от других подгрупп более неудовлетворённые социальные потребности ($p \leq 0,001$). Можно предположить, что в просветительских объединениях женщины ищут единомышленников и стремятся «убежать» от одиночества. Для активисток объединений, имеющих политическую

направленность, общественная деятельность может выступать в качестве трамплина к последующей политической карьере, которая гарантирует возможность высокого заработка и влияния в обществе.

Активистки политических женских объединений, взаимодействуя с окружающими людьми, чаще, чем участницы объединений с другой направленностью, используют эгоистические тенденции ($p \leq 0,001$). В свою очередь, представительницы социально-ориентированных формирований более дружелюбны по отношению к окружающим ($p \leq 0,03$). Вместе с этим, участницы политически ориентированных объединений более маскулинны ($p \leq 0,001$) в сравнении с активистками объединений, деятельность которых носит социальный характер.

Выводы

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно выделить следующие ключевые позитивные детерминанты в системе мотивации участия женщин в женских общественных объединениях.

1. Стремление к саморазвитию, власти и самореализации (неудовлетворённые потребности в самореализации, интеллектуальные ценности, доминирование, неудовлетворённость своим статусом в обществе, мотивация власти).

2. Стремление быть полезной обществу и окружающим (общественная полезность, общественные ценности).

3. Стремление к интеграции, общению и улучшению качества жизни (социальные потребности, удовлетворённость жизнью в целом).

Анализ негативных, блокирующих общественную активность женщин факторов, существенно воздействующих на мотивационную сферу, позволяет сделать вывод, что участие в общественном объединении в решающей степени зависит от уровня концентрации женщины на проблемах повседневного выживания семьи, эгоистического настроения, самоуверенности, раздражительности и критичности. Вместе с этим, большое значение для участия в общественной деятельности имеют интерес к новым знаниям и опыту, активная жизненная позиция женщины и ее дружелюбие.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что среди формально-статусных детерминант общественного участия женщин в общественной деятельности наиболее существенную роль играет наличие знаний и высшего образования. В свою очередь, среди мотивационных детерминант общественной активности женщин необходимо выделить тенденцию к доминированию, поиск поддержки и безопасности, преобладание в ценностно-мотивационной сфере общественной полезности и общественных ценностей.

Сравнительный анализ социально-психологических особенностей участниц просветительских, политико-ориентированных и социально-ориентированных объединений показал, что активистки из просветительских объединений в большинстве случаев имеют зрелый воз-

раст, нуждаются в общении с другими людьми, желают быть необходимыми обществу. Участниц объединений политической направленности от других отличает более высокий уровень образования, мотивация к власти и доминированию, акцентированность на личных интересах. Активистки социально-ориентированных женских объединений — самые младшие по возрасту, они проявляют общественную активность «по призванию», желают заботиться об окружающих, но при этом не исключают возможности для себя дополнительного заработка.

И всё же если говорить об активистках женского общественного движения в целом, следует отметить, что откликаясь на динамические потребности гражданского общества, стремясь на деле решать проблемы женщин и их семей, они генерируют творческие идеи, нацелены на активную жизненную позицию. Деятельность в женском объединении основана на межличностном взаимодействии, в основании которого — доверие, поддержка, желание лучше узнать себя и других, чувство принадлежности и единства. Женское объединение, с одной стороны, выступает для участниц общественной деятельности «школой личностного развития», гражданской зрелости, повышает уровень их культуры, знаний, умений и навыков, а с другой — даёт возможность приносить пользу обществу и помогать тем, кто нуждается в поддержке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачук Л.Ф. Адаптация опросника для диагностики пяти факторов личности // Вопросы психологии. 2000. № 1.
2. Найдьонова Л.А. Розвиток громадянського суспільства як участь у колективних діях спільнот // Збірник наукових праць Інституту соціальної та політичної психології АПН України. Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина української держави. Київ, 2008. Вип. 7.
3. Неурядові організації України, що займаються жіночими та гендерними питаннями. Довідник / Під ред. Г. Дацюк. К., 2006.
4. Практикум по экспериментальной и практической психологии / Под ред. А.А. Крылова. СПб., 1997.
5. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Самара, 2008.
6. Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2007.
7. Слюсаревський М.М. Політична участь як особливий "зріз" політичної поведінки // Політичний менеджмент. 2009. № 5.
8. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Под ред. Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. М., 2009.
9. Grzelak J., Zinserling I. Aktywnosc spoleczna a wartosci i orientacje spoleczne // Studia Psychologiczne. 2003. T. 41. Z. 3.
10. Herbst J. Oblicza spoleczenstwa obywatelskiego. Warszawa, 2005.
11. Lewicka M. Dwusieczkowy model aktywnosci spolecznej: Kapital spoleczny czy kulturowy? // Rozne oblicza altruizmu / red. D. Rutkowska, A. Szuster. Warszawa, 2008.

Research on Social Psychological Determinants of Women's Participation in Public Activities

N.A. MOLDOVAN

PhD student at the Department of Psychology, assistant lecturer at the Department of Primary and Curative Education, Ivan Franko National University of Lviv

The paper presents outcomes of a research on determinants affecting women's participation in public associations in Ukraine. The data illustrate that the active public position in women is formed under the influence of the following factors: motivational (i.e. predominance of social utility motives, creative activities, social values) personality (openness to new experience, stability), emotional (overall life and work satisfaction, peace of mind), and interpersonal (dominance, friendliness in relationships with others).

Keywords: *public activity, women's public associations, motivation of public activity.*

REFERENCES

1. Burlachuk L.F. Adaptaciya oprosnika dlya diagnostiki pyati faktorov lichnosti // Voprosy psihologii. M., 2000. № 1.
2. Naid'onova L.A. Rozvitok gromadyans'kogo suspil'stva yak uchast' u kolektivnih diyah spil'not // Zbirnik naukovih prac' Institutu social'noi ta politichnoi psihologii APN Ukraini. Problemi politichnoi psihologii ta ii rol' u stanovlenni gromadyanina ukrains'koi derzhavi. Kiev, 2008. Vip. 7.
3. Neuryadovi organizacii Ukraini, sho zaimayut'sya zhinochimi ta gendernimi pitanniyami. Dovidnik / Pid red. G. Dacyuk. K., 2006.
4. Praktikum po eksperimental'noi i prakticheskoi psihologii / Pod red. A.A. Krylova. SPb., 1997.
5. Raigorodskii D.Ya. Prakticheskaya psihodiagnostika. Samara, 2008.
6. Semenyuk L.M. Psihologiya grazhdanskoi aktivnosti: osobennosti, usloviya razvitiya: Diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 2007.
7. Slyusarevs'kii M.M. Politichna uchast' yak osoblivii "zriz" politichnoi povediki // Politichnii menezhment. 2009. № 5.
8. Fetiskin N.P. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp / Pod red. N.P. Fetiskina, V.V. Kozlova, G.M. Manuilova. M., 2009.
9. Grzelak J., Zinserling I. Aktywnosc spoleczna a wartosci i orientacje spoleczne // Studia Psychologiczne. 2003.T. 41. Z. 3.
10. Herbst J. Oblicza spoleczenstwa obywatelskiego. Warszawa, 2005.
11. Lewicka M. Dwusieczkowy model aktywnosci spolecznej: Kapital spoleczny czy kulturowy? // Rozne oblicza altruizmu / red. D. Rutkowska, A. Szuster. Warszawa, 2008.

**Методика исследования социокультурного пространства
организации «Краб» Ю.Д. Красовского:
психометрические характеристики полной версии
и разработанного экспресс-варианта**

В.Г. ГРЯЗЕВА-ДОБШИНСКАЯ

*доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей психологии
Южно-Уральского государственного университета*

П.С. ГЛУХОВ

*аспирант, преподаватель кафедры общей психологии
Южно-Уральского государственного университета*

В статье представлены результаты проверки психометрических характеристик методики исследования социокультурного пространства организации «КРАБ» Ю.Д. Красовского: данные проверки на согласованность шкал методики и анализа на нормальность распределения шкал методики. Описаны этапы работы по созданию экспресс-варианта этой методики: отбор пунктов, результаты проверки шкал экспресс-варианта методики на согласованность, результаты анализа на нормальность распределения. Представлены результаты проверки методики «КРАБ» на валидность.

Ключевые слова: *методика исследования социокультурного пространства организации «КРАБ», проверка психометрических характеристик, согласованность шкал методики, нормальность распределения шкал методики, организационная культура, типы управленческих ориентаций.*

Эффективность компании во многом определяется ее организационной культурой, к сфере которой относятся ценности менеджмента, традиции принятия решений и общения с подчиненными, конвенциональность поведенческих норм [8; 12; 13; 14 и др.]. В связи с этим одной из самых востребованных задач в практике организационного психологического консультирования является диагностика и анализ организационной культуры. Для полноценного ее решения нужна и системная концепция организационной культуры, и предложенный на её базе диагностический инструментарий. Этим

требованиям отвечает концепция социокультурного пространства Ю.Д. Красовского, на основе которой разработан инструментарий для эмпирического исследования, позволяющий операционализировать основные положения этой концепции. Согласно концепции, в системе управленческих ориентаций менеджеров в отношении персонала организации, представляющих различные стороны культуры фирм, управленческие ориентации разделяются на две группы по критерию наличия обратной связи между менеджерами и подчиненными: формализованные и персонализированные.

Формализованные управленческие ориентации выражают односторонние способы воздействия «сверху вниз» и не предполагают обратной связи от подчиненных [9; 10]. К ним относятся:

а) авторитарическая — проявляется в том, что работники подчиняются силе (воле) руководителя;

б) технократическая — работники подчиняются производственному процессу;

в) бюрократическая — работники подчиняются организационному порядку, зачастую в ущерб делу.

Персонализированные управленческие ориентации выражают двухсторонний способ взаимодействия «сверху вниз» и «снизу вверх», их проявление подразумевает обратную связь от подчиненных. К ним относятся:

а) демократическая, которая проявляется в том, что руководитель постоянно учитывает мнение работников в корректировке рабочего процесса;

б) гуманизаторская — руководитель относится к работникам, уважая их человеческое достоинство;

в) инноваторская — руководитель, предоставляя свободу творчества работникам, организует внедрение инициативных предложений.

Кроме вышеперечисленных, Ю.Д. Красовский также выделяет две полярные управленческие ориентации, характеризующие систему способов стимулирования работников: мобилизаторскую и конфликтную [9; 10].

Для анализа управленческих ориентаций на практике Ю.Д. Красовский предлагает разработанную на основе описанной концепции методику «КРАБ». Она представляет собой опросник, в котором респонденту необходимо

оценить себя по 80 высказываниям, за каждым из которых стоит определённое поведенческое проявление. Высказывания группируются в восемь шкал, соответствующих восьми управленческим ориентациям («бюрократическая ориентация», «технократическая ориентация», «авторитарическая ориентация», «инноваторская ориентация», «гуманизаторская ориентация», «демократическая ориентация», «конфликтная ориентация», «мобилизаторская ориентация»). Для оценки каждого поведенческого проявления предлагается пятибалльная шкала: от максимального балла за ответ «проявляется именно так и постоянно» и до минимального балла за ответ «проявляется не совсем так и иногда».

Методика обладает высокой прикладной ценностью, что было подтверждено в работе с организациями как самим автором, так и в рамках психологической программы для менеджеров «Инновационное лидерство» [7]. Однако в руководство по методике не включены психометрические характеристики, что не позволяет полноценно использовать её в научно-исследовательских целях. В связи с этим по согласованию с автором нами была проведена работа, направленная на получение психометрических параметров методики «КРАБ», а также разработка ее экспресс-варианта. Это обусловлено тем, что методика входит в батарею из восьми тестов психологического инновационного аудита, разработанного В.Г. Грязевой-Добшинской [6]. Разработка экспресс-варианта за счет уменьшения числа пунктов сделает выполнение методики более комфортным для испытуемых, минимизируя время ее выполнения, снизит вероятность случайных ошибок, связанных с утомлением, снижением концентрации

внимания. Разработка экспресс-варианта дает также возможность улучшить психометрические параметры, отобрав из полного варианта наиболее работающие и согласованные пункты.

Приведение к психометрическим нормам уже существующей методики и процедура разработки новой психодиагностической методики схожи между собой, потому мы будем опираться на технологию конструирования тестов, предложенную Н.А. Батуриным и Н.Н. Мельниковой [1–5]. С учетом предложенной авторами схемы было принято решение вернуться к исследовательскому этапу, включающему апробацию, анализ и коррекцию пунктов. Данный этап предполагает получение шкал, способных дифференцировать испытуемых по уровню изучаемого свойства. Исходя из этого, нами было поставлено 5 задач:

проверка согласованности шкал методики «КРАБ»;

проверка ее шкал на нормальность распределения;

отбор пунктов для экспресс-варианта»;

проверка шкал экспресс-варианта на согласованность;

проверка шкал экспресс-варианта на нормальность распределения. Частично рассмотрен также вопрос о валидности методики.

Для эмпирической апробации были взяты данные тестирования 162 менеджеров трех производственных предприятий г. Челябинска и Челябинской области.

Проверка согласованности шкал методики «КРАБ»

Для подтверждения степени внутренней согласованности шкал методики ис-

пользовался показатель α -Кронбаха. Результат представлен в табл. 1. Анализ согласованности шкал показал, что все пункты, предложенные ее автором, коррелируют с общим баллом при уровне значимости $p \leq 0,01$. Однако внутренняя согласованность отдельных пунктов различается у разных шкал. Так, минимальные значения корреляций пунктов с общим баллом встречаются в шкалах «бюрократическая ориентация» ($r \geq 0,25$) и «инноваторская ориентация» ($r \geq 0,26$). Также относительно невысокая корреляция с общим баллом встречается в пункте шкалы «гуманизаторская ориентация» ($r \geq 0,34$). Напротив, наивысшую согласованность показала шкала «мобилизационная ориентация», в которой минимально согласованный пункт показал корреляцию с общим баллом $r \geq 0,58$.

Таблица 1

Результаты исследования согласованности шкал методики «КРАБ» по показателю α -Кронбаха

Шкалы	Значение α -Кронбаха
Бюрократическая управ- ленческая ориентация	0,73
Технократическая » »	0,74
Автократическая » »	0,86
Инноваторская » »	0,75
Гуманизаторская » »	0,70
Демократическая » »	0,80
Конфликтная » »	0,84
Мобилизаторская » »	0,88

Как видно из табл. 1, степень согласованности по показателю α -Кронбаха достаточно разная (от 0,70 до 0,88). Наименее согласованной является шкала «гуманизаторская ориентация» ($\alpha = 0,70$). Следует заметить, что даже такой показатель считается отвечающим требова-

ниям [4]. На таком же, отвечающем требованиям уровне согласованы шкалы «бюрократическая ориентация» ($\alpha = 0,73$), «технократическая ориентация» ($\alpha = 0,74$) и «инноваторская ориентация» ($\alpha = 0,75$). Шкалы «автократическая ориентация» ($\alpha = 0,86$), «демократическая ориентация» ($\alpha = 0,80$), «конфликтная ориентация» ($\alpha = 0,84$) и «мобилизаторская ориентация» ($\alpha = 0,88$) являются очень хорошо согласованными. На основе полученных данных можно сделать вывод, что все шкалы достаточно согласованны для полноценной психологической диагностики по методике «КРАБ».

Анализ шкал методики «КРАБ» на нормальность распределения

Нормальность распределения определялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Анализ нормальности распределения шкал методики показал, что нормальному распределению соответствует шкала «технократическая ориентация» ($\lambda = 0,52$, $\rho = 0,95$). Максимально схожи с нормальным распределением такие шка-

лы, как «инноваторская ориентация» ($\lambda = 0,84$, $\rho = 0,49$), «гуманизаторская ориентация» ($\lambda = 0,85$, $\rho = 0,46$) и «бюрократическая ориентация» ($\lambda = 0,88$, $\rho = 0,42$). Относительно шкал «демократическая ориентация» ($\lambda = 0,99$, $\rho = 0,28$), «автократическая ориентация» ($\lambda = 1,19$, $\rho = 0,12$) и «мобилизаторская ориентация» ($\lambda = 1,29$, $\rho = 0,07$) можно сказать, что между ними и нормальным распределением есть различия, однако они не являются достоверными. Значимые достоверные различия, говорящие об отсутствии нормального распределения показателя, наблюдаются по шкале «конфликтная ориентация» ($\lambda = 1,92$, $\rho = 0,01$). В целом анализ нормальности распределения шкал показал, что распределение большинства параметров соответствует или близко к нормальному.

Отбор пунктов для экспресс-варианта методики «КРАБ»

В методике «КРАБ» для оценки каждого поведенческого проявления предлагается пятибалльная шкала, поэтому первым шагом стала оценка возможности пунктов задействовать её полностью, или, другими словами, оценка рабочей воз-

Таблица 2

Результаты исследования нормальности распределения шкал методики «КРАБ»

Шкалы	Значение Z Колмогорова-Смирнова	Уровень значимости
Бюрократическая управленческая ориентация	0,88	0,42
Технократическая » »	0,52	0,95
Автократическая » »	1,19	0,12
Инноваторская » »	0,84	0,49
Гуманизаторская » »	0,85	0,46
Демократическая » »	0,99	0,28
Конфликтная » »	1,92	0,01
Мобилизаторская » »	1,29	0,07

возможности пунктов дифференцировать испытуемых по проявлению заложенных в вопросах поведенческих проявлений. В связи с этим проведен анализ минимальных и максимальных значений по каждому пункту, который показал, что по всем 80 пунктам, предложенным автором, есть испытуемые, набирающие максимальный балл. Анализ выявил также два пункта, в которых не встречаются минимальные значения, — в шкалах «бюрократическая ориентация» и «демократическая ориентация». Данные пункты были исключены из дальнейшего отбора в экспресс-вариант методики «КРАБ».

Следующим шагом стал отбор пунктов, дающих внутреннюю согласованность шкал. Для этого мы обратились к оценке корреляций каждого пункта с общим баллом по шкале. Анализ формализованных ориентаций показал, что в шкале «бюрократическая ориентация» оставлены пункты, коррелирующие с общим баллом при $r \geq 0,58$, $\rho \leq 0,01$, в шкале «технократическая ориентация» — с общим баллом при $r \geq 0,55$, $\rho \leq 0,01$, в шкале «автократическая ориентация» — с общим баллом при $r \geq 0,64$, $\rho \leq 0,01$.

Анализ персонализированных ориентаций также показал высокую степень согласованности. В шкале «инноваторская ориентация» оставлены пункты, коррелирующие с общим баллом при $r \geq 0,61$, $\rho \leq 0,01$, в шкале «гуманизаторская ориентация» — с общим баллом при $r \geq 0,50$, $\rho \leq 0,01$, в шкале «демократическая ориентация» — с общим баллом при $r \geq 0,62$, $\rho \leq 0,01$.

Анализ согласованности управленческих ориентаций, характеризующих систему способов стимулирования работников, показал, что в шкале «мобилизаторская ориентация» остались пункты,

коррелирующие с общим баллом при $r \geq 0,67$, $\rho \leq 0,01$, а в шкале «конфликтная ориентация» — с общим баллом при $r \geq 0,59$, $\rho \leq 0,01$.

Таким образом, нами были отобраны из опросника пункты, которые показывали корреляции только при $r \geq 0,50$.

Проверка шкал экспресс-варианта методики «КРАБ» на согласованность

При уменьшении пунктов показатель согласованности, удовлетворяющий требованиям, достигается только в том случае, когда среднее значение корреляций становится выше. Так как количество оставшихся пунктов в каждой полученной шкале равно пяти, что является относительно небольшим в принципе и вдвое меньшим, чем в полном варианте методики, решено было проверить на согласованность вновь полученные шкалы. Результаты анализа с помощью показателя α -Кронбаха представлены в табл. 3.

Таблица 3
Результаты исследования согласованности шкал экспресс-варианта методики «КРАБ» по показателю α -Кронбаха

Шкалы	Значение α -Кронбаха
Бюрократическая » »	0,71
Технократическая » »	0,70
Автократическая » »	0,81
Инноваторская » »	0,77
Гуманизаторская » »	0,69
Демократическая » »	0,77
Конфликтная » »	0,74
Мобилизаторская » »	0,83

Анализ шкал формализованных ориентаций экспресс-варианта пока-

зал, что наибольшая согласованность у шкалы «автократическая ориентация» ($\alpha = 0,81$), у шкал «бюрократическая ориентация» ($\alpha = 0,71$) и «технократическая ориентация» ($\alpha = 0,70$) согласованность ниже, но все равно на достаточно высоком уровне. Среди шкал персонализированных ориентаций хорошая согласованность у шкал «инноваторская ориентация» ($\alpha = 0,77$) и «демократическая ориентация» ($\alpha = 0,77$). Несколько ниже согласованность шкалы «гуманизаторская ориентация» ($\alpha = 0,69$).

Анализ шкал управленческих ориентаций, характеризующих систему способов стимулирования работников, показал, что согласованность шкалы «мобилизаторская ориентация» на очень высоком уровне ($\alpha = 0,83$), а у шкалы «конфликтная ориентация» показатель согласованности несколько ниже ($\alpha = 0,74$), но тоже на достаточном уровне. Так как в современной психодиагностике принято считать, что «отвечающим требованиям» коэффициент внутренней согласованности должен быть не ниже 0,7, можно сделать вывод, что все шкалы экспресс-варианта являются таковыми.

Анализ шкал экспресс-варианта методики «КРАБ» на нормальность распределения

Нормальность распределения определялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Результаты анализа представлены в табл. 4.

Анализ нормальности распределения шкал экспресс-варианта показал, что максимально приближается к нормальному распределению шкала «технократическая ориентация» ($\lambda = 0,69$, $\rho = 0,74$). Шкалы «бюрократическая ориентация» ($\lambda = 1,16$, $\rho = 0,14$), «автократическая ориентация» ($\lambda = 1,26$, $\rho = 0,08$) и «инноваторская ориентация» ($\lambda = 1,26$, $\rho = 0,49$) близки к нормальному распределению, обнаруженные отличия от него не являются достоверными. По двум шкалам — «демократическая ориентация» ($\lambda = 1,37$, $\rho = 0,05$) и «конфликтная ориентация» ($\lambda = 1,36$, $\rho = 0,05$) наблюдаются минимально значимые достоверные различия, говорящие о некотором отклонении распределения показателей от нормального. И, наконец, еще по двум шкалам — «гуманизаторская ориентация» ($\lambda = 1,50$, $\rho = 0,02$), «мобилизаторская ориентация» ($\lambda = 1,61$, $\rho = 0,01$), на-

Таблица 4
Результаты исследования нормальности распределения шкал экспресс-варианта методики «КРАБ»

Шкалы	Значение Z Колмогорова-Смирнова	Уровень значимости
Бюрократическая » »	1,16	0,14
Технократическая » »	0,69	0,74
Автократическая » »	1,26	0,08
Инноваторская » »	1,25	0,08
Гуманизаторская » »	1,50	0,02
Демократическая » »	1,37	0,05
Конфликтная » »	1,36	0,05
Мобилизаторская » »	1,61	0,01

блюдаются значимые достоверные различия, что показывает отсутствие нормального распределения показателей. В целом анализ нормальности распределения шкал экспресс-методики «КРАБ» показал, что распределение только части из них является нормальным или близким к нормальному.

К вопросу о валидности методики «КРАБ»

Проведено исследование, направленное на валидизацию методики. Исследование по методу контрастных групп показало, что методика дифференцирует выборки, которые, очевидно, должны различаться по параметрам социокультурного пространства. Для анализа различий нами были взяты два отличных друг от друга предприятия. Первое предприятие обладает жесткой централизованной структурой и большим количеством уровней управления, не разрабатывает новые продукты, работает во многом на устаревшем оборудовании, имеет большую программу по оптимизации численности сотрудни-

ков. Всего в исследовании участвовали 63 менеджера данного предприятия. Обозначим его как «предприятие с односторонней коммуникацией между руководством и подчиненными» согласно концепции Ю.Д. Красовского.

Второе предприятие занимается практикой введения и выпуска новых продуктов по своим патентам, имеет меньшее количество уровней управления по сравнению с первым, обновляет производственные мощности, кроме того, даже во время экономического кризиса руководство предприятия максимально сохраняло рабочие места. За свою историю предприятие несколько раз расширяло свой профиль, отвечая на вызовы времени. Большое количество изменений на предприятии позволяет сделать вывод о налаженной обратной связи между подчиненными и менеджментом предприятия. В исследовании участвовали 59 его менеджеров. Обозначим его как «предприятие с двухсторонней коммуникацией между руководством и подчиненными». Анализ различий по шкалам управленческих ориентаций по критерию *U*-Манна-Уитни представлен в табл. 5.

Таблица 5

Различие в уровне управленческих ориентаций на предприятиях с различными способами коммуникации между менеджментом и подчиненными

Шкалы	Суммы рангов		<i>U</i> эмпир.
	Предприятие с односторонней коммуникацией между руководством и подчиненными (R_1)	Предприятие с двухсторонней коммуникацией между руководством и подчиненными (R_2)	
Бюрократическая ориентация	3974,0	3529,0	1759,0
Технократическая »	3855,0	3648,0	1839,0
Автократическая »	4512,5	2990,5	1220,5**
Инноваторская »	3486,0	4017,0	1470,0*
Гуманизаторская »	3473,5	4029,5	1457,5*
Демократическая »	3296,0	4207,0	1280,0**

Конфликтная »	4582,0	2921,0	1151,0**
Мобилизаторская »	3463,5	4039,5	1447,5*

Условные обозначения. * $\rho \leq 0,05$; ** $\rho \leq 0,01$.

Анализ формализованных ориентаций показал, что по шкале «автократическая ориентация» ($U = 1220,5$, $\rho \leq 0,01$) значения действительно значимо выше на предприятии с односторонней коммуникацией между руководством и подчиненными, чем на предприятии с двухсторонней коммуникацией. Значения по шкале «бюрократическая ориентация» ($U = 1759,0$), «технократическая ориентация» ($U = 1839,0$) несколько больше на предприятии, характеризующимся односторонней коммуникацией между руководством и подчиненными, чем на предприятии с двухсторонней коммуникацией, но различия не достигают уровня значимости.

Анализ персонализированных ориентаций показал, что по шкалам, относящимся к этому блоку, выше значения у менеджеров предприятия с двухсторонней коммуникацией между руководством и подчиненными, чем у менеджеров предприятия с односторонней коммуникацией между руководством и подчиненными. Наибольшие различия по шкале «демократическая ориентация» ($U = 1280,0$, $\rho \leq 0,01$), чуть меньше по шкалам «гуманизаторская ориентация» ($U = 1457,5$, $\rho \leq 0,05$) и «инноваторская ориентация» ($U = 1470,0$, $\rho \leq 0,05$).

Анализ шкал управленческих ориентаций, характеризующих систему способов стимулирования работников, показал, что показатели шкалы «мобилизаторская ориентация» ($U = 1447,5$, $\rho \leq 0,05$) значимо выше среди менеджеров предприятия с двухсторонней коммуникацией между руководством и подчиненными; напротив, показатели шкалы «конфликтная ориентация» ($U = 1151,0$, $\rho \leq 0,01$) значимо выше среди

менеджеров предприятия с односторонней коммуникацией.

Исследование показало, что методика дифференцирует выборки, которые по внешнему, объективному критерию должны различаться по уровню выраженности управленческих ориентаций. Статистическая значимость подтверждена для таких шкал, как «автократическая ориентация», «гуманизаторская ориентация», «демократическая ориентация», «инноваторская ориентация», «мобилизаторская ориентация» и «конфликтная ориентация».

Выводы

Анализ психометрических характеристик полной версии методики «КРАБ» Ю.Д. Красовского выявил согласованность и характер распределения показателей ее шкал на уровне требований к методикам данного типа.

Разработан экспресс-вариант методики «КРАБ», в котором вместо десяти пунктов по каждой шкале было оставлено по пять (лучших с точки зрения психометрических показателей). Последнее важно для уменьшения времени и повышения качества выполнения методики менеджерами организаций.

Анализ психометрических характеристик экспресс-варианта методики выявил в целом удовлетворительный уровень согласованности и характера распределения показателей шкал методики.

Использование метода контрастных групп как способа оценки критериальной валидности показало, что методика «КРАБ» дифференцирует качественно различные выборки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурин Н.А. Технология разработки тестов: Часть I // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2009. Вып. 6. № 30 (163).
2. Батурин Н.А. Технология разработки тестов: Часть II // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2009. Вып. 7. № 42 (175).
3. Батурин Н.А. Технология разработки тестов: Часть III // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. Вып. 8. № 4 (180).
4. Батурин Н.А. Технология разработки тестов: Часть IV // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. Вып. 11. № 40 (216).
5. Батурин Н.А. Технология разработки тестов: Часть V // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2011. Вып. 12. № 5 (222).
6. Грязева-Добшинская В.Г. Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. Вып. 9. № 17 (193).
7. Грязева-Добшинская В.Г. Инновационное лидерство: социально-психологическая программа для менеджеров. Челябинск, 2007.
8. Корпоративная культура и управление изменениями. М., 2006.
9. Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М., 2007.
10. Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадигмы. М., 1997.
11. Мельник Ю.И. Управленческие компетенции руководителя: три уровня проявления // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
12. Перминова С. Культура фирмы. СПб., 2006.
13. Стрыгина В.В., Виноградова Е.В. Практика создания моделей компетенций // Социальная психология и общество. 2012. № 3.
14. Шейн Е. Организационная культура и лидерство. СПб., 2007.

'Krab' Technique for Investigating Sociocultural Environment in Organizations: Psychometric Features of Full and Express Versions

V.G. GRYAZEVA-DOBSHINSKAYA

*Doctor in Psychology, head of the Chair of General Psychology,
South Ural State University*

P.S. GLUKHOV

*PhD student, lecturer at the Chair of General Psychology,
South Ural State University*

The paper provides outcomes of psychometric features verification of the technique 'KRAB' developed by Y.D. Krasovskiy for exploring sociocultural environment in organizations. The outcomes include the verification data referring to scale consistency as well the scales' normal distribution analysis. The paper also describes how the express version of the technique was created: the process involved items selection, scale consistency verification, and a test for normal distribution. The outcomes of testing for validity of the 'KRAB' technique are presented as well.

Keywords: *sociocultural environment investigation technique 'KRAB', psychometric features verification, scale consistency, normal distribution of scales, corporate culture, management orientation types.*

REFERENCES

1. Baturin N.A. Tehnologiya razrabotki testov: Chast' I // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2009. Vyp. 6. № 30 (163).
2. Baturin N.A. Tehnologiya razrabotki testov: Chast' II // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2009. Vyp. 7. № 42 (175).
3. Baturin N.A. Tehnologiya razrabotki testov: Chast' III // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2010. Vyp. 8. № 4 (180).
4. Baturin N.A. Tehnologiya razrabotki testov: Chast' IV // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2010. Vyp. 11. № 40 (216).
5. Baturin N.A. Tehnologiya razrabotki testov: Chast' V // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2011. Vyp. 12. № 5 (222).
6. Gryazeva-Dobshinskaya V.G. Innovacionnoe liderstvo: modelirovanie tendencii aktivnosti menedzherov predpriyatiya // Vestnik YuUrGU. Seriya "Psihologiya". 2010. Vyp. 9. № 17 (193).
7. Gryazeva-Dobshinskaya V.G. Innovacionnoe liderstvo: social'no-psihologicheskaya programma dlya menedzherov. Chelyabinsk, 2007.
8. Korporativnaya kul'tura i upravlenie izmeneniyami. M., 2006.
9. Krasovskii Yu.D. Sociokul'turnye osnovy upravleniya biznes-organizaciei. M., 2007.
10. Krasovskii Yu.D. Upravlenie povedeniem v firme: efekty i paradigmy. M., 1997.
11. Mel'nik Yu.I. Upravlencheskie kompetencii rukovoditelya: tri urovnya proyavleniya // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2012. № 2.
12. Perminova S. Kul'tura firmy. SPb., 2006.
13. Strygina V.V., Vinogradova E.V. Praktika sozdaniya modeli kompetencii // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2012. № 3.
14. Shein E. Organizacionnaya kul'tura i liderstvo. SPb., 2007.

**К вопросу о модификации «внутригруппового»
социально-психологического инструментария для исследования
межгрупповых отношений и взаимовосприятия**

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
профессор Московского городского психолого-педагогического университета*

В.А. ЛИСИЦЫН

*педагог-психолог Центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции
«На Снежной», соискатель факультета социальной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье излагается и обосновывается алгоритм модификации методического инструментария, ориентированного на анализ внутригрупповых межличностных отношений и межличностного восприятия, для изучения межгруппового взаимодействия и самооценивания. В качестве примера приводятся методика «подставной» самооценки и техника «репертуарных решеток» Дж. Келли как основа для создания методического инструментария, направленного на исследование процессов идентификации и конфронтации в условиях межгрупповых взаимоотношений.

Ключевые слова: *социально-психологический методический инструментарий, межличностные отношения, межличностное восприятие, межгрупповые отношения, методика «подставной» самооценки, техника «репертуарных решеток» Дж. Келли.*

К постановке проблемы

Если оценивать методический инструментарий, традиционно используемый для решения социально-психологических исследовательских задач, достаточно легко заметить, что, если так можно выразиться, «внутригрупповые» социально-психологические методики и методические приемы занимают здесь наиболее приоритетное, во всяком случае по своему числу, место. Что касается методических средств, нацеленных на анализ межгрупповых социально-психологических проблем, они значительно малочисленны

и, главное, в существенной степени содержательно-интерпретационно «привязаны» к конкретным теоретическим подходам к пониманию социально-психологической специфики межгрупповых отношений и взаимодействия.

Ни в коей мере не ставя в рамках настоящей статьи цель изменить подобное соотношение, попытаемся обосновать возможность и продемонстрировать способ осуществления модификации, что называется, «внутригрупповых» социально-психологических методик для исследования межгрупповых отношений и межгруппового восприятия. В качестве

примера приведем уже осуществленные и апробированные модификации двух изначально «внутригрупповых» социально-психологических методических средств — методики «подставной» самооценки и социально-психологической модификации техники «репертуарных решеток» Дж. Келли. Подобный выбор обусловлен, как минимум, двумя решающими обстоятельствами. Во-первых, модификация вышеуказанных методических средств уже осуществлена и успешно апробирована в исследовательской практике [1; 2; 3; 6; 9; 11 и др.]. Во-вторых, эти два методических инструмента качественно различны и по содержательному наполнению, и в процедурном плане, а алгоритм их модификации един.

Чтобы наглядно продемонстрировать этот факт и детально раскрыть психологическую суть процесса модификации, в достаточно развернутой форме дадим описания традиционных вариантов каждого из двух рассматриваемых методических средств, сопровождая эти описания указанием модификационных нововведений, позволивших конкретные методики (методика «подставной» самооценки) и технику (техника «репертуарных решеток» Дж. Келли) переориентировать на анализ именно межгрупповых отношений и взаимовосприятия.

Методика «подставной» самооценки в своем традиционном варианте

Данная методика разработана на основе идеи В.А. Петровского об исследовании процессов «Я-конфронтации» и «Я-заимствования» [9 и др.].

В процедурном плане это самооценочная методика, которая носит собст-

венно социально-психологический характер и нацелена на выявление степени и направленности влияния одного индивида на другого. Как известно, в психологической науке существует богатая традиция эмпирико-экспериментального исследования самооценки. При этом все многообразные виды конкретной техники ее измерения объединяются общим принципиальным приемом: испытуемый по предлагаемому варианту самооценочной шкалы описывает себя, а точнее, определяет степень выраженности у себя каких-то характеристик, качеств, свойств. Понятно, что элемент субъективности, наличествующий практически в любой психологической измерительной процедуре, проявляется здесь особенно явно. Именно поэтому задача определения точности, адекватности и объективности самооценки, по сути дела, оказывается наиболее трудноразрешимой при использовании традиционных способов изучения этого одного из важнейших компонентов самосознания. Что же касается описываемой методики, то при анализе полученных с ее помощью результатов психолога-исследователя должна интересовать, в первую очередь, не столько собственно самооценка испытуемого, сколько характер ее динамики под влиянием другого лица.

Описание методической процедуры. При использовании данной методики можно работать как индивидуально с каждым испытуемым, так и с группой обследуемых. Каждый испытуемый выполняет инструкцию индивидуально.

Методическая процедура «подставной» самооценки включает в себя два последовательно осуществляемых собственно эмпирических этапа исследования. Первый представляет собой один из

вариантов традиционной самооценочной процедуры. Каждому испытуемому предлагается оценить степень выраженности у себя каких-либо значимых для него личностных качеств. Их выбор осуществляется психологом-исследователем, как правило, на предварительном этапе. Конкретный набор критериев самооценки диктуется целями конкретного исследования.

В исследовании Е.Ю. Увариной, например, таких критериев для самооценки было 16: независимость от других, гордость, своеобразие характера, способность совершить поступок, оригинальность мышления, незаурядность личности, знание себя, ощущение превосходства над другими, смелость, уверенность в себе, чувство собственного достоинства, ощущение себя личностью, своенравие, сила воли, самоуважение, ум [11].

Перед началом собственно эмпирического обследования каждый его участ-

ник получает бланк с изображенным кругом, радиусы которого соответствуют отобранным параметрам самооценки (рис. 1).

Названия этих качеств написаны за пределами окружности. Испытуемый должен сделать пометку на каждом «радиусе-качестве». Психолог-исследователь предварительно объясняет, что испытуемый может отразить на экспериментальном бланке любую степень выраженности у себя каждого из оцениваемых качеств, используя всю длину соответствующего радиуса и его градуированность. Если он считает, что данная характеристика ему малоприсуща, пометку надо разместить на радиусе близко к центру круга, если же обследуемый хочет подчеркнуть факт яркой выраженности у себя того или иного качества, он должен приблизить свою пометку к окружности. В этом контексте понятно, что пометка, совпавшая с самой окружностью

Рис. 1. Экспериментальный бланк для проведения методики «подставной» самооценки

тью, символизирует представление испытуемого о максимальном развитии у него оцениваемого личностного параметра. Таким образом, на первом этапе в несколько необычной форме осуществляется традиционная в содержательном плане процедура самооценивания. Полученная самооценка испытуемого может быть проанализирована как самостоятельный эмпирический результат.

Но в логике рассматриваемой нами методики выявление собственно самооценки того или иного испытуемого не является самоцелью. В данном случае первоначально полученный самооценочный профиль может быть расценен как своеобразная точка отсчета, своего рода «фоновый» материал для последующего исследования динамики самооценки испытуемого под влиянием его социального окружения.

Вторая эмпирическая серия проводится спустя несколько дней после первого этапа. В конечном счете, именно она и отличает рассматриваемую методику от традиционных вариантов самооценочного опроса. Инструктируя испытуемых, психолог-исследователь просит их повторно оценить себя по тем же характеристикам, что и на первом этапе исследования, прибегая для объяснения необходимости такого повторного самооценивания к более или менее правдоподобной «легенде» о якобы пропавших экспериментальных бланках. При этом психолог-исследователь, ссылаясь на отсутствие чистых экземпляров бланков, предлагает выполнить задание на уже будто бы заполненных другими испытуемыми бланках. На самом же деле каждому участнику обследования предъявляется его собственная самооценка. Для исключения «узнавания» испытуемым своих от-

ветов, данных на предыдущем этапе, рекомендуется перенести эти оценки на другой экземпляр бланка, предварительно изменив на нем последовательность чередования «радиусов-качеств».

Для испытуемых специально оговаривается, что в процессе самооценивания их не должны смущать ни совпадения, ни резкие расхождения их самооценки и самооценки «другого», что эту «чужую» самооценку они попросту не должны принимать во внимание. Одновременно участникам обследования сообщается дополнительная информация, имеющая, в конечном счете, принципиально важное значение для содержательной интерпретации эмпирических данных, получаемых при использовании описываемой методической процедуры. Испытуемый ставится в известность, чьи оценки нашли отражение на попавшем к нему экспериментальном бланке (напомним, что на самом деле это результаты его собственного самооценивания на первом экспериментальном этапе).

Эти сведения в зависимости от конкретной ситуации могут либо прямо сообщаться каждому из участников обследования (если, например, вторая серия проводится индивидуально), либо сохраняться в записях на раздаваемых бланках (например, фамилия «подставного» лица, его статус, его пол и т. д.). Выбор того или иного «подставного» лица диктуется эмпирическими задачами конкретного исследования.

Обработка данных. В результате осуществления двух эмпирических этапов, составляющих процедурное содержание методики «подставной» самооценки, накапливается, по меньшей мере, два класса эмпирических данных.

Во-первых, как уже указывалось выше, в ходе первой серии выявляется более или менее традиционным методическим путем самооценка испытуемого. Понятно, что если того требуют задачи исследования, данные могут быть проанализированы как эмпирически зафиксированная личностная характеристика, имеющая самостоятельную диагностико-прогностическую ценность.

Во-вторых, итоговым результатом второй эмпирической серии является как бы «новая» самооценка испытуемого. Правда, в данном случае было бы некорректно анализировать ее традиционным способом. Более того, любой анализ, хоть сколько-нибудь претендующий на содержательность, был бы явно неправомерен без учета того собственно социально-психологического фактора, который по самим процедурным условиям определяющим образом влиял на специфику протекания процесса повторного самооценивания. Ведь, в конечном счете (и на это однозначно указывают уже накопленные в последние годы эмпирико-экспериментальные данные), характер самооценки в рамках описываемой методической модели в решающей степени детерминирован особенностями стимульного материала, который перед второй серией предъявлялся испытуемому. Здесь, в первую очередь, имеются в виду сведения, которые характеризуют того «другого», кому по условиям обследования приписывается авторство запечатленного на вручаемом испытуемому бланке самооценочного «портрета». Другими словами, интенсивность и направленность «сдвига» самооценки во многом зависят от того, чьим «автопортретом» считает испытуемый предъявляемую ему его собственную самооценку.

Осуществленные к настоящему моменту конкретные эмпирические исследования (Е.В. Емельянова, Е.О. Кравчино, Е.Ю. Уварина и др.) позволили зафиксировать закономерности, характеризующие специфику «сдвига» самооценки испытуемых в ситуации предъявления им их собственного самооценочного «портрета» в качестве якобы самооценочного профиля какого-то из их сокурсников.

1. Наиболее заметен «сдвиг» в самооценке, когда испытуемому предъявляется его собственная самооценка под видом самооценки отрицательно референтного для него лица, т. е. члена группы, мнение которого высоко значимо для индивида, но к которому относится он с явной антипатией и «запрашивая» мнение которого, старается построить свое поведение и занять позицию, что называется, «от противного».

2. Достаточно заметен «сдвиг» в самооценке и когда испытуемому предъявляется его собственная самооценка под видом самооценки члена группы, который явно отличается от него по какому-либо значимому критерию.

3. Самооценка испытуемого либо остается практически неизменной, либо минимально «сдвигается», когда она предъявляется ему под видом самооценки позитивно референтного, а тем более авторитетного для него лица.

Таким образом, интенсивность и направленность динамики самооценки испытуемого, фиксируемые с помощью описанной методической процедуры, не только позволяют определить «знак» и степень выраженности влияния «другого» на личность, но и дают возможность выбрать наиболее эффективный путь воспитательного воздействия на нее, ока-

зываются вполне информативным материалом для конструирования выверенной программы коррекционной работы.

Здесь необходимо уточнить еще одно обстоятельство. Как правило, интенсивность динамики самооценки одного и того же испытуемого существенно колеблется по различным оценочным параметрам, т. е. по одним характеристикам самооценка может оставаться стабильной, в то время как по другим претерпевать существенные изменения. Понятно, что подобная спецификация самооценочного «сдвига» требует особенно тщательной интерпретации эмпирических данных, а последующая воспитательно-коррекционная работа должна строиться с акцентом на преобразования сфер жизнедеятельности личности, которые наиболее «открыты» и восприимчивы к влиянию значимых других из социального окружения интересующего нас индивида.

Модификация методики «подставной» самооценки, ориентированная на анализ межгрупповых отношений и взаимовосприятия

Целевой замысел данной модификации напрямую связан с изучением психологической сути вопросов, касающихся личностных переживаний индивидом своей групповой принадлежности. Применительно к методике «подставной» самооценки это означает, что модификационное нововведение должно касаться стимульного материала, предъявляемого испытуемым во второй серии обследования. Другими словами, во второй серии, когда выявленная самооценка предъявляется испытуемому в качестве якобы чужой, этот чужой заявляется как член

либо чужой, либо своей для испытуемого группы.

Здесь следует специально оговорить следующее. Безусловно, конкретные группы, которые таким образом окажутся включенными в контекст столь же конкретного исследования, в решающей степени определяются его замыслом и задачами. В то же время, как следует из традиционного социально-психологического научного знания, в официально созданных формальных группах в подавляющем большинстве случаев, как правило, спонтанно складываются неформальные подгруппы, членство в которых для индивида нередко оказывается существенно более значимым, чем в официальном формальном сообществе. Как показывает опыт нашего исследования школьных классов подростков и учебных студенческих групп, в них дело обстоит именно таким образом [4; 5]. В этих обстоятельствах в качестве того, кому во второй серии обследования с помощью модификации методики «подставной» самооценки приписывается авторство самооценочного «портрета» испытуемого, может выступить либо «член своей неформальной подгруппы в рамках своей же официальной группы», либо «член чужой неформальной подгруппы в рамках своей же официальной группы», либо «член чужой официальной группы».

Что касается интерпретации полученных таким образом эмпирических данных, содержательно ключевыми остаются закономерности, которые зафиксированы при использовании традиционного, «внутригруппового» варианта методики «подставной» самооценки, но применительно уже к психологической реальности межгрупповых отношений и взаимовосприятия.

Техника «репертуарных решеток» Дж. Келли

Несколько слов о методике «личностных конструктов» в ее классическом варианте. Несмотря на то что эту классификационную по своему характеру методику нередко называют еще и «конструктивным тестом», это обозначение в содержательном плане неверно, так как она, в отличие от обычного теста, ни в коей мере не предназначена для определения универсального стандарта посредством массового опроса. В традиционном варианте она рассчитана на выявление, что стоит за словами человека, за его оценкой явлений, событий, других людей. Одним из важнейших достоинств этого методического инструментария и является как раз то, что он позволяет проникнуть за занавес широко употребляемых, «расхожих» вербальных понятий и застраховаться от неизбежных при использовании тестов и интервью расхождений и смещений в их индивидуальном истолковании. По сути дела, речь идет об исследовании индивидуальной «имплицитной теории личности» каждого испытуемого, проникновении в самую сущность личностных особенностей конкретного человека, которая, по мнению автора метода, английского психиатра Дж. Келли, получает свое отражение в его неповторимой системе «личностных конструктов». Для ознакомления с основными понятиями теории «личностных конструктов» можно рекомендовать широкоизвестную книгу Ф. Франселлы и Д. Банистера «Новый метод исследования личности» (М., 1987). Кроме того, содержательный смысл понятий «имплицитная теория личности», «личностный конструкт», «когнитивная слож-

ность» и других ключевых для данной концепции категорий достаточно полно раскрыт в соответствующих статьях ряда словарных изданий [8; 10 и др.].

Итак, в своем классическом варианте методика Дж. Келли никоим образом не может рассматриваться как социально-психологический инструментальный [13]. Исследовательско-диагностические задачи, которые могут быть с ее помощью в той или иной степени решены, носят, скорее, «общепсихологический», а точнее, собственно психолого-личностный характер. В то же время рассматриваемый метод позволяет использовать полученный эмпирический материал вне связи его с собственно теоретическими взглядами Дж. Келли. И еще одно немаловажное обстоятельство, в конечном счете и предопределившее широкое использование техники «репертуарных решеток». Измерительная процедура, применяемая в рамках методики «личностных конструктов», легко поддается модификации и может быть адаптирована для решения различных задач исследования, в том числе и собственно социально-психологического характера. Следует остановиться на описании одной из таких возможных модификаций, которая позволяет достаточно глубоко проанализировать особенности процесса взаимовосприятия в реально функционирующих группах.

Описание методической процедуры. Так же как и традиционная измерительная процедура, предложенная самим Дж. Келли, излагаемый вариант техники сбора информации строится на представлении о биполярном характере оценки, другими словами, на уверенности, что анализ любой ситуации осуществляется субъектом восприятия путем определения ее сходства и особенностей по срав-

нению с уже известными ему ситуациями и явлениями. Сама методическая процедура не представляет собой особой сложности и осуществляется в один этап.

Обследование может проводиться в форме как индивидуального, так и группового обследования. В случае индивидуального опроса психолог-исследователь заранее подготавливает набор пронумерованных карточек по списочному числу членов обследуемой группы (в первоначальном варианте методики вместо списка группы использовался предложенный Дж. Келли список, состоящий из 24 ролей). На каждой из карточек фиксируется лишь одна фамилия. В ходе обследования испытуемому предъявляются три карточки с просьбой выбрать из поименованных людей двоих, схожих по какому-либо качеству и в то же время отличающихся от третьего. Когда выбор осуществлен, испытуемого просят назвать качество, по которому определено сходство, и фиксируют его. Затем фиксируется качество, по которому третий отличается от первых двоих. После этого аналогичным образом рассматривается следующая триада, составленная психологом-исследователем, и т. д. Количество предлагаемых триад диктуется нуждами каждого конкретного исследования, но, как показывает опыт, во избежание утомления испытуемого их число в

любом случае не должно превышать двадцати. Заметим, что данная процедура предусматривает непосредственный и постоянный на протяжении всего опроса контакт с испытуемым и, будучи практически одним из видов интервью, не позволяет исследователю одновременно работать с несколькими людьми.

Подобная индивидуальная по своему характеру работа позволяет психолог-исследователю получить путем непосредственного наблюдения за интервьюируемым испытуемым несомненно важную дополнительную информацию, которая нередко имеет не только «фоновое» значение, но и определенную самостоятельную ценность. В то же время ни для кого не секрет, что психолог-исследователь, как правило, не располагает достаточным для индивидуального опроса испытуемых временем. В этом случае может быть использована не «карточная система», а процедура, построенная на заполнении «классификационной решетки» (рис. 2), что, кстати, принципиально не меняет хода обследования, не считая лишь поправок, связанных с особенностью работы с бланком матричной формы.

В этом варианте методической процедуры список обследуемой группы оказывается внесенным непосредственно в экспериментальный бланк таким обра-

Исп. А.	Исп. Б.	Исп. В.	Исп. Г.	Исп. Д.	Исп. Е.	Исп. Ж.	Ф.И.О. _____ Дата _____	
							Сходство	Различие
о	о	о						
			о	о	о			
				о	о	о		
	о	о	о					
о					о	о		
	о		о	о				
о		о				о		

Рис. 2. Экспериментальный бланк «Классификационная решетка»

зом, что вертикальный столбец в его левой части соответствует одной из фамилий в этом списке. На каждой горизонтальной строке отмечаются по три кружка, обозначающие предлагаемые для оценки уже описанным способом триады. При решении триад кружки, соответствующие двоим схожим по выделенному качеству людям, зачеркиваются, а в графу «сходство» заносится слово или несколько слов, характеризующих этот признак. Оставшийся в горизонтальной строке кружок не зачеркивается, а признак, позволяющий отличить третьего члена триады от двоих сходных между собой, находит отражение в графе «различие». Таким образом, извлекается «личностный конструкт», важной характеристикой которого является его биполярность, т. е. обязательное наличие полюса «сходство» и полюса «различие». Путем последовательного рассмотрения всех горизонтальных строк бланка заполняется вся матрица. Использование матричной формы вместо нумерованных карточек позволяет психологу-исследователю работать одновременно с целой группой испытуемых. Этим в принципе и исчерпывается собственно эмпирический этап исследования, после чего начинается непосредственно обработка полученных эмпирических данных.

И все же описание собственно процедурных моментов применения техники «репертуарных решеток» было бы неполным, если бы в стороне остался вопрос о критериях, которых придерживается психолог-исследователь при формировании конкретных триад. Другими словами, необходимо разобраться, почему каждую отдельную триаду составляют именно эти члены группы, а не другие. Однозначный ответ попросту невозможен. Дело в том,

что в исследовательской практике используются самые различные способы комплектования триад и выбор в каждом конкретном случае того или иного критерия определяется не какими-то личными пристрастиями или вкусами, а жестко задается спецификой самих исследовательских задач. Характер получаемого эмпирического материала во многом зависит именно от того, что за основание было взято при формировании триад. Здесь следует специально оговориться, что вне зависимости от того, каким критерием при формировании триад пользовался психолог-исследователь, полученные данные могут быть обработаны крайне трудоемким и сложным, но традиционным для метода «личностных конструктов» способом, в результате чего вычисляются структурные и содержательные показатели индивидуальных систем «личностных конструктов» испытуемых. Правда, подобные данные собственно социально-психологической информации практически не несут.

В классическом варианте применения техники «репертуарных решеток» психолог-исследователь формирует триады, руководствуясь лишь тем, чтобы все «номера» списка ролей были в них включены. Понятно, что в данном случае о каком бы то ни было специальном основании при формировании триад речи не идет. Не менее очевиден и тот факт, что при осуществлении конкретного, например, социально-психологического исследования и основание, обуславливающее определенное целенаправленное составление триад, должно носить откровенно социально-психологический характер уже хотя бы потому, что дальнейшая интерпретация полученной таким образом эмпирики в этом случае также совершенно закономерно приоб-

ретаает именно социально-психологическую содержательную направленность.

Социально-психологическая «внутригрупповая» модификация техники «репертуарных решеток»

Приведем пример социально-психологической модификации техники «репертуарных решеток» Дж. Келли, разработанной М.Ю. Кондратьевым и многократно успешно апробированной при исследовании внутригрупповых межличностных отношений (М.Ю. Кондратьев, Э.Г. Варганова, Е.В. Емельянова, В.В. Ковалева, Н.В. Кочетков, Е.О. Кравчино, О.Б. Крушельницкая, А.А. Лисицына, Е.А. Чернышова и др.).

Предположим, что необходимо выяснить, насколько характер внутригрупповой структуры власти предопределяет особенности взаимоотношений членов сообщества, в какой степени реальный статус партнеров по взаимодействию и общению влияет на их взаимооценку, а также на способность и желание разглядеть личность друг друга. Понятно, что в этой ситуации невозможно при составлении триад не учитывать и саму внут-

ригрупповую структуру в целом, и конкретные места, которые занимают в ней входящие в триады члены группы.

Какой же принцип формирования триад должен быть здесь реализован, если перед психологом-исследователем стоит задача выяснить меру «жесткости» интрагрупповой структуры и проанализировать степень ориентированности членов группы при оценке партнеров по взаимодействию и общению на принадлежность последних к той или иной статусной категории?

Совершенно очевидно, что при составлении конкретных триад в этих обстоятельствах психолог-исследователь должен руководствоваться стремлением достичь максимально возможного количества сочетаний представителей различных уровней данной иерархии статусов. Например, для групп, имеющих трехуровневую статусную структуру: высоко-статусные (обозначим – 1), среднестатусные (обозначим – 2), низкостатусные (обозначим -3), возможны следующие варианты триад: 1:2:3; 1:1:2; 1:1:3; 1:1:1; 2:2:1; 2:2:3; 2:2:2; 3:3:1; 3:3:2; 3:3:3.

Таким образом, классификационная решетка в этом случае может выглядеть, например, как на рис. 3.

ископ тпы	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Ф.И.О. Дата	Сходство	Различие
	А.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж.			
иады	№ статусной категории							Сходство	Различие	
	1	1	1	2	2	3	2			
1	о			о		о				
2	о	о			о					
3		о	о			о				
4	о	о	о							
5			о		о		о			
6				о	о		о			
7				о		о	о			

Рис. 3. Экспериментальный бланк «Классификационная решетка» с триадами, составленными с учетом внутригрупповой статусной иерархии

Анализ решений таким образом составленных триад позволяет определить, с группой какого типа мы в данном случае имеем дело. Для этого необходимо помнить, что на сегодняшний день эмпирически показано, что в корпоративных группировках с отрицательной направленностью, отличающихся жестко фиксированной статусной иерархией, статусные характеристики членов группы, входящих в триаду, выступают практически единственным основанием для определения «сходства-различия». Что же касается высокоразвитых в социально-психологическом плане групп, основания для решения подобной задачи оказываются разнообразными — в частности наряду со статусными характеристиками, в первую очередь, определяющими являются собственно личностные качества. Эта однозначно зафиксированная в уже проведенных исследованиях [1; 2; 3 и др.] закономерность, в конечном счете, и превращает излагаемую методическую процедуру в по-настоящему диагностическое средство, с помощью которого можно вполне аргументированно классифицировать обследуемые группы и в случае достаточно эмпирически выраженной картины с уверенностью говорить о совершенно определенной в каждой конкретной ситуации степени их социально-психологического развития. На что же должен, в первую очередь, обратить внимание психолог-исследователь, чтобы проводимый им анализ полученных данных позволил аргументированно оценить степень и направленность группового развития?

Здесь следует еще раз вернуться к вопросу о типах предлагаемых испытуемым триад. Как уже указывалось выше, вполне правомерно говорить об их многообразии. В то же время все варианты триад могут быть сведены к трем основным типам:

а) все три члена, составляющие триаду, принадлежат к одному и тому же уровню внутригрупповой статусной иерархии (обозначим как тип ААА);

б) все три члена, составляющие триаду, принадлежат к разным уровням внутригрупповой статусной иерархии (обозначим как тип АВС);

в) два члена триады принадлежат к одному уровню внутригрупповой статусной иерархии, а третий — к другому (обозначим как тип ААВ).

Чтобы определить, по какому принципу члены конкретной обследуемой группы подходят к оценке своих партнеров по взаимодействию, основное внимание следует обратить на триады типа ААВ. Это связано с тем, что сам принцип составления триад этого типа заранее как бы разделяет триаду в требуемом для ее «решения» соотношении 2:1 (АА:В). Таким образом, как бы с самого начала предлагается вариант решения задачи «сходство-различие» с точки зрения реальной статусной дифференциации. Испытуемый может либо принять «подсказку» и решить триаду этим способом, либо выбрать свое направление анализа, выдвинув самостоятельный признак — основание классификации.

Для большей наглядности приведем два матричных примера решения одного и того же набора триад. Первый из них (рис. 4) отражает способ решения «статусных» триад, типичный для корпоративной группировки, а второй (рис. 5) — характерный для достаточно высокоразвитого в социально-психологическом плане сообщества.

Итак, в двух приведенных классификационных решетках триады под № 2, 3, 5, 7, которые относятся к типу ААВ, решены принципиально по-разному.

В первом случае условный испытуемый все четыре раза, как бы приняв «подсказку», декларировал сходство двоих одно-статусных членов триады (решение по способу АА:В). Что же касается второй классификационной решетки, она отразила отсутствие у испытуемого преимущественной ориентации на статус своих товарищей по группе при их оценке. По сути дела, только так можно интерпретировать эмпирический факт решения всех четырех триад ААВ не на основе реальной внутригрупповой статусной дифференциации (решение по способу АВ:А). Понятно, что в реальной исследовательской практике нечасто встречаются случаи столь ярко выраженной преимущественной ориентации испытуемых. Нередко один и тот же испытуемый некоторые триады типа ААВ решает способом АА:В, а некоторые — способом АВ:А. Соотношение этих двух видов решения бывает информативным для определения собственно преимущественной ориентации членов группы.

И еще на одном немаловажном моменте следует остановиться. Применение

варианта техники «репертуарных решеток» позволяет не только получить общегрупповой показатель ориентированности на статус, а тем самым и определить, с сообществом какого типа он имеет дело, но и выяснить степень индивидуальной ориентации на статус каждого испытуемого. Здесь также крайне важной дополнительной информацией могут стать характеристики, с помощью которых данный конкретный испытуемый определяет сходство и различие в рамках триад. Правда, в данном случае, по-видимому, имеет смысл анализировать полученные данные не как набор биполярных конструкторов, а в качестве отдельных характеристик (полюс «сходство» -два идентичных признака, полюс «различие» — один признак). «Знак» и частота применения отдельных оценочных суждений и общая направленность всей их совокупности, как правило, оказываются незаменимым материалом, учет которого позволяет психологу-исследователю наиболее полно охарактеризовать не только тех, кого оценивает испытуемый, но и его самого как личность.

исок тпы № риады	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Исп.	Ф.И.О. Дата	Сходство	Различие
	А.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж.			
	№ статусной категории									
	1	1	1	2	2	3	2			
1	о			е		е				
2	е	е			о					
3		е	е			о				
4	е	о	е							
5			о		е		е			
6				е	е		о			
7				е		о	е			

Рис. 4. Вариант решения «статусных» триад, типичный для корпоративной группировки

Социально-психологическая модификация техники «репертуарных решеток», ориентированная на изучение специфики межгрупповых отношений и взаимовосприятия

Практически весь смысл данной модификации техники «репертуарных решеток» Дж. Келли задан самой идеей переориентации этой техники на изучение именно межгрупповой психологической реальности. При этом целевом «посыле» ключевым нововведением должно стать изменение содержательного наполнения списка, который выступает в качестве основы для формирования триад. Если в классическом «келлиевском» варианте это список из 24 ролей [12; 13], а в варианте социально-психологической «внутригрупповой» модификации — список группы членства испытуемого [1–3], то в варианте «межгрупповой» модификации речь должна идти о совокупном списке групп, рассмотрение взаимоотношений членов которых и оказывается предметом социально-психологического изучения.

В этих обстоятельствах, безусловно, и виды предлагаемых для решения триад должны в социально-психологическом

плане претерпеть соответствующие изменения, хотя сам принцип их формирования (имплицитно заложенная «подсказка» — 2:1) остается тем же, так как «инструктивная» часть задания, адресованного испытуемым, никак не видоизменяется: «Выберите из трех человек, представленных в триаде, двоих схожих, по Вашему мнению, по какому-либо признаку. Зачеркните соответствующие им в бланке кружки, а качество, по которому они схожи, запишите в строке на полюсе «сходство». Третий кружок в триаде, соответствующий третьему ее члену, отличающемуся, на Ваш взгляд, от первых двух, не зачеркивайте, а качество, которое отличает этого третьего от первых двоих, запишите в строке на полюсе «различие». Таким же образом последовательно решите все триады, предложенные Вам на экспериментальном бланке-матрице. Спасибо».

Что касается конкретных вариантов триад, предлагаемых в рамках «межгрупповой» модификации техники «репертуарных решеток», они могут быть следующими.

а) Два члена своей неформальной подгруппы в рамках своей же официаль-

ископ тпы	Исп. А.	Исп. Б.	Исп. В.	Исп. Г.	Исп. Д.	Исп. Е.	Исп. Ж.	Ф.И.О. Дата	Сходство	Различие
	№ статусной категории									
№ ряды	1	1	1	2	2	3	2			
1	о			е		е				
2	о	е				е				
3		о	е			е				
4	о	е	е							
5			е		е		о			
6				е	е		о			
7				о		е	е			

Рис. 5. Вариант решения «статусных» триад, типичный для групп высокого уровня социально-психологического развития

ной группы — один член чужой неформальной подгруппы в рамках своей официальной группы;

б) два члена своей неформальной подгруппы в рамках своей же официальной группы — один член чужой официальной группы;

в) один член своей неформальной подгруппы в рамках своей же официальной группы — два члена чужой неформальной подгруппы в рамках своей официальной группы;

г) один член своей неформальной подгруппы в рамках своей же официальной группы — два члена чужой официальной группы;

д) «два члена чужой неформальной подгруппы в рамках своей официальной группы — один член чужой официальной группы»;

е) один член чужой неформальной подгруппы в рамках своей официальной группы — два члена чужой официальной группы.

Если при решении этих видов триад испытуемый достаточно откровенно следует имплицитно заложенной при их составлении «подсказке», можно прийти практически однозначно к выводу: сам факт принадлежности к той или иной подгруппе и группе выступает как решающее основание, определяющее характер отношения испытуемого к конкретным представителям своего окружения.

В то же время логику «свой — чужой» совершенно невозможно в психологическом плане хоть как-то раскрыть без учета эмоционального «знака» отношенческой системы межличностных контактов вне зависимости от того, о внутригрупповой отношенческой системе идет речь или о межгрупповой. Именно в связи с этим в рамках рассматриваемой «меж-

групповой» модификации техники «репертуарных решеток» Дж. Келли после выполнения основного «инструктивного» задания предлагалось отметить в правой части экспериментального бланка знаками «плюс» и «минус» качества (вписанные в графы полюсов «сходство» и «различие»), с помощью которых решались триады. Отметим, как минимум, два обстоятельства:

свойства и качества, которые не были отмечены ни знаком «плюс», ни знаком «минус», в дальнейшем рассматриваются в качестве нейтральных;

в ходе последующей обработки данных качество, которое указывалось испытуемым на полюсе «сходство», рассматривается как две идентичные характеристики, так как оно приписывается, согласно основной инструкции, двоим по этому свойству, по мнению испытуемого, схожим членам триады.

Не менее значимым, чем такой показатель, как эмоциональный «знак» оценочных суждений, с помощью которого описываются испытуемыми рецепиенты, является то, «личностные», «ролевые» характеристики или характеристики «внешние и пола» (данная дифференциация осуществляется путем специально организованной экспертной оценки) представляют собой содержательную базу психологического «портрета» представителей каждой из категорий рецепиентов.

Заключение

Еще раз подчеркнем, что в данной статье в качестве специальной не ставилась цель предложить универсальный способ качественного обогащения арсе-

нала методик и методических приемов, нацеленных на исследование межгрупповых отношений, путем модификации социально-психологического «внутригруппового» инструментария. В то же время предлагаемый алгоритм модификации, на наш взгляд, в ряде случаев оказывается достаточно эвристичным и явно нересурсозатратным. Правомерно

ожидать вслед за нашим, по сути своей, конкретным предложением выдвижение и других алгоритмов модификации различных традиционных психологических методических средств с помощью превращения их в диагностико-исследовательский инструментарий, ориентированный на изучение особенностей межгрупповой активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М.Ю.* Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях: Дисс. ... в виде научного доклада ... д-ра психол. наук. М., 1994.
2. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
3. *Кондратьев М.Ю.* Социально-ролевая детерминация межличностного восприятия в группах трудновоспитуемых подростков и юношей: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1983.
4. *Лисицын В.А., Кондратьев М.Ю.* Особенности межгруппового и межличностного взаимовосприятия разностатусных школьников-старшеклассников общеобразовательной школы. Сообщение 1 // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
5. *Лисицын В.А., Кондратьев М.Ю.* Особенности межгруппового и межличностного взаимовосприятия разностатусных студентов-первокурсников, третьекурсников и пятикурсников. Сообщение 2 // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
6. *Кравчино Е.О.* Особенности авторитета педагога для разновозрастных и разностатусных воспитанников закрытых образовательных учреждений (на материале детских домов-школ и школ-интернатов для реальных и «социальных» сирот): Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
7. *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. М., 1992.
8. Психологический лексикон. В 6 тт. / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 2005–2007.
9. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.
10. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
11. *Уварина Е.Ю.* Экспериментальное изучение влияния одного человека на самооценивание другого // Новые исследования в психологии. 1985. № 1.
12. *Франселла Ф., Банистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
13. *Kelly J.A.* The theory of personal constructs. N.Y., 1955.

On the Question of Modifying 'Intragroup' Social Psychological Tools for Investigating Intergroup Relationships and Mutual Perception

M.YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

V.A. LISITSYN

psychologist at the Center for Psychological and Educational Rehabilitation "Na Snezhnoi", degree seeking applicant at the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper describes and substantiates the algorithm for modifying research tools aimed at analyzing intragroup interpersonal relationships and mutual perception for the purposes of exploring intergroup interactions and mutual assessment. The paper focuses on the technique of 'false' self-appraisal and on G. Kelly's repertory grid technique and explains how they can be used as the basis for creating tools aimed at investigating the processes of identification and confrontation in intergroup relationships.

Keywords: *social psychological toolkit, interpersonal relationships, interpersonal perception, intergroup relationships, 'false' self-appraisal technique, George Kelly's repertory grid technique.*

REFERENCES

1. Kondrat'ev M.Yu. Psihologiya mezhlichnostnyh otnoshenii podrostka v zakrytyh uchebno-vospitatel'nyh uchrezhdeniyah: Diss. ... v vide nauchnogo doklada ... d-ra psihol. nauk. M., 1994.
2. Kondrat'ev M.Yu. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii. SPb., 2005.
3. Kondrat'ev M.Yu. Social'no-rolivaya determinatsiya mezhlichnostnogo vospriyatiya v gruppah trudnovospituemykh podrostkov i yunoshei: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1983.
4. Lisitsyn V.A., Kondrat'ev M.Yu. Osobennosti mezhhруппovogo i mezhlichnostnogo vzaimovospriyatiya raznostatusnykh shkol'nikov-starsheklassnikov obsheobrazovatel'noi shkoly. Soobshenie 1 // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 3.
5. Lisitsyn V.A., Kondrat'ev M.Yu. Osobennosti mezhhруппovogo i mezhlichnostnogo vzaimovospriyatiya raznostatusnykh studentov-pervokursnikov, tret'ekursnikov i pyatikursnikov. Soobshenie 2 // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 3.
6. Kravchino E.O. Osobennosti avtoriteta pedagoga dlya raznovozrastnykh i raznostatusnykh vospitannikov zakrytykh obrazovatel'nyh uchrezhdenii (na materiale detskiikh domov-shkol i shkol-internatov dlya real'nykh i "social'nykh" sirot): Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2004.

7. *Pirozhkov V.F.* Zakony prestupnogo mira molodezhi. Kriminal'naya subkul'tura. M., 1992.
8. Psihologicheskii leksikon. V 6 tt. / Pod red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. M., 2005–2007.
9. Psihologiya razvivayusheysya lichnosti / Pod red. A.V. Petrovskogo. M., 1987.
10. Psihologiya. Slovar' / Pod red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. M., 1990.
11. *Uvarina E.Yu.* Eksperimental'noe izuchenie vliyaniya odnogo cheloveka na samooceni-vanie drugogo // Novye issledovaniya v psihologii. 1985. № 1.
12. *Fransella F., Banister D.* Novyi metod issledovaniya lichnosti. M., 1987.
13. *Kelly J.A.* The theory of personal constructs. N.Y., 1955.

Международный форум специалистов по социально-психологическим проблемам образовательного пространства¹

В настоящем материале представлен отчет о I международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовательном пространстве», которая состоялась в октябре 2013 года в МГППУ. Показано, что работа более 250 участников конференции прошла в форме многочисленных мероприятий: пленарного заседания, стендовых докладов, телемостов, секционных заседаний, мастер-классов, расширенного заседания круглого стола заведующих кафедрами социальной психологии и кафедрами, ведущими подготовку по социально-психологическим дисциплинам вузов Москвы и московского региона. Продемонстрировано, что целью конференции стала консолидация опыта ученых и практиков, работающих в направлении развития теоретических и научно-практических социально-психологических подходов к повышению эффективности и качества системы образования. В резолюции конференции отражены решения, принятые ее участниками по расширению социально-психологических исследований в сфере образования и интенсификации использования социально-психологических технологий в работе психологов образовательных учреждений, а также о необходимости развития научно обоснованного сотрудничества школьных психологов с педагогами, администрацией, учащимися и их родителями.

16–17 октября 2013 года Департамент образования города Москвы и ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет» провели I международную научно-практическую конференцию «Социальная психология в образовательном пространстве». Непосредственным организатором конференции стал факультет социальной психологии МГППУ.

В организационный комитет конференции под руководством заведующей кафедрой теоретических основ социальной психологии МГППУ О.Б. Крушельницкой вошли специалисты из разных российских регионов: из Москвы — д-р пси-

хол. наук Н.Н. Толстых, канд. биол. наук Т.Ю. Маринова, кандидаты психол. наук А.В. Погодина, О.Е. Хухлаев, А.С. Обухов, В.В. Шляпников, канд. пед. наук Б.Б. Айсмонкас; из Пензы — канд. психол. наук В.В. Константинов; из Воронежа — канд. психол. наук Г.С. Степанова.

Программный комитет конференции был представлен ведущими отечественными и зарубежными учеными, профессиональная деятельность которых имеет большое значение для развития социальной психологии образования: д-р психол. наук О.Х. Аймаганбетова (Казахстан, Алматы), д-р психол. наук Л.Н. Аксеновская (РФ, Саратов), д-р

¹ В настоящем материале использованы отчеты руководителей секций конференции о содержании их работы.

психол. наук Е.П. Белинская (РФ, Москва), д-р психол. наук Л.К. Брокане (Латвия, Рига), д-р психол. наук А.А. Бучек (РФ, Петропавловск-Камчатский), д-р психол. наук М.С. Веджетти (Италия, Рим), д-р психол. наук Н.Е. Веракса (РФ, Москва), д-р психол. наук А.В. Воробьев (Латвия, Даугавпилс), д-р психол. наук О.А. Гулевич (РФ, Москва), д-р психол. наук А.И. Донцов (РФ, Москва), д-р психол. наук Ю.М. Забродин (РФ, Москва), канд. психол. наук Е.Н. Задорина (РФ, Москва), д-р соц. наук Р.И. Зинурова (РФ, Казань), д-р психол. наук И.И. Кауненко (Молдова, Кишинёв), канд. психол. наук Т.В. Коттл (США, Вашингтон), д-р психол. наук В.А. Лабунская (РФ, Ростов-на-Дону), д-р психол. наук Т.Д. Марцинковская (РФ, Москва), д-р психол. наук И.Д. Плотка (Латвия, Рига), А. Портера (Италия, Верона), д-р пед. наук Е.Ю. Протасова (Финляндия, Хельсинки), д-р полит. наук Н.К. Радина (РФ, Нижний Новгород), канд. психол. наук О.В. Савицкая (Украина, Каменец-Подольский), д-р психол. наук Т.П. Скрипкина (РФ, Москва), д-р психол. наук И.М. Слободчиков (РФ, Москва), д-р психол. наук Т.Г. Стефаненко (РФ, Москва), д-р психол. наук Л.Б. Шнейдер (РФ, Москва), д-р психол. наук Т.И. Шульга (РФ, Москва). Возглавил программный комитет конференции д-р психол. наук, профессор, академик РАО, ректор ГБОУ ВПО МГППУ В.В. Рубцов.

Участниками конференции стали также более 250 человек (из них более 30 – зарубежные коллеги) – социальных психологов, психологов образования, социологов, педагогов, представителей других профессий, работающих в си-

стеме современного образования, а также руководители образовательных учреждений, студенты и аспиранты психологических факультетов. География конференции включает далекие и близкие города: Алматы, Иерусалим, Кишинёв, Минск, Рим, Фаирфакс (США), Пловдив, Рига, Каменец-Подольский (Украина), Хельсинки, Харьяна (Индия), Читтагонг (Бангладеш), Сингапур, Стамбул, Даугавпилс, Верона, Красноярск, Лесосибирск, Иркутск, Тверь, Тула, Ставрополь, Воронеж, Ростов-на-Дону, Югорск, Шуя, Санкт-Петербург, Авоин (Франция), Курган, Саратов, Самара, Севастополь, Нижний Новгород, Курск, Королёв, Москва, Сергиев Посад, Смоленск, Краснодар, Старый Оскол, Владимир, Уфа, Ярославль, Новосибирск, Ханты-Мансийск, Казань, Екатеринбург, Великий Новгород.

Актуальность проведения международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовательном пространстве» обусловлена возрастающим запросом системы российского образования на информацию о социально-психологических средствах решения задач образовательных учреждений. С целью объединения опыта ученых и практиков, использующих социально-психологические подходы для повышения эффективности образования, в рамках конференции были выполнены следующие задачи: формирование профессиональных связей и налаживание обмена опытом специалистов, работающих в сфере подготовки кадров для образовательных учреждений разного типа; обсуждение критериев качества подготовки специалистов для системы образования; выявление перспективных направлений исследования социально-

психологических проблем в образовательных учреждениях разного типа; знакомство с современными отечественными и зарубежными технологиями в области образования; подготовка и публикация сборника научных материалов конференции.

Поступившие в оргкомитет заявки на выступления и публикации тезисов были распределены по шести тематическим направлениям («Социально-психологические технологии в работе психолога образования», «Социализация личности в образовательном процессе», «Ученические группы в образовательном пространстве», «Управление образованием: возможности социальной психологии», «Социально-психологические аспекты педагогической деятельности», «Семья и школа: взаимопонимание и взаимодействие»), которые стали основой работы секций конференции. Разумеется, данный тематический перечень не охватывает всего спектра проблем современной социально-психологической науки и практики в сфере образования. Однако можно считать, что перечисленные направления адекватно отражают запросы современного образования на участие в решении его задач социальных психологов — исследователей и практиков.

На открытии конференции 16 октября 2013 года с приветственным словом к коллегам обратился член программного комитета, проректор МГППУ, профессор Ю.М. Забродин. Затем состоялось пленарное заседание, в рамках которого были заслушаны доклады Ю.М. Забродина «Профессиональный стандарт педагога-психолога (психолог в системе образования)», профессора Первого римского университета «La Sapienza» М.С. Веджетти «Молодежь: образование

и интеграция в общество», зав. кафедрой социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Т.Г. Стефаненко «Этнопсихология в системе социально-психологического образования: проблемы и перспективы», руководителя психолого-педагогической службы реабилитации для подростков группы риска (Youth at-risk division) в Иерусалиме Ш. Амеди «Израильский опыт психолого-педагогической работы с молодежью группы риска», зав. кафедрой теоретических основ социальной психологии МГППУ О.Б. Крушельницкой «О становлении социальной психологии образования».

Все доклады содержали актуальную информацию о различного рода достижениях в сфере образования и вызвали живой интерес слушателей. Участники конференции единодушно одобрили деятельность МГППУ по созданию образовательных и профессиональных стандартов, выразили пожелание развивать эту работу. Оживленная дискуссия развернулась по поводу поднятой в докладе М.С. Веджетти проблемы безработицы среди выпускников европейских вузов. С огромным вниманием участники пленарного заседания отнеслись к сообщению Т.Г. Стефаненко о перспективных направлениях развития этнопсихологической работы в образовании. Наибольшее количество вопросов было задано участниками заседания Ш. Амеди об особенностях организации социально-психологической и психолого-педагогической помощи трудным подросткам в Израиле.

После пленарного заседания было представлено 16 стендовых докладов, авторы которых познакомили коллег с ходом и результатами конкретных социально-психологических исследований, на-

правленных на повышение качества обучения и воспитания учащихся, а также гармонизацию взаимоотношений субъектов образовательного процесса. Демонстрация авторских достижений послужила основой для свободной коммуникации между участниками конференции.

В этот же день состоялось заседание круглого стола по теме «Социально-психологические проблемы обучения и воспитания на новом этапе развития образования» (ведущие — д-р психол. наук, проф. Т.Г. Стефаненко, канд. психол. наук, доцент О.Б. Крушельницкая). В работе заседания приняли участие более 50 человек, в том числе заведующие кафедрами социальной психологии вузов Москвы и Московской области, а также кафедрами, силами которых ведется в московском регионе подготовка по социально-психологическим дисциплинам.

Опыт разработки и проведения курса «Профессиональная социализация психолога» для первокурсников факультета психологии филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в Ташкенте был представлен в докладе Т.Ю. Базарова. Это выступление вызвало широкий отклик участников заседания и наиболее продолжительную их дискуссию. Тема совершенствования начального этапа вузовской подготовки психологов была продолжена в докладе Л.В. Тарабакиной, предложившей инновационную диалоговую технологию учебного контроля динамики становления социально-психологической компетентности студентов. Связь подготовки психологов с представлениями об их будущей профессиональной деятельности стала темой выступления А.В. Погодиной.

Большой интерес участников заседания вызвал доклад Т.И. Шульги, посвя-

щенный проблеме оптимизации взаимодействия психолога школы с администрацией, педколлективом, учащимися и семьей. Т.И. Шульга поделилась также опытом включения в курс «Введение в профессию» практических занятий, направленных на профессиональное становление личности студентов. Участники заседания в процессе дискуссии пришли к выводу, что помимо дисциплины «Введение в профессию» первокурсникам психологических факультетов необходим курс, который позволил бы в процессе практических занятий развивать необходимые профессионально важные личностные компетенции.

Именно на круглом столе впервые за время конференции прозвучало разделяемое всеми участниками мнение о необходимости разработки стандарта профессиональной деятельности психолога. В качестве наиболее целесообразного разработчика такого стандарта участники конференции назвали ГБОУ ВПО МГППУ, который уже имеет положительный опыт создания подобных документов.

Параллельно с работой круглого стола состоялись три мастер-класса, собравших десятки заинтересованных участников: «Использование интервенционных технологий в рамках учебных Т-групп» (ведущий — канд. психол. наук, доцент Ю.М. Кондратьев), «Формирование морально-нравственных ценностей у подростков» (ведущий — аспирант МГППУ А.А. Светлова), «Позиция психолога в сфере образования как способ борьбы с профессиональным выгоранием» (ведущий — канд. психол. наук, доцент МГППУ К.А. Серебрякова). На мастер-классах были продемонстрированы социально-психологические технологии,

используемые в образовании. Участникам мастер-классов была предоставлена возможность получить опыт практического применения социально-психологических средств повышения эффективности обучения и воспитания.

Неформальное общение, обмен мнениями, знакомство с научными интересами и практическими достижениями коллег продолжились вечером первого дня конференции во время теплоходной прогулки участников форума по Москве-реке.

Второй день конференции (17 октября) начался с заседания тематических секций, на которых выступили ведущие отечественные и зарубежные специалисты в области социальной психологии образования. Вот что сообщили руководители секций о работе заседаний.

На заседании секции 1 «Социально-психологические технологии в работе психолога образования» (руководители — канд. психол. наук, доцент О.Е. Хухлаев, канд. психол. наук, доцент А.С. Обухов) наиболее оживленные дискуссии вызвали доклады, посвященные комплексной психолого-педагогической и медико-социальной технологии сопровождения подростков с разным уровнем образовательного ресурса (Г.С. Остапенко), непрерывному образованию в контексте профессионального и личностного развития (Е.Ю. Литвинова), социально-психологическим аспектам интеграции мигрантов в образовании (О.Е. Хухлаев), применению неосознаваемого оценочного прайминга и имплицитного ассоциативного теста при изучении аттитюдов (И.Д. Плотка).

Была представлена комплексная технология решения проблемы обучения и развития современного подростка на ос-

нове синтеза методологических принципов гетерохронности, полисистемности и полифункциональности в процессе школьного образования. Эти принципы позволяют изучить детерминанты закономерностей развития познавательной активности подростков с разным уровнем образовательного ресурса. Участники конференции отметили, что непрерывность становится основополагающим принципом системы образования, провозглашающим необходимость участия в нем человека на протяжении всей его профессиональной жизнедеятельности, что является залогом успешной адаптации к требованиям социально-экономических изменений, способности и готовности быть востребованным на рынке труда.

В результате обсуждения этих и других тем участники секции пришли к заключению о необходимости изменения на основе новейших достижений науки и практики, сложившихся представлений о формах и содержании психологического сопровождения учащихся и расширении использования социально-психологических технологий в работе психолога образования.

На секции 2 «Социализация личности в образовательном процессе» (руководители — д-р психол. наук, проф. Н.Н. Толстых, д-р психол. наук, проф. Е.П. Белинская) в центре внимания оказались две темы: социализация студентов в процессе профессионального обучения; развитие личности, индивидуальности и субъектности на этапе начального школьного образования.

В рамках обсуждения первой темы особый интерес вызвали доклады психологов из Болгарии Д. Левтеровой и Н. Милевой «Карьерное развитие и ка-

рьерная мотивация в университетском образовании» и К.С. Тагаревой «Развитие коммуникативных умений у студентов в контексте психического здоровья и благополучия». Докладчики и дискуссионты пришли к единодушному выводу, что в современных условиях весьма жесткого для психологов рынка труда (ситуации в Болгарии и в России во многом схожи) для устройства на работу, быстрой адаптации и успешной профессиональной карьеры далеко не всегда достаточно иметь лишь хорошую академическую успеваемость. Более того, часто успешными становятся как раз не отличники, а студенты, имеющие иные — прежде всего, именно социально-психологические, — компетенции. Развитием таких компетенций и следует озадачиться в процессе обучения в вузе в рамках специально организованных с этой целью занятий.

При обсуждении второй темы наибольшее внимание было уделено докладом Н.С. Денисенковой и С.Д. Волковой (Москва) «Социально-психологические аспекты адаптации умственно одаренных детей к школе», В.В. Степановой (Смоленск) и Н.Н. Толстых (Москва) «Роль коллективной деятельности и коллективных представлений в развитии интеллекта, личности и индивидуальности младшего школьника», а также О.Б. Крушельницкой «Об информационно-психологическом подходе к исследованию референтности». Бурная дискуссия, которая вывела обсуждение зафиксированных докладчиками проблем далеко за намеченные ими рамки, показала сложность проблем начальных этапов школьного обучения, существование разных точек зрения по поводу влияния на становление личности учащегося системы его референт-

ных отношений со сверстниками и взрослыми, пути осуществления обучения одаренных детей, детей с теми или иными нарушениями в умственном и психическом развитии и, наконец, «обычных» младших школьников. Остроту дискуссии прибавил переход школы на новые стандарты образования, которые не всеми понимаются и не всеми принимаются в новых реалиях современного социума (раннее приобщение к компьютеру, вариативность образования и пр.).

В ходе работы секции 3 «Ученические группы в образовательном пространстве» (руководители — канд. психол. наук, доцент О.Б. Крушельницкая, д-р психол. наук, доцент М.Е. Сачкова) с докладами выступили М.Е. Сачкова, Н.В. Кочетков, И.Н. Тимошина, В.А. Шорохова, И.Б. Бовина, Е.Б. Березина. Дискуссии разворачивались после каждого доклада и особенно остро обсуждались вопросы новых подходов к исследованию групп в образовательных организациях: использование ресурсов среднестатусных учащихся в оптимизации отношений субъектов образования, перспективы гендерных исследований учебных групп в маскулинной и фемининной культурах, факторы повышения мотивации студентов к обучению, особенности формирования религиозной идентичности и проблемы, связанные с обучением в группах с разным религиозным, этническим составом, а также в школах, работающих в рамках инклюзивного образования.

Особый интерес участников секционного заседания вызвал телемост с Раффлским колледжем (Сингапур), в рамках которого Е.Б. Березина и И.Б. Бовина рассказали об особенностях возникновения и проявления буллинга в современных школах и в виртуальных соци-

альных сетях, о подходах к его исследованию, о теориях и современных концепциях, раскрывающих его психологическую суть, о проблемах коррекции данного явления. Но больше всего вопросов было связано с отличиями сингапурской системы высшего образования от российской (посещаемость, написание курсовых работ, учебная мотивация студентов, сдача экзаменов в сессию, социально-психологические особенности учебного процесса, построение траектории профессионального развития и карьеры и т. п.).

Работа секции 4 «Управление образованием: возможности социальной психологии» (руководители — д-р психол. наук, доцент Л.Н. Аксеновская, канд. психол. наук, доцент А.В. Погодина) проходила в творческой атмосфере обмена мнениями и активного обсуждения управленческих проблем. В содержательном плане выступления подразделялись на три подгруппы: теоретико-методологические доклады, в которых освещались концептуальные вопросы; доклады по проблематике психологии управления в школах; доклады по проблемам управления образованием в вузах.

Работа секции открылась докладом А.Н. Аксеновской «Университет и новые задачи развития», в котором рассматривались вопросы развития современного университета в условиях реформирования образования. С дискуссионным докладом о предмете организационной психологии применительно к системе образования выступил А.В. Пацула. Психолого-педагогическая модель взаимодействия участников образовательного процесса была раскрыта в выступлении А.С. Обухова. Концептуальные доклады вызвали живой интерес и активное обсуждение участников секции.

Тематика психологии управления в школах была раскрыта в выступлениях И.А. Князевой, М.А. Харченко и Т.В. Кочетовой. Активное обсуждение вызвал доклад о результатах исследования запроса руководителей образовательных учреждений к специалистам в области психологии управления (М.А. Харченко).

Проблемы психологии управления в вузах были проанализированы в докладе О.А. Гулевич, после которого развернулась активная дискуссия по вопросам справедливости в деятельности преподавателей высшей школы.

Работа секции 5 «Социально-психологические аспекты педагогической деятельности» (руководители — канд. пед. наук, доцент М.А. Егорова, канд. биол. наук, доцент Т.Ю. Маринова, канд. психол. наук, доцент В.А. Орлов) началась с доклада французского исследователя Ф. Фауквет-Алехина о влиянии использования информационно-коммуникативных средств на уровень образовательной успешности студентов. Эта актуальная для всех вузовских преподавателей тема вызвала множество вопросов у участников секции. Прозвучали предложения о возможности расширения представленного исследования с целью получения более глубоких, в том числе социально-психологических, данных, как использование мобильных телефонов, планшетов и других электронных средств способно повлиять на эффективность учебного процесса. Большой интерес вызвал доклад израильского коллеги Ш. Головичера о психологических факторах успешной учебной деятельности и реабилитационной работы с подростками группы риска в мультикультурной среде. Дискуссия развернулась, в частности, по поводу возможнос-

ти переноса результатов многолетнего опыта в условия других государств. Большое внимание было уделено на секции социально-психологическим условиям психологического здоровья дошкольников, существенным фактором которого является образовательная среда. Т.В. Дробышева познакомила коллег с интересным опытом диагностики в работе педагога-психолога ДОУ.

Коллега из Минска Т.Е. Карпович выступила с докладом на тему социально-психологических последствий складывающегося в последнее время в различных странах отношения к педагогу как к работнику сервисной сферы, что вызвало заинтересованный отклик слушателей и конструктивную дискуссию по данной проблеме. Е.П. Белинская в своем сообщении подняла вопрос об особенностях и последствиях преподавания социально-психологических дисциплин в вузе. И.И. Кауненко рассказала об особенностях подготовки в республике Молдова студентов-психологов, магистрантов к работе в полиэтнической среде.

Работа секции 6 «Семья и школа: взаимопонимание и взаимодействие» (руководители — канд. психол. наук, доцент Ю.П. Кошелева, д-р психол. наук, проф. Л.Б. Шнейдер) привлекла внимание участников конференции тем, что ее тематика затрагивает интересы практически всех участников образовательного процесса. Так, например, именно семейная ситуация является источником образовательных проблем молодых цыган в Молдове, о чем сообщила в своем докладе Н.Г. Каунова. Как показали результаты социально-психологических исследований Ю.П. Кошелевой и ее коллег, образ брачного партнера у современной молодежи стремительно меняется, в результа-

те чего происходит рассогласование брачных гендерных ожиданий у женщин. В то же время у юношей образ идеальной будущей супруги больше соответствует избраннице в реальной жизни. Г.С. Остапенко рассказала об основных направлениях работы с родительской общественностью по вопросам профилактики жестокого обращения с детьми и подростками. Представлениям подростков о ценностях своей будущей семьи было посвящено выступление М.В. Кваши, которое вызвало активное обсуждение.

Наиболее оживленная и продолжительная дискуссия развернулась по проблемам приемных и замещающих семей. Обсуждение началось с доклада Л.Б. Шнейдер о возможностях психодиагностики приемных семей и претендентов в замещающие родители. Тему продолжили доклады, посвященные социализации личности приемных детей, а также оценке кандидатами в приемные родители своих возможностей по воспитанию ребенка, пережившего опыт депривации и психологической травмы. Единодушным для участников секции стало мнение о необходимости развития сотрудничества школьных психологов и педагогов с родителями учащихся.

Искренний интерес участников конференции вызвал двухчасовой телемост «Школьная психологическая служба в США» с Т. Коттл, психологом-консультантом Fairfax County Public Schools (Фаирфакс, Вирджиния, США). Во время телемоста состоялось знакомство с американским опытом психологического сопровождения школьного образовательного процесса, во многом основанного на социально-психологических средствах помощи учащимся. Обсуждались возможности заимствования эле-

ментов американской национальной модели школьной психологической службы, а также особенности профессиональной деятельности школьного психолога-консультанта в США.

Во второй половине дня 17 октября участники конференции посетили еще четыре мастер-класса: «Обучение во взаимодействии»: новые-старые социально-психологические технологии в образовании» (ведущий — канд. психол. наук, доцент О.Е. Хухлаев), «Социально-психологические инструменты развития факультета (опыт применения на факультете психологии национального исследовательского Саратовского госуниверситета)» (ведущий — д-р психол. наук, доцент Л.Н. Аксеновская), «Использование метода “Метафора” в организационной диагностике» (ведущий — канд. психол. наук, доцент МГППУ Т.В. Кочетова), «Тренинг межкультурной коммуникации в школе» (ведущий — канд. психол. наук, доцент М.Ю. Чибисова).

Работа конференции прошла на высоком научном уровне, неформально, плодотворно и активно. Она позволила сконцентрировать дискуссии участников вокруг по-настоящему злободневных проблем и детально их обсудить. Мастер-классы были содержательными и дали возможность их участникам познакомиться с ценным профессиональным опытом, освоить профессионально важные навыки.

По итогам конференции ее участники приняли решение:

- подготовить на основе материалов конференции статьи для журналов, издаваемых МГППУ;

- использовать результаты представленных на конференции исследований в процессе преподавания студентам бакалавриата и магистратуры по направлению «Психология» дисциплин вариативной части учебного плана;

- считать целесообразным расширение социально-психологических исследований в сфере образования и интенсификации использования социально-психологических технологий в работе психологов образовательных учреждений всех уровней и типов;

- с целью повышения качества воспитания и обучения школьников считать необходимым научно обоснованное развитие всестороннего профессионального сотрудничества школьных психологов, педагогов, администрации с родителями учащихся;

- считать необходимой разработку стандарта профессиональной деятельности психолога; считать целесообразной разработку такого стандарта силами ГБОУ ВПО МГППУ, имеющего положительный опыт создания подобных документов;

- провести II международную научно-практическую конференцию «Социальная психология в образовательном пространстве» в ГБОУ ВПО МГППУ осенью 2015 года.

О.Б. Крушельницкая,
председатель оргкомитета
конференции,
кандидат психологических наук,
доцент,

заведующая кафедрой теоретических
основ социальной психологии МГППУ

International Forum of Experts in Social Psychological Issues in Education

O.B. KRUSHELNITSKAYA

*PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Theoretical
Foundations of Social Psychology, Department of Social Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education*

The article presents a report on the First International Scientific Conference "Social Psychology in the field of education", which was held in October 2013 in MSUPE. More than 250 participants took part in numerous activities: plenary sessions, poster presentations, videoconferences, breakout sessions, workshops, and the extended round table meeting of heads of social psychology chairs and departments of various universities of Moscow metropolitan area. The aim of the conference was to bring together the experience and knowledge of researchers and experts in social psychology working upon the development of theoretical and applied approaches to increasing the quality and efficiency of the educational system. The resolution of the conference reflects the decisions taken by its members to extend the social psychological studies in education, to promote the use of social psychological techniques in the work of psychologists and to further the development of cooperation between teachers, school counselors, administration, students and parents.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2013 ГОДУ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Агадуллина Е.Р.* Коллективные действия: предикторы и модели ..... № 3. С. 42–51
- Бескова Т.В.* Структурная организация отношения зависти
с позиции системного подхода ..... № 1. С. 15–28
- Волков А.А.* Зрелищное общение как особая форма общения
современной молодежи ..... № 1. С. 41–51
- Гулевич О.А., Шевелева И.А., Фомичев А.А.* Помощь как стиль
жизни: психологические аспекты волонтерской деятельности ..... № 2. С. 5–20
- Дубовская Е.М.* Проблема совместной деятельности:
традиция и перспектива ..... № 3. С. 5–12
- Дубовская Е.М., Короблинов Р.А.* Экономическая социализация
в транзитивном обществе. Введение в проблему ..... № 4. С. 5–21
- Ильин В.А.* О предмете и основных задачах организационной
психологии на современном этапе ее становления и развития ..... № 4. С. 22–33
- Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Воздействие и влияние как
социально-психологические координаты межличностного
взаимодействия: понятийно-терминологический аспект ..... № 4. С. 46–57
- Кочетова Т.В., Кузнецов С.А.* Социальная психология болельщиков
спортивных команд: эволюционная парадигма исследования ..... № 1. С. 5–14
- Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет
социально-психологических исследований ..... № 4. С. 34–45
- Лукьянченко Н.В.* Психологическое просвещение в контексте
кризиса идентичности: противоречия и перспективы ..... № 3. С. 28–41
- Панов В.И.* Экопсихологические взаимодействия:
виды и типология ..... № 3. С. 13–27
- Пикулёва О.А.* Психологическая многозначность понятия
«самопрезентация личности» и современные научные подходы
к пониманию его содержания ..... № 2. С. 21–37
- Пищик В.И.* Конфигурация координат психологического
пространства ментальности поколений ..... № 2. С. 38–49
- Тинигина А.А.* Современные исследования эгоцентризма
в контексте социального восприятия и общения ..... № 1. С. 29–40

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бочарова Е.Е.* Аксиологическая направленность и субъективное
благополучие личности в специфике
этнопсихологической обусловленности ..... № 4. С. 95–105
- Егорова М.А., Миронова С.И.* О психологической готовности
к материнству девушек-сирот ..... № 4. С. 69–80
- Заграновская А.В.* Исследование социально-психологических
особенностей делегирования полномочий ..... № 2. С. 69–80

<i>Заикин В.А.</i> Взаимосвязь характера социометрической структуры сообщества и типа группового морального решения	№ 2. С. 94–107
<i>Зеленова М.Е.</i> Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности	№ 1. С. 69–82
<i>Колтачук Е.В., Вачков И.В.</i> Гендерные различия в коммуникативном поведении при получении критической обратной связи	№ 2. С. 59–68
<i>Кузнецов С.А.</i> Особенности мотивации спортсменов командных и индивидуальных видов спорта	№ 4. С. 106–113
<i>Кузнецова А.В.</i> Коллективные воспоминания о политической власти в различные исторические периоды у представителей разных социальных групп россиян	№ 3. С. 102–115
<i>Лабунская В.А.</i> Образ врага в межличностном общении	№ 3. С. 52–64
<i>Лисицын В.А., Кондратьев М.Ю.</i> Особенности межгруппового и межличностного взаимовосприятия разностатусных подростков и юношей	
Сообщение 1. Особенности межгруппового и межличностного взаимовосприятия разностатусных школьников — старшекласников общеобразовательной школы	№ 3. С. 70–83
Сообщение 2. Особенности межгруппового и межличностного взаимовосприятия разностатусных студентов — первокурсников, третьекурсников и пятикурсников	№ 3. С. 84–101
<i>Морозова Т.В.</i> Особенности представлений разновозрастных и разностатусных школьников о противоречивой ситуации социального взаимодействия и вариантах ее разрешения	№ 1. С. 83–91
<i>Посыпанова О.С.</i> Особенности мотивации демонстративного потребления провинциальной молодежи	№ 3. С. 116–129
<i>Рафина Н.К., Шайдакова Н.В., Мохнаткина И.Н.</i> Демонстративное потребление современных подростков: социально-психологические особенности	№ 1. С. 52–68
<i>Сачкова М.Е., Васькова О.В.</i> Взаимосвязь статусной дифференциации и сплоченности в ученических группах старших подростков	№ 1. С. 92–103
<i>Скрипкина Т.П., Нехорошева И.В.</i> Отличия в основных показателях субъективного качества жизни между людьми с разной нравственной направленностью	№ 2. С. 50–58
<i>Фомичева А.Е., Хухлаев О.Е.</i> Исследование взаимосвязи предпочитаемых стратегий совладания и этнонациональных установок	№ 4. С. 58–68
<i>Фомиченко А.С.</i> Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы	№ 2. С. 81–93
<i>Шкурко Т.А.</i> Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа	№ 4. С. 81–94

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

<i>Грошев И.В., Морозова Л.В.</i> Гендерный дискурс эмоциональной «энергизации» шокирующей рекламы как латентного целеполагания процесса формирования отношения потребителей к товару	№ 1. С. 138–154
---	-----------------

- Грязева-Добшинская В.Г., Глухов П.С.* Методика исследования социокультурного пространства организации «Краб» Ю.Д. Красовского: психометрические характеристики полной версии и разработанного экспресс-варианта ..... № 4. С. 123—132
- Гулевич О.А.* Справедливость экзамена: оценка действий преподавателей и мотивация обучения ..... № 3. С. 130—142
- Ермолаев В.В., Макушина О.П., Четверикова А.И.* Социально-психологические детерминанты проявления агрессии водителями пассажирского транспорта на российских дорогах ..... № 2. С. 108—118
- Кондратов М.Ю., Лисицын В.А.* К вопросу о модификации «внутригруппового» социально-психологического инструментария для исследования межгрупповых отношений и взаимовосприятия ..... № 4. С. 133—149
- Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика ..... № 1. С. 104—115
- Ловаков А.В.* Когнитивные и поведенческие стратегии преодоления эффекта грязной работы ..... № 3. С. 153—162
- Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями ..... № 1. С. 155—162
- Молдован Н.А.* Исследование социально-психологических детерминант участия женщин в общественной деятельности ..... № 4. С. 114—122
- Павлова О.С.* Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей ..... № 2. С. 119—136
- Седых Н.С.* Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета ..... № 2. С. 137—147
- Стрыгина В.В.* Профиль должности как системообразующий метод стандартизации должностей предприятия ..... № 1. С. 116—137
- Ясвин В.А.* Отношение педагогов к учащимся как фактор качества образовательной среды ..... № 3. С. 143—152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Крушельницкая О.Б.* Международный форум специалистов по социально-психологическим проблемам образовательного пространства ..... № 4. С. 150—159

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Радина Н.К.* Общество и биополитика: читая Мишеля Фуко
Рецензия на книгу: Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году.
СПб.: Наука, 2010. 448 с. .... № 3. С. 163—167
- Толстых Н.Н.* Идентификация Эриксона. Рецензия на книгу:
Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора
(опыт исследования природы клинико-психологического знания).
Монография. М.: ООО «ИПЦ «Маска»». 2011. 306 с. .... № 2. С. 148—159

Бочарова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
bocharova-e@mail.ru

Глухов Пётр Сергеевич — аспирант, преподаватель кафедры общей психологии Южно-Уральского государственного университета
gluhovpetr@mail.ru

Грязева-Добшинская Вера Геннадьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей психологии Южно-Уральского государственного университета,
vdobshinya@mail.ru

Дубовская Екатерина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Dubovskaya13@gmail.com

Ильин Валерий Александрович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии управления Московского городского психолого-педагогического университета,
Va0405@mail.ru

Егорова Марина Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии, декан факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета,
Mareg59@mail.ru

Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор Московского городского психолого-педагогического университета,
social1977@bk.ru

Кораблинов Руслан Александрович — соискатель кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
korablinov@mail.ru

Крушельницкая Ольга Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета,
social2003@mail.ru

Кузнецов Сергей Александрович — аспирант кафедры психологии управления Московского городского психолого-педагогического университета,
kuznecovsapsy@gmail.com

Кузнецова Снежана Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан,
snejana.mgdn@mail.ru

Лисицын Владислав Александрович — педагог-психолог Центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции «На Снежной», соискатель факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета,
lisitsynv@inbox.ru

Миронова Светлана Игоревна — аспирант кафедры педагогической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, медицинский психолог Магаданского областного наркологического диспансера,
s-zhelnova@mail.ru

Молдован Наталия Александровна — ассистент кафедры начального и коррекционного образования Львовского национального университета имени Ивана Франка, аспирант кафедры психологии Львовского национального университета имени Ивана Франка, Украина,
Ustik_n@ukr.net

Фомичева Анастасия Евгеньевна — аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
nasikk@rambler.ru

Хухлаев Олег Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
huhlaev@mail.ru

Шкурко Татьяна Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Южного федерального университета, г. Ростов-н/Д,
Shkurko@sfedu.ru

Elena E. Bocharova – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Educational Psychology, Chernyshevsky Saratov State University,
bocharova-e@mail.ru

Petr S. Glukhov – PhD student, lecturer at the Chair of General Psychology, South Ural State University
gluhovpetr@mail.ru

Vera. G. Gryazeva-Dobshinskaya – Doctor in Psychology, head of the Chair of General Psychology, South Ural State University
vdobshinya@mail.ru

Ekaterina M. Dubovskaya – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University
Dubovskaya13@gmail.com

Valery A. Ilyin – Doctor in Psychology, professor, professor at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
Va0405@mail.ru

Marina A. Egorova – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Pedagogical Psychology, dean of the Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education
Mareg59@mail.ru

Mikhail Yu. Kondratyev – Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education,
social1977@bk.ru

Ruslan A. Korablinov – degree seeking applicant at the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University
korablinov@mail.ru

Olga B. Krushelnitskaya – PhD in Psychology, associate professor, head of the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
social2003@mail.ru

Sergey A. Kuznecov – PhD student at the Chair of Management Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
kuznecovsapsy@gmail.com

Snezhana A. Kuznetsova – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology, Northeastern State University, Magadan
snejana.mgdn@mail.ru

Vladislav A. Lisitsyn – psychologist at the Center for Psychological and Educational Rehabilitation "Na Snezhnoi", degree seeking applicant at the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education,
lisitsynv@inbox.ru

Svetlana I. Mironova – PhD student at the Chair of Pedagogical Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, medical psychologist at the Magadan regional addiction clinic
s-zhelnova@mail.ru

Nataliia A. Moldovan – PhD student at the Department of Psychology, assistant lecturer at the Department of Primary and Curative Education, Ivan Franko National University of Lviv (Ukraine)
Ustik_n@ukr.net

Anastasia E. Fomicheva – PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education
nasikk@rambler.ru

Oleg Ye. Khukhlaev – PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
hukhlaev@mail.ru

Tatyana A. Shkurko – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don
Shkurko@sfedu.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «Социальная психология и общество» на 2014 год

Индекс (Агентство «Роспечать»): 22209 (полугодовой)
 Периодичность выхода: 4 номера в год (ежеквартально)
 Стоимость подписки на полугодие: 607 руб.
 Стоимость одного номера: 307 руб.

Подробная информация по подписке:
 Телефон редакции: +7 (495) 632-95-44, (499) 256-39-26
 Email: spas2010@mgppu.ru
 Электронная версия журнала: www.PsyJournals.ru/socialpsy

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		22209 <small>(индекс издания)</small>									
	Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>		Количество комплектов									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда <small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>									
	Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>											
		ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА		на журнал		22209 <small>(индекс издания)</small>						
		ПВ	место	ли-тер								
		Социальная психология и общество <small>(наименование издания)</small>										
Стоимость	подписки	пере-адресовки		Количество комплектов								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда <small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>										
Кому <small>(фамилия, инициалы)</small>												

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *К.М. Корепанова*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *К.М. Корепанова*

Translator *Е. Виноградова*

Maker-up *М.А. Баскакова*